

*10-летию
Факультета международных отношений
Воронежского Государственного Университета
посвящается*

**РОССИЙСКИЙ
ЖУРНАЛ ИССЛЕДОВАНИЙ
НАЦИОНАЛИЗМА**

2012 / 1

Российский журнал исследований национализма

№ 1, 2012

Основан в 2012 году

Учредитель:

Факультет международных отношений
Воронежского Государственного Университета;
Кафедра регионоведения и экономики зарубежных стран;
Кафедра международных отношений и мировой политики

Редакционная коллегия

к.и.н. *И.Б. Горшенева*
к.и.н. *М. В. Кирчанов* (отв. ред. ВГУ)
к.и.н. *А. В. Погорельский*
к.и.н. *И. В. Форе́т*

Editorial Board

Dr. Irina B. Gorsheniova
Dr. Maksym W. Kyrchanoff (editor)
Dr. Irina V. Phoret
Dr. Alexander V. Pogorelsky

Адрес редакции

394000, Россия, Воронеж
Московский пр-т 88
Воронежский государственный университет
корпус № 8, ауд. 105

Все материалы, поступающие в Редакцию,
проходят процедуру анонимного рецензирования.

Электронная версия настоящего издания
доступна на официальном сайте Факультета международных отношений
Воронежского государственного университета

<http://www.ir.vsu.ru>

ISSN 2221-0792

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

М.В. Егоров, Политические и интеллектуальные истоки коннелизма

М.В. Кирчанов, Европейская идентичность Грузии: европейская идея и современный грузинский национализм

А.А. Болдырихин, Постнациональный этап в трансформации западного общества: теории постнационализма в современном гуманитарном знании

П.В. Астанин, Национальная идея в риторике современной правоконсервативной оппозиции в Польше

Нация и национализм в донациональную и национальную эпоху

Романизация и трансформации идентичностей в провинциях Римской Империи

Е.М. Поляков, Назмира Узуни, Крах национального государства в Сомали: причины и последствия

Д.С. Попов, Л.Е. Петрова, Миграция и социальная дистанция от этнических групп в оценках уральских школьников и их родителей

Постколониальный анализ до Эдварда Саида (проблемы балканских истоков постколониальной теории)

М.В. Кирчанов, Восток, Запад и зависимость: к проблеме болгарских истоков постколониального анализа

Критика

Ранний русский консерватизм в современной российской историографии

Е.Поляков, Что попишешь – молодежь! Не задушишь, не убьешь...

О пользе и многообразии «Других»: проблемы инаковости в современных болгарских гуманитарных исследованиях

Воображая и конструируя Балканы: традиции балканизма в современной болгарской историографии

Новая книга о русском национализме

Нация, национализм и диктатура в современной болгарской историографии

СТАТЬИ

М.В. Егоров

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ИСТОКИ КОННЕЛИЗМА

Автор анализирует истоки коннелизма. Дэниэл О'Коннелл известен как один из создателей и отцов современного ирландского национализма. Коннелизм принадлежал к числу влиятельных течений в ирландском национализме. Анализируются политические и интеллектуальные истоки коннелизма. Особое внимание уделено исторической роли коннелизма в истории Ирландии и западного общества.

Ключевые слова: Ирландия, национализм, политическая история, интеллектуальная история, Дэниэл О'Коннелл, коннелизм

Автор аналізує витоки коннелізму. Деніел О'Коннелл відомий як один з творців і батьків сучасного ірландського націоналізму. Коннелізм належав до числа впливових течій в ірландському націоналізмі. Аналізуються політичні і інтелектуальні витоки коннелізму. Особлива увага надана історичній ролі коннелізму в історії Ірландії і західного суспільства.

Ключові слова: Ірландія, націоналізм, політична історія, інтелектуальна історія, Деніел О'Коннелл, коннелізм

The author analyses the sources of connellism. Daniel O'Connell is known as one of creators and fathers of modern Irish nationalism. Connellism belonged to the number of the most influential trends in Irish nationalism. The political and intellectual sources of connellism are also analyzed in the article. The special attention is paid to the historical role of connellism in history of Ireland and Western society.

Keywords: Ireland, nationalism, political history, intellectual history, Daniel O'Connell, connellism

Ирландский национализм многогранен и имеет долгую историю. Еще с XII века прослеживаются попытки англосаксов колонизировать «Зеленый остров» кельтов, что было фактически завершено в XVII веке. Уния 1800 года юридически упразднила независимость страны¹. Поэтому в стране сложились все предпосылки формирования национализма и национального движения. Сегодня у людей не знакомых близко с ирландской историей может сформироваться стереотип ирландского национализма как агрессивного и имеющего радикальный характер (особенно в свете таких кровавых событий как Пасхальное Восстание, акции ИРА и ольстерские столкновения). Действительно, именно благодаря доминанте революционного настроения и физической силы «стойким республиканцам» «Молодой Ирландии» удалось выиграть независимый парламент для двадцати шести графств Ирландии². Однако не стоит забывать, что именно в XIX веке был заложен фундамент для складывания предпосылок к получению Ирландией своей независимости. Данная работа посвящена идеологии коннелизма, которая сумела объединить широкие слои населения Ирландии и сформировать политическую культуру ирландцев. Основатель кон-

неллизма Дэниэл О'Коннелл будучи реалистом в политике осознавал необходимость тщательной подготовки ирландского общественно-политического сознания к преобразованиям. Это было связано с рядом факторов. Во-первых, преимущественно аграрный состав населения сказывался на уровне политической культуры ирландского общества. Во-вторых, политическая мобилизация в Ирландии проходила в обстановке отрыва от требований индустриальной, финансовой, социальной модернизации³. В-третьих, до О'Коннелла Ирландия в какой-то мере выпадала из контекста европейской истории, находясь за кулисами прогрессивных общественно-политических событий. Действительно, еще с XVII века наблюдения англичан (*Observations and Reports*) культивировали отсталость кельтского общества и «варваризм гэллов»⁴. Из доклада посла Ирландии Филипа МакДоны следует, что Ирландия, являясь географически страной Западной Европы, была ее «периферией» в цивилизационном плане. Это во многом связано с «кельтоцентризмом» ирландцев и их пристальным вниманием к собственным проблемам⁵. Отсюда, Ирландии был необходим вооруженный новейшими стратегиями «с континента» политический деятель, который бы смог «освободить» Ирландию, зная все тонкости кельтского общества и менталитета. Таким человеком и стал О'Коннелл.

Вступление О'Коннелла на стезю политика и общественного деятеля, готового защищать Ирландию пришлось на своего рода переходный период (конец XVIII-начало XIX вв.) как в истории Ирландии, так и в истории Соединенного Королевства. В интеллектуальном плане лучшие умы Европы наблюдали упадок эпохи Просвещения и зарождение классического либерализма. В социально-политическом плане обстановка в Ирландии была буквально наэлектризована. Ирландская общественность была потрясена сообщениями о возможной высадке десанта со стороны республиканской Франции, а введение Унии 1800 года стало своего рода «водоразделом» в истории страны, усилившим брожение. Накал социальной обстановки вылился в аграрные погромы-преступления и другие акты насилия, осуществляемые секретными обществами. Антикатолицизм как одна из доминирующих составляющих британского нейтивизма проявлялся в политике дискриминации католиков как на бытовом, так и на законодательном уровнях. В 1803 году прогремело восстание Эммета, однако его вряд ли можно рассматривать как реальную попытку революции. Отсюда, появление О'Коннелла как нового лидера с новой идеологией на исторической арене было необходимо и закономерно.

По мнению многих историков Дэниэл О'Коннелл является «отцом» ирландского национализма современного типа, чей триумф ока-

зал огромное влияние не только на Ирландию и Великобританию, но и на националистов левого уклона Франции, Габсбургской империи, итальянских и немецких государств. МакКэфри считает, что ирландский национализм послужил катализатором освободительных движений Азии и Африки⁶. Отсюда автор придает фигуре О'Коннелла международное значение, с чем трудно поспорить. Многие либеральные деятели той эпохи видели в О'Коннелле лидера, создателя новых политических институтов, способного бросить вызов реакционной «системе Меттерниха». В противовес этому мы встречаем полярные оценки и характеристики О'Коннелла в британской прессе того времени, где «Освободитель» изображается папистом-заговорщиком, врагом британского парламентаризма, проповедующим национализм для получения поддержки невежественных крестьян.

Противоречивость оценок О'Коннелла позволяет устранить Лекки в своей работе «Вожди общественного мнения в Ирландии». Он, понимая всю специфику ирландской действительности, резюмирует: «О'Коннеллу приходилось примерять разные маски, потому что он одновременно играл разные роли, исходя из массовости социально-политического движения, организованного им. О'Коннелл был и католическим лидером, и националистом-патриотом, и бентамитом-радикалом, и вождем кельтских кланов, и практичным политиком из Вестминстера»⁷. Чтобы понять и осмыслить содержание коннеллизма, нам придется обратиться к вехам биографии О'Коннелла и некоторым историческим пассажам, раскрывающим его политическое кредо. Дэниел О'Коннелл – фигура противоречивая и многогранная, в которой разумно сочетались две величины. Безусловно, будучи интеллектуалом европейского образца, верившим в силу прогресса, для рядовых ирландцев он был ни кем иным, как вождем клана, «Орлом Керри», новым героем Гэлии, преданным своей родной земле.

О'Коннелл родился в 1775 году в Кархене (графство Клэр) в семье джентльмена Моргана О'Коннелла. Дэниел всегда помнил о своих корнях и гордился своими предками, ведь его род прослеживался до 1245 года, восходя к древним Танистам. Один из предков стоял во главе полка в армии короля Джеймса II. Особенно большое влияние на Дэниела оказали его родственники по отцовской линии, имевшие международный авторитет. Так его дядя, граф О'Коннелл, был генералом во французской армии и видным активистом ирландской бригады. Другой его дядя, барон О'Коннелл, был тесно связан с Бурбонами. Поэтому у Дэниела О'Коннелла еще в юности сформировалось ощущение своей важной роли не только в истории родной страны, но и в мировой истории.

Дэниел О'Коннелл получил великолепное образование и знал несколько языков (греческий, латинский, гэльский, французский). А письма О'Коннелла на родном английском снискали славу образца эпистолярного жанра. Важно отметить, что антикатолические законы и запреты в социальной сфере вынудили Дэниела уехать во Францию после окончания Харрингтон-Скул (Harrington School) для дальнейшего продолжения образования⁸.

Обучение в колледже Сент-Омер стало важной вехой в биографии О'Коннелла. Там он познакомился с американским опытом революции, когда Америка осуществила на практике «рекомендации Вольтера и Энциклопедистов о важности популярной агитации (Popular Agitation)»⁹. Также он оказался в центре дискуссии ведущих публицистов, деятелей культуры Европы на наиболее актуальную в то время тему – «Политические права». Гений О'Коннелла впитал в себя «патриотизм Вашингтона», «красноречие и ораторство Мирабо», «теоретическую вооруженность Кондорсе». Равенство политических и гражданских прав для всех станет важным постулатом коннеллизма.

Примечательно, что нахождение О'Коннелла во Франции пришлось на самый разгар кровавой французской революции. Побывав в ее самом эпицентре, О'Коннелл был настолько потрясен, что, как пишет Фэган, «революция чуть не сделала из него тори». С этого момента был заложен еще один постулат коннеллизма – отрицание применения физической силы и насилия, «мирная агитация в рамках конституционализма – вот, что нужно стране». О'Коннелл навсегда возненавидел грубую физическую силу как инструмент исправления социальной несправедливости и борьбы за политические права: «Никакое социальное преобразование не стоит даже одной пролитой капли крови»¹⁰.

В 1794 году О'Коннелл был принят в престижную школу права Линкольнз Инн (Lincoln's Inn). Уже в эти годы О'Коннелл активно начал заниматься политикой и познакомился со многими видными представителями ирландского радикализма. В их числе был и Теобальд Вульф Тонн, лидер Объединенных Ирландцев, который в 1796 году подготовил высадку французского военного десанта в Ирландию. О'Коннелл осудил эту политическую акцию и в очередной раз поставил одной из главных целей своей жизни вхождение в Парламент, для ведения политической борьбы конституционными методами. Позднее в своей речи О'Коннелл подчеркнет следующее: «Я не буду скрывать своего убеждения о пользе соединения республиканизма Диссентеров (Dissenters) с монархическими элементами конституции. Соглашусь с Юниусом, что при всей практичности монархических мер управления,

мы не должны упускать республиканизм хотя бы в теории. Союз монархистов и демократов должен стать выгодным на общенациональном уровне. Я призываю демократию быть мудро контролируемой в рамках конституции»¹¹.

Важно отметить, что на политическое кредо О'Коннелла большое влияние оказало изучение работы деиста Томаса Пэйна «Век разума» (The Age of Reason). Безусловно идеи Пэйна сыграли важную роль в выработке религиозной толерантности О'Коннелла, которая помогала трезво смотреть на политику. Хотя сам О'Коннелл был предан католической вере и признавал католицизм маркером гэльской цивилизации, его дальнейшие политические действия по «освобождению католиков» были лишены какого-либо фанатичного религиозного детерминанта. Также интерес вызывает знакомство О'Коннелла с книгой Годвина «Идеи о политической справедливости» (Political Justice). Исходя из принципа объективности причины, к любой политической цели можно придти и умеренно-либеральным путем. В 1796 году О'Коннелл записал в своем журнале: «Алтарь свободы сокрушим, если он построен лишь на основе пролитой крови». Именно реализация теории Годвина на практике помогла О'Коннеллу добиться успеха в движении за политические права католиков¹². Также О'Коннелл в той или иной степени предстает перед нами как последователь английского утилитариста Джереми Бентама. Журналы и письма О'Коннелла буквально «дышат» идеями превосходства гражданской добродетели над личными интересами ради счастья Ирландии¹³.

В своей первой публичной речи (maiden speech) 13 января 1800 года О'Коннелл выступил против Унии, указывая на ее нелегитимность. В то же время в речи звучат мотивы толерантности и надежды на мирное сотрудничество и сосуществование Ирландии и Соединенного Королевства¹⁴. Позже О'Коннелл сказал, что все принципы его политической жизни и карьеры были заложены в этой речи. Весьма примечательна та характеристика, которую О'Коннеллу и его принципам в политике дал Артур Хьюстон: «Политическая последовательность не обязательно является добродетелью. Часто она – результат предубеждений, личного интереса и упрямства. Однако, если эта политическая последовательность основана на глубоких принципах, исходящих из честных убеждений, и является плодом тщательного анализа и изучения, и она продвигается вперед даже перед лицом злословия, такая последовательность отражает всю добродетель и силу великого несокрушимого характера. К этому типу и относится политическая последовательность О'Коннелла»¹⁵.

Политическое кредо О'Коннелла реализовалось в дальнейшем в двух поэтапных направлениях: борьба за эмансипацию католиков (Catholic Emancipation) и рипил Унии (Repeal of the Union). Важно отметить, что в идеологии коннелизма соединились принципы вигизма и либерализма¹⁶. Вигская фракция и ее такие лидеры как Чарльз Джеймс Фокс поддерживали эмансипацию католиков. А теория общественного договора, вытекающая из доктрин Локка была симпатична О'Коннеллу¹⁷. С самого начала своего политического пути О'Коннелл проявлял себя как представитель классического либерализма. В своем журнале О'Коннелл часто употребляет понятие «liberty» - «свобода». Так он однажды записал: «Я люблю свободу, ведь она способна преумножить человеческое и общественное счастье»¹⁸. А позже уже в 1832 году на одном из своих публичных выступлений О'Коннелл сказал: «Я всегда буду поддерживать тех, кто сражается за свободу (личности), не принимая во внимание их вероисповедание, национальность, социальный слой»¹⁹.

Важно понять, что, даже не смотря на запреты для католиков, О'Коннелл сумел открыть и прочувствовать соревновательный характер политики в рамках закона. Коннелизм не приемлил коррупции и ставил своей целью создать массовое общественно-политическое движение парламентскими методами. Выполнив одну из первоочередных задач – эмансипация католиков, О'Коннелл не собирался останавливаться. Эмансипация открыла ему и его союзникам дорогу в Вестминстер для осуществления главной политической задачи – рипила, т.е. восстановления законодательной независимости Ирландии. Так О'Коннелл писал после победы в движении за эмансипацию: «Надеюсь, я еще нужен Ирландии. Пусть католическая аристократия и джентри извлекли свои преимущества из эмансипации, но ирландский народ так и не вкусил плода хорошего правительства»²⁰.

Эпоха О'Коннелла стала важным этапом в истории Ирландии. Влияние и авторитет коннелизма были безусловными как в Ирландии, так и в Западном Мире. Демократическая партия США была создана под влиянием экспорта той политики, создателем которой был Дэниел О'Коннелл. Коннелизм не мог выйти за рамки реформаторского пути, так как ему была отведена своя историческая роль.

¹ Foster R.F. Modern Ireland 1600-1972 / R.F. Foster. – L., 1989. – P. 291.

² Brown T. Ireland. A Social and Cultural History 1922 – 1985 / T. Brown. – Glasgow, 1990. – P. 45 – 46.

³ Foster R. F. Op. cit. – P. 296. PP. 5-35.

⁴ Ibid. – P. 14.

⁵ МакДона Ф. Ирландия и Евросоюз. Доклад. Из личного архива автора.

-
- ⁶ McCaffrey L.J. Daniel O'Connell at the Repeal Year / L.J. McCaffrey. – Kentucky, 1966. – P. 4. 25.
- ⁷ Ibid. – P. 1 – 2.
- ⁸ Houston A. Daniel O'Connell: his early life, and journal, 1795 to 1802 / A. Houston. – Dublin, 1906. – P. 1 – 37.
- ⁹ Fagan W. The life and times of Daniel O'Connell / W. Fagan. – Cork, 1847. – Vol. 1. – P. 9.
- ¹⁰ Ibid. – P. 19 – 21.
- ¹¹ O'Kelly J.J. O'Connell calling. The Liberator's Place in the World / O'Kelly. – Dublin, 1947. – P. 13.
- ¹² Houston A. Op. cit. – P. IX – XII. .
- ¹³ Correspondence of Daniel O'Connell the Liberator. – L., 1888.
- ¹⁴ O'Kelly J.J. Op. cit. – P. 17 – 18.
- ¹⁵ Houston A. Op. cit. – P. XXIII.
- ¹⁶ Мирошников А.В. Восстания и реформы. Ирландский национализм от установления Унии до Братства фениев (1800 – 1858 гг.) / А.В. Мирошников. – Воронеж, 2001. – С. 4.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Houston A. Op. cit. – P. XXII.
- ¹⁹ Ibid. – P. XXIV.
- ²⁰ Ibid. – P. XXII.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ГРУЗИИ: европейская идея и современный грузинский национализм

Автор анализирует европейские мотивы в идеологии современного грузинского национализма. Грузинский национализм в современной Грузии принадлежит к числу наиболее мощных факторов в интеллектуальной и политической жизни страны. Автор полагает, что европейская идея активно используется грузинскими интеллектуалами для развития и поддержания национальной идентичности. Концепты принадлежности Грузии к Европе и развития Грузии в прошлом как части европейского культурного и политического пространства важны для развития грузинского национализма.

Автор аналізує європейські мотиви в ідеології сучасного грузинського націоналізму. Грузинський націоналізм в сучасній Грузії належить до числа наймогутніших чинників в інтелектуальному і політичному житті країни. Автор вважає, що європейська ідея активно використовується грузинськими інтелектуалами для розвитку і підтримки національної ідентичності. Концепти приналежності Грузії до Європи і розвитку Грузії у минулому як частини європейського культурного і політичного простору важливі для розвитку грузинського націоналізму.

The author analyses European trends in ideology of contemporary Georgian nationalism. Georgian nationalism in Georgia belongs to the number of the most powerful factors in intellectual and political life of the country. The author presumes that the European idea is actively used by the Georgian intellectuals for development and maintenance of national identity. The concepts of Georgian belonging to Europe and development of Georgia in the past as part of European cultural and political landscape are important for development of Georgian nationalism.

Ключевые слова: Грузия, независимость, национализм, европейская идея, политическое воображение

Ключові слова: Грузія, незалежність, націоналізм, європейська ідея, політична уява

Keywords: Georgia, independence, nationalism, European idea, political imagination

Политические процессы 2000-х годов, связанные с ломкой поставторитарных режимов и поисков новых путей развития в регионе Большой Восточной Европы в значительной степени актуализировали проблемы наций и национализма¹. Переломным для Грузии стал 2003 год, ознаменованный отстранением от власти Э. Шеварднадзе. В рамках грузинского националистического дискурса эти события в значительной степени идеализированы и героизированы: «в ноябре 2003 года, после двух гражданских войн и, 12-летней смуты и неопределенности после распада СССР, Грузия первая на постсоветском пространстве прорвала “железный занавес” российской империи. “Революция роз” окончательно освободила грузинский народ от имперской диктатуры, коммунистического наследия и приступила к строительству нового, цивилизованного и демократического государства»². Рево-

люция стала частью актуальной политической памяти в Грузии. Грузинский политолог Г. Арешидзе, комментируя состояние Грузии после «революции роз» полагает, что новые элиты получили в наследство страну, которая имела «квазисбалансированную конституционную основу с законодательной властью... деловое сообщество, которое не контролировалось государством... ряд полудемократических политических партий»³. Именно эти разнообразные акторы во второй половине 2000-х годов оказывали различное влияние на развитие грузинского национализма.

В результате «революции роз» в ноябре 2003 года к власти в Грузии пришли новые политические лидеры во главе с президентом М. Саакашвили, которые более открыто, чем их предшественники позиционировали себя в качестве политических националистов⁴ и западников, полагая, что будущее Грузии состоит в интеграции в Европейский Союз и НАТО, последовательном политическом уходе с постсоветского пространства, вступлении в ЕС⁵ и НАТО в условиях страха политических элит Грузии перед русским национализмом, симптомы возрождения и активизации которого стали заметны в 2000-е годы⁶. Вероятно, президент М. Саакашвили относится к тому типу политических лидеров, которые приходят к власти в периоды политической нестабильности под демократическими лозунгами, но в значительной степени подвержены радикализации, в частности – активному использованию не только лозунгов, но и принципов, основанных не на гражданском, но этническом национализме⁷. По мнению грузинского публициста Г. Векуа (ვეკუა⁸), М. Саакашвили (სააკაშვილი⁹) предпринял попытку радикальной десоветизации Грузии в сфере государственности, взяв на вооружение «политику вестернизации»¹⁰, направленную на «ускоренное создание, причем часто жесткими и даже силовыми методами, государства чисто буржуазного типа, которое называется в политологии и социологии Государством-Нацией»¹¹.

С другой стороны, М. Саакашвили выступил в роли радикального реформатора, а кризисные тенденции, связанные с несоответствием реальной ситуации политическим планам и амбициям грузинских элит, привели к кризису и росту этнического национализма¹². В Грузии 2000-х годов назрела конфликтная ситуация между двумя полностью несложившимися политическими институтами – национальным (национализирующемся) государством и гражданским обществом¹³. Подобная тактика в значительной степени исчерпала и без того небогатый потенциал грузинской демократии, приведя к кризисным тенденциям и некоторой авторитаризации режима. Комментируя политические изменения 2003 года, белорусский политолог В. Чернов полагает, что «в Грузии один авторитарный лидер сменил другого путем очередного, правда на этот раз бескровного, восстания, названного «революцией роз», которая на поверку оказалась лишь переворотом снизу, организованным контрэлитой под демократическими лозунгами»¹⁴.

В рамках политического текста 2000-х годов были актуализированы моменты, связанные с символическим и ритуальным контентом национализма, проблемами грузинской политической независимости¹⁵. В Грузии 2000-х годов востребованными оказались термины, подчеркивающие связь с «грузинскостью» – ქართული დროშა¹⁶, საქართველოს დროშა¹⁷, ქართული სახელმწიპო¹⁸, სახელმწიპო საქართველო¹⁹, საქართველოს სახელმწიპო²⁰, ქართული ენა²¹, ქართული სისლბი²², ჩვენ ვართ ქართველები²³ – которые имеют символическое значение и призваны актуализировать грузинскую идентичность. Грузинский националистический дискурс подвергся к 2000-м годам определенной этнизации, которая в значительной степени стала заметной в гуманитарных исследованиях, ставших одной из сфер националистического воображения. Грузинские интеллектуалы, несмотря на возможность открытого политического участия, культивировали национализм в научном тексте²⁴. В то время когда европейские интеллектуалы были вынуждены констатировать тенденции кризиса национального государства и отмирания этнических национализмов²⁵, грузинский национализм с характерными для него мощными этническими трендами демонстрировал завидную динамику не только функционирования, но и усиления. В этой ситуации в рамках политического дискурса Грузии состоялся ренессанс европейской идеи и веры в западные культурные и политические основания грузин, которые были популярны среди грузинских интеллектуалов в советский период как форма политического и интеллектуального протеста и несогласия²⁶.

Подобный западный дискурс в транзитной Грузии функционирует как часть наследия грузинского антисоветского оппозиционного национализма, в котором концепты «Запад» и «Европа» играли важную роль. Концепт «европейскости» был в одинаковой мере адресован грузинскому и европейскому обществу. В то время когда грузинский социум имел определенный опыт позиционирования себя в качестве европейского, Запад не имел опыта в восприятии Грузии как Запада и как части Европы. На протяжении по меньшей мере трех столетий грузинские интеллектуалы прилагали значительные усилия к тому, чтобы не только казаться европейцами в глазах образованных жителей Запада, но и действительно быть ими. Подобная стратегия самопозиционирования во внешний мир дала к XX веку свои определенные результаты. В западных университетах возникла картвелология, занимавшаяся изучением грузинского и родственных ему языков, а так же проблемами грузинской истории, культуры и литературы. В XX столетии Кавказ перестал быть для европейских интеллектуалов слабо структурированным архаичным Оrientsом, трансформируясь благодаря в значительной степени принудительной модернизации в виде авторитарной советизации и индустриализации в

регион, где достаточно четко прослеживались границы между отдельными национальными группами и сообществами.

Сложно определить, что именно были склонны видеть западные интеллектуалы в Армянской и Грузинской ССР. Очевидно, что две республики четко отличались ими как от соседней, преимущественно мусульманской, Азербайджанской ССР, с одной стороны, и национальных автономных образований в составе РСФСР, с другой. Не исключено, что среди западных интеллектуалов их собственными усилиями и благодаря стараниям национальных диаспор грузин и армян был сформирован весьма позитивный образ Армении и Грузии. По крайней мере, в этих республиках, которые имели историю, насчитывавшую не одно тысячелетие национальной истории и развитые традиции христианства, часть западных исследователей была склона видеть если не часть Запада, то оторванную от Западной Европы европейскую периферию.

Разумеется, что основным фактором, который способствовал формированию такой воображаемой географии²⁷ было то, что и армяне, и грузины являлись христианами. Поэтому, в глазах значительной части европейского и западного интеллектуального сообщества, которая именно в христианстве была склонна видеть одну из фундаментальных основ западной цивилизации, Грузия объективно выглядела как своя, а не чужая страна по сравнению с соседним мусульманским Азербайджаном или РСФСР в большей степени затронутой политикой принудительной и преднамеренной атеизации. Таким образом, Грузия была неплохим объектом для формирования вокруг нее своеобразной воображаемой географии. Эта воображаемая география Грузии как части христианского европейского мира начала, вероятно, формироваться в XVIII столетии усилиями грузин, которые оказывались на Западе. Именно благодаря контактам с образованными грузинами в Европе, в европейских университетах, возник значительный интерес к Грузии, ее истории, языку, литературе и культуре. Европейцы имели определенные представления о Грузии, в том числе и благодаря Дэвиду Маршаллу Лэнгу – британскому исследователю Кавказа, умершему в год появления на политической карте мира независимой Грузии.

Благодаря усилиям умершего в 1991 году Д. Лэнга на Западе сложился европейский образ Грузии. Дэвид Лэнг полагал, что в далеком прошлом предки грузин доминировали на территории Европы, от Испании до Закавказья, доказательством чего, по его мнению, был баскский язык родственной грузинскому²⁸. Лэнг был склонен позиционировать грузин как кавказских европейцев, подчеркивая то, что антропологически они близки к грекам и итальянцам²⁹. Дэвид Лэнг полагал, что политическое и социальное развитие средневековой Грузии гораздо ближе аналогичным процессам, связанным с феодальными отношениями на Западе Европы³⁰, чем тем явлениям, которые были характерны для жизни

мусульманских соседей Грузии, хотя, по мнению Д. Лэнга, имело место и определенное влияние со стороны Ирана, которое, вероятно, не было определяющим³¹. Лэнг подчеркивал, что в Грузии существовали «практически все социальные институты европейского феодализма»³². Лэнг полагал, что подобно средневековому Западу население Грузии делилось на свободные (ყდმად³³) и несвободные (ყდს³⁴) сословия. Правление грузинского царя Вахтанга Горгасала Д. Лэнг был склонен сравнивать с правлением легендарного короля Артура³⁵.

Кроме этого Д. Лэнг акцентировал внимание на том, что другой грузинский царь Давид Строитель активно поддерживал отношения с Западом, в частности – с крестоносцами из Франции, привлекая их на службу в грузинское войско³⁶. Дэвид Лэнг полагал, что в средневековой Грузии, например – в период правления царицы Тамар, существовали политические тенденции, которые в Англии привели к появлению парламента³⁷, но в силу региональной специфики в Грузии не получили развития. Подчеркивая близость грузин с европейцами, Д. Лэнг акцентировал внимание и на том, что подобно другим европейским христианским нациям и в отличие от мусульман грузины в общественной, политической и религиозной жизни всегда отводили особое место женщине, о чем свидетельствовали культы, посвященные Деве Марии, святой Нино и царице Тамар³⁸. Определенные параллели Д. Лэнг был склонен проводить и в развитии культурных традиций Грузии и Запада, полагая, что архитектура грузинских храмов имеет немало общего с романским стилем в Европе, а так же с архитектурными решениями христианского Средиземноморья³⁹.

Интеллектуальный продукт, представленный в работах Д. Лэнга, был в большей степени адресован европейским и западным потребителям в то время, как грузинские интеллектуалы обращались к своему собственному европейскому опыту. Комментируя проблемы политической и культурной принадлежности Грузии к Европе, грузинские авторы обращались именно к грузинскому прошлому. Например, И. Бахтадзе полагает, что грузинская культура является частью «восточно-христианского культуристорического ареала»⁴⁰. Другой грузинский интеллектуал Н. Чиковани, анализируя проблемы культурной и политической принадлежности Грузии, указывает на то, что «вопрос культурной сущности и цивилизационной принадлежности Грузии тоже не избежал политизации, что вполне естественно, если учесть, что Грузия вместе со всем Кавказом, как в прошлом, так и сегодня представляет собой ареал пересечения интересов различных сил»⁴¹. С другой стороны, грузинские интеллектуалы осознают, что на протяжении нескольких столетий грузины были вынуждены жить под господством восточных народов. Грузинские авторы в этом отношении отталкиваются от того, что доминирование на территории Грузии мусульман не привело к координальным переменам в рамках грузинской политической и культурной традиции: «нельзя отрицать факт привне-

сения в грузинскую культуру элементов восточной эстетики, обусловленный определенным интересом усиления секулярных тенденций. В XII столетии ни одна из восточно-христианских культур еще не имела светской литературы и обращение к персидской, не знавшей конфронтаций между светской и духовной, не было случайным. К тому же политическая и культурная мощь тогдашней Грузии являлась полным гарантом «реализации» собственных интересов. Такой интерес всегда держал восточный элемент в рамках. Сам историко-культурный процесс доказал эту закономерность, вычеркнув из художественного контекста эти элементы в ключевых моментах развития национальной культуры»⁴².

Британский исследователь Д. Томпсон подчеркивал, что в представлениях о прошлом отражается современное состояние группы⁴³. Исторические исследования (как научные, так и популярные) активно используются для обоснования европейской идентичности Грузии. Грузинский интеллектуал Н. Чиковани, анализируя проблемы культурной и интеллектуальной принадлежности Грузии, полагает, что «грузинская культура не относится к числу тех, которые четко интегрированы в какую-либо цивилизацию и цивилизационная принадлежность которых достаточно устойчива. Она не формировалась внутри какой-либо цивилизации как ее ядро, центр, ее развитие не протекало в условиях общения с цивилизационными собратьями. Грузинская культура — одна из пограничных или окраинных культур, которые расположены в зоне контакта Западной и Восточной цивилизаций»⁴⁴.

По мнению Х. Бахтадзе (ծებოძო)⁴⁵, грузинская и западноевропейские средневековые культуры имели общие основания: «вся письменная культура средневековья являлась такой единой и универсальной для христианского мира, что становилась сильной интеллектуальной базой входящих в него отдельных культур. Эта общность своими внутренними связями являлась намного прочнее и глубже, чем мы сегодня можем предположить»⁴⁶. Развивая эту мысль, Леван Бердзенишвили подчеркивает, что грузины — это «европейцы, но скрытые; по тому, как мы живем, трудно в нас угадать европейцев, потому что мы испорченные европейцы, но как только настоящие европейские вещи, в том числе музыкальные и эстетические, приближаются к нам, так мы отвечаем на это дело взрывом европейства, и каждый раз, как только появляется роман, как форма европейская, мы отвечаем хорошими романами, как только появляется европейская форма стиха, например, сонет, мы отвечаем»⁴⁷. Применение истории не ограничивается изучением только прошлого. История может стать, в зависимости от ситуации, важным политическим фактором⁴⁸. Вероятно, именно поэтому грузинские интеллектуалы воспринимают Византию как восточную Европу, полагая, что средневековые грузино-византийские контакты свидетельствуют о европейской принадлежности двух культур — грузинской и византийской: «развал византийского мира не только перекрывал Грузии дорогу к Европе, но и отрывал от цивили-

зационных процессов, вызывая упадок конкретно-исторического опыта взаимоотношения с ним»⁴⁹. В этом отношении заметна преемственность с поздней советской грузинской интеллектуальной традицией, в рамках которой принадлежность Грузии к христианской цивилизации воспринималась как форма принадлежности к западному культурному ареалу.

Джонатан Фридмэн полагает, что «объективно история, как и любая другая история, пишется в определенном контексте и представляет собой проект определенного типа»⁵⁰. Не является исключением и современное интеллектуальное пространство Грузии. В частности И. Бахтадзе склонен описывать историю Грузии как европейскую: «грузинский монарх-политик всегда одновременно являл монарха-просветителя. В этом смысле о многом говорит факт осуществления Грузией идеи «просвещенного монарха» еще тогда, когда идеал этот будоражил западную мысль. Победенные политически, грузинские цари – Арчил, Вахтанг VI, Теймураз II именно его и олицетворяли...вся общая картина эпохи Ираклия II представляется как прямое отражение устремлений в сторону Запада. И неслучайно, что интеллектуальное лицо тогдашней Грузии создавал предводитель сторонников «Европии» — Антон Каталикос. Во второй половине XVIII столетия полностью оформляется картина западной ориентации и в самом факте присоединения к России и как бы окончательно формулируется магистральная культуристорическая ориентация на Грузию»⁵¹.

Значительную роль в функционировании и воспроизводства националистического дискурса в транзитных обществах играют интеллектуалы⁵². Росту интереса к Европе⁵³, утверждению европеизма в интеллектуальном пространстве Грузии в значительной степени способствовало возвращение на позднем этапе существования СССР в Тбилиси из Москвы известного грузинского социального и политического философа Мераба Мамардашвили (მერაბ მამარდაშვილი)⁵⁴. В последние годы жизни М. Мамардашвили прочел в Тбилисском Университете большой курс лекций по философии, способствуя росту популярности европейской идентичности, пытаясь интегрировать концепт грузинской идентичности – ქართველობა⁵⁵ – в европейский культурный и политический контекст. Современные грузинские авторы полагают, что благодаря влиянию М. Мамардашвили в интеллектуальном тексте Грузии востребованы идеи противопоставления грузинского мира (как части Запада и европейской политической) и культурной традиции и византийско-русского мира, ассоциируемого с Востоком⁵⁶.

Под влиянием М. Мамардашвили в рамках грузинского интеллектуального дискурса утвердился устойчивый европейский нарратив, который проявляется в стремлении «воображать» историю и прошлое Грузии в европейских категориях. Подобному тому как «современная этничность искусственно навязывается глубокой древности»⁵⁷, современные грузинские интеллектуалы и политики стремятся европеизи-

ровать историю Грузии. Например, А. Джохадзе (ჯოხაძე⁵⁸) подчеркивает, что «до XIII века грузинское общество было идентично феодальному обществу западноевропейского типа, типологически Грузия относилась к западноевропейской цивилизации. Это означало, что в ее социальной инфраструктуре была реализована идея свободы личности – правда, в виде системы прав и обязанностей сложной вассальной иерархии»⁵⁹. Акцентируя внимание именно на европейском содержании грузинской истории Леван Бердзенишвили полагает, что проявлением европеизма стала и поэма «Витязь в тигровой шкуре», которая определяется им «как поэма исключительно европейская», хотя и «основанная на абсолютно восточной вещи, но идеология-то там платоновская, то есть, самое главное, что там говорится: кто не ищет друга – самому себе он враг. Это же не просто восточная, а очень давняя восточная, то есть, совсем европейская мудрость. Там абсолютно все об Азии, там Аравия, там Индия, там Китай, но там только европейские идеи»⁶⁰.

В этом контексте история предстает как «конструкция в значительной степени мифическая в том смысле, что она являет собой представление о прошлом связанное с утверждением идентичности в настоящем»⁶¹. В описании / написании грузинского опыта утвердилось использование терминов, призванных подчеркнуть общность грузинского и европейского политического и исторического опыта: რაობლობა⁶² – «рыцарство», მოკურთობა⁶³ – «куртуазность», «цивилизация Руставели» – «эпоха Данте»... Известная грузинская историк Мариам Лордкипанидзе также склонна описывать историю средневековой Грузии в европейских исторических категориях. В исследованиях М. Лордкипанидзе⁶⁴ фигурируют агара (აგარა⁶⁵, грузинский аналог феода), азнауры (აზნაური⁶⁶, социальная категория идентичная западноевропейскому феодализму), мокме (მოკმე⁶⁷, сословие, идентичное рыцарству в Европе), крестьяне (გლეხი⁶⁸). Терминология, используемая при изучении истории Грузии, призвана акцентировать внимание на общих чертах и параллелях. Поэтому формируется образ Грузии как страны, история которой протекала в рамках европейского контекста.

Европеистские идеи характерны и для политического языка грузинских элит. Например, грузинский президент М. Саакашвили подчеркивает, что «грузинский народ выбрал европейский путь, и этот выбор останется неизменным. Наше европейское направление – не самоцель, а государственный выбор и государственная политика. Европа не должна бояться открыть нам двери, так как Грузия стоит на истинно демократическом пути... все, что мы делаем, позволяет нам еще больше сблизиться с Европой. Европа должна знать, что в лице Грузии имеет близкого друга и сильного, надежного партнера, которому можно доверять»⁶⁹. Молдавские историки А. Куско и В. Таки полагают, что «история всегда использовалась для легитимации поли-

тических процессов и состояний»⁷⁰. Поэтому, президент Михаил Саакашвили активно формирует и поддерживает европейский имидж Грузии как нации не только в контексте современности, но и в исторической перспективе: «грузины не просто европейцы, но европейцы пламенные. Европа всегда была первой, к кому мы обращались за помощью в лихую годину»⁷¹. Аналогичные настроения характерны и для грузинских интеллектуалов, значительная часть которых полагает, что «все наше будущее в Европе: без Европы невообразимо спасение Грузии. Мы являемся европейской цивилизацией и если не вернемся к Европе, у Грузии, как нации и государства нет будущего»⁷². Истоки подобного политического европеизма в современной Грузии следует связывать не только с развитыми контактами грузинских политических элит с западными, но и преемственностью с развитием более ранней интеллектуальной и политической традицией, которая базировалась на ценностях грузинского политического национализма, в том числе – и на европеизме.

Окцидентальный оптимизм разделяется далеко не всеми представителями грузинского интеллектуального сообщества. В частности, Гиа Нодиа полагает, что «выбор Грузии в пользу западной модели либеральной демократии во многом основан на интерпретации собственной идентичности: грузины считают, что им полагается быть демократичными, потому что они должны относиться к Западу. При этом социальный и исторический опыт "западности" в стране минимален»⁷³. Комментируя процесс (ре)интерпретаций истории В.А. Шнирельман указывает на то, что «конструируя прошлое, люди стремятся обеспечить будущее, основанное на соответствующем образом интерпретированном или реинтерпретированном прошлом»⁷⁴. В современном интеллектуальном пространстве Грузии среди универсальных исторических ориентиров, которые используются для развития идентичности и в качестве ответа на вызовы маргинальности и периферийности, оказался европеизм⁷⁵, сочетающийся с грузинским политическим и в меньшей степени этническим национализмом. Именно этот своеобразный синтез европейского оптимизма правящих элит и национализма грузинского общества в целом, а также процессы незавершенности государственного строительства при фрагментации политического пространства⁷⁶, в значительной мере осложняет выработку взвешенной стратегии европейской интеграции Грузии.

Часть грузинских авторов весьма скептически оценивает потенциал развития европейской идеи в Грузии. Например, Дато Барбакадзе указывает на то, что в 2000-е годы европеизм уступил свои позиции атлантизму: «бросается в глаза деталь, не смущающая ни интеллигенцию, ни широкие слои населения. Речь идет о тотальном исчезновении Европы как политического и культурного пространства из грузинской периодической печати и с телевидения. Вряд ли это случайность или следствие скудости поступающей информации о событиях в Европе. Это «упущение» имеет как понятные политические причины,

так и психологическую подоплеку: ориентация на США возможна лишь при одномерном мышлении, что невозможно при включении Европы в систему своих координат»⁷⁷. Кроме этого некоторые западные аналитики так же полагают, что европеизм и окцидентализм президента М. Саакашвили является странным явлением. В частности В. Пфафф, ссылаясь на средневековую историю, констатирует, что «Новый президент (Саакашвили) говорит, что его цель состоит в возвращении Грузии в евроатлантическое пространство. Возвращении? Но с XVI по XVIII век Грузия была поделена между Персией и Турцией, после чего в течение двух веков она была российской колонией, а в период с 1921 по 1991 год являлась республикой в составе Советского Союза»⁷⁸. Проблема состоит в том, что часть представителей западного политического сообщества не совсем верно понимает окцидентальный сигнал грузинских элит, которые намекают не на Средневековье, а в большей степени – на общеевропейское античное наследие.

В контексте роста национальных настроений в Грузии изменилось отношение и к гуманитарным исследованиям, что выразилось в их большей национализации⁷⁹. Национализация затронула почти все гуманитарные периодические издания, выходящие в Грузии, в том числе – и «Archival Bulletin», посвященный грузинским архивам. Грузинские национально ориентированные авторы подвергают радикальной ревизии и переосмыслению проблемы истории грузино-российских отношений, стремясь интерпретировать их в категориях «жертвы» и «завоевателя», «колонизированного» и «колонизатора»⁸⁰. Грузинские национально ориентированные интеллектуалы культивируют нарратив о том, что политика сотрудничества грузинских царей с Россией была губительна для Грузии. А. Джохадзе, например, полагает, что «Грузия оставалась в выигрыше только когда отказывалась от попыток сближения с северным единоверным соседом и следовала политической воле агрессивнейших мусульманских империй. Правда, со стратегической точки зрения такой компромисс грозил в конечном итоге привести к ярко выраженным изменениям национальной и культурной идентичности, но в качестве тактического маневра и временного отступления он иногда даже давал положительные результаты. Для иллюстрации достаточно вспомнить 112-летний период мусульманского правления в Картли (1632 – 1744 гг.), когда в стране воцарились относительный мир и порядок, а в грузинской культуре даже имел место своего рода «ренессанс»»⁸¹.

Подобные интерпретации истории в рамках грузинского интеллектуального сообщества свидетельствуют о том, что формируется новая редакция грузинского национального и политического мифа, основанная на примате идее не только национальной независимости и неприятия России, но и последовательном европеизме, о чем речь шла выше. Эти тенденции постепенной европеизации политического пространства, вероятно, свидетельствуют о том, что в будущем в рамках грузинского националистического движения могут вновь возобладать

интеллектуальные течения, хотя этнический национализм, отягощенный осознанием территориальных потерь, будет оставаться значительным и влиятельным фактором в развитии грузинского национализма.

---

¹ В 2000-е годы восточноевропейские интеллектуалы более активно начали обсуждать проблемы наций и национализма, развития этничности и идентичностей, строительства политических наций после некоторого снижения интереса к этим темам во второй половине 1990-х годов. См.: Kalanj R. *Liberalno i komunitarističko poimanje identiteta. Prilog analizi identiteta hrvatskog društva* / R. Kalanj // SE. – 2005. – Vol. 14. – No 1 – 2. – S. 53 – 73; Kalanj R. *Zov identiteta kao prijeporno znanstveno pitanje* / R. Kalanj // SE. – 2003. – Vol. 12. – No 1 – 2. – P. 47 – 68; Lutz-Bachmann M. “Svjetska državnost” i ljudska prava nakon kraja naslijeđene “nacionalne države” / M. Lutz-Bachmann // PM. – 1999. – Vol XXXVI. – Br. 3. – S. 23 – 33.

² Авалиани Т. Утраченные надежды грузинского народа / Т. Авалиани // <http://lazare.ru/post/28816/>

³ Арешидзе Г. Государственное строительство и правление в новой Грузии / Г. Арешидзе // Кавказ. Ежегодник КИСМИ / ред. А. Искандерян. – Ереван, 2006. – С. 47.

⁴ Об особенностях и направлениях развития и функционирования националистического дискурса в период президентства М. Саакашвили см.: George J.A. *Minority Political Inclusion in Mikheil Saakashvili's Georgia* / J.A. George // EAS. – 2008. – Vol. 60. – No 7. – P. 1151 – 1175.

⁵ О европейском направлении во внешней политике Грузии см.: Fean D. *Making Good Use of the EU in Georgia: the “Eastern Partnership” and Conflict Policy* / D. Fean (Russie.Nei.Visions. – 2009. – September). – 19 p.

⁶ Политические элиты Грузии озабочены ростом русского национализма и радикальных настроений, которые определяются ими как имперские. Вероятно, этот политический страх вызван реальной активизацией русских националистов в период первого и второго президентства В.В. Путина, о чем свидетельствует рост числа националистических и т.н. патриотических публикаций. См. например: Бызов Л. Русское самосознание и российская нация / Л. Бызов // АГЖ. – 2007. – № 10. – С. 14 – 33; Быстрицкий А., Шушарин Дм. Имя нации / А. Быстрицкий, Дм. Шушарин // АГЖ. – 2007. – № 10. – С. 2 – 11; Лукин В. Глобальная роль России и европейская идентичность / В. Лукин // РГП. – 2008. – Т. 6. – № 1. – С. 8 – 17; Макаркин А. Россия или Русь? / А. Макаркин // АГЖ. – 2007. – № 10. – С. 34 – 47.

⁷ О подобных политических лидерах и факторе национализма см.: Vladisavljevic N. *Institutional power and the rise of Milošević* / N. Vladisavljevic // Nationalities Papers. – 2004. – Vol. 32. – No 1. – P. 183 – 205.

⁸ ვეკუა [Vekua]

⁹ სააკაშვილი [Saakašvili]

¹⁰ О политической динамике до августа 2008 года в Грузии см.: German T. *Abkhazia and South Ossetia: Collision of Georgian and Russian Interests* / T. German (Russie.Nei.Visions. – 2006. – June). – 19 p.

¹¹ Векуа Г. Государство-нация против этноса, народа и федеральной империи / Г. Векуа // <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1242237840>

¹² О взаимосвязи усиления этнического национализма с политическими кризисами см.: Tambiah S.J. *The Nation-State in Crisis and the Rise of Ethnonationalism* / S.J. Tambiah // *The Politics of Difference: Ethnic Premises in a World of Power* / eds. E.N. Wilmsen, P. McAllister. – Chicago – London, 1996. – P. 124 – 143.

¹³ О подобных политических процессах на территории Европы см.: Grubiša D. *Kriza demokracije u Europi: između nacionalne države i europske vladavine* / D. Grubiša // АНPD. – 2006. – Br. 7. – S. 125 – 148; Krupnick Ch. *Expecting More from Democracy in Central and Eastern*

Europe / Ch. Krupnick // *The Whitehead Journal of Diplomacy and International Relations*. – 2005. – Vol. 14. – No 3. – P. 149 – 165.

¹⁴ См. подробнее: Чернов В. Революция и порядок / В. Чернов // *Палітычная сфера*. – 2007. – № 8. – С. 43.

¹⁵ О националистическом контенте гражданских ритуалов см.: Azaryahu M. State cults: Independence celebrations and soldier memorials, 1948 – 1956 / M. Azaryahu. – Sde-Boker, 1995; Kook R. Changing Representations of National Identity and Political Legitimacy: Independence Day Celebrations in Israel, 1952-1998 / R. Kook // *NI*. – 2005. – Vol. 7. – No 2. – P. 151 – 171.

¹⁶ ქართული დროშა [kartuli droša]

¹⁷ საქართველოს დროშა [sakartvelos droša]

¹⁸ ქართული სახელმწიპო [kartuli saxelmcipo]

¹⁹ სახელმწიპო საქართველო [saxelmcipo sakartvelo]

²⁰ საქართველოს სახელმწიპო [sakartvelos saxelmcipo]

²¹ ქართული ენა [kartuli ena]

²² ქართული სისლხი [kartuli sisxli]

²³ ჩვენ ვართ ქართველები [čven vart kartvelebi]

²⁴ ზარათაშვილი კ. მახმადიანი მესხების ქართული გვარები / კ. ზარათაშვილი. – თბილისი, 1997 [Baratašvili K. Mahmadiani mesxebis kartuli gvarebi / K. Baratašvili. – Tbilisi, 1997]; გვასალია ი. აგმოსავლეთ საქართველოს ისტორიული გეოგრაფი / ი. გვასალია. – თბილისი, 1991 [Gvasalia J. Agmosavlet Sakartvelos istoriuli geografi / J. Gvasalia. – Tbilisi, 1991]; ლორთკიპანიძე ვ. სამცხე-ჯავახეთი XIX – XX საუკუნეებში / ვ. ლორთკიპანიძე. – თბილისი, 1994 [Lortkipanidze V. Samc'kxe-Džavaxeti XIX-XX saukuneebshi / V. Lortkipanidze. – Tbilisi, 1994]; წერეტელი ნ. ქართველი და ოსი ხალხების ურთიერთობის ისტორიდან / ნ. წერეტელი. – თბილისი, 1991 [Cereteli N. Kartveli da osi kxalkxebis urtiertobis istoridan / N. Cereteli. – Tbilisi, 1991]. ზაბუნაშვილი ე., უთურგაიძე ს. ანთონ პირველის გრამატიკა და მისი ეროვნულ-ისტორიული მნიშვნელობა / ე. ზაბუნაშვილი, ს. უთურგაიძე. – თბილისი, 1991 [Babunašvili E., Uturgaidze Th. Anton pirvelis gramatika da misi erovnul-istoriuli mnišvneloba / E. Babunašvili, Th. Uturgaidze. – Tbilisi, 1991]; კოთინოვი პ., მეპხარიშვილი ლ. ილია ჩავჩავაძე და საგრამათიქო პაექრობა (1886 – 1894) / პ. კოთინოვი, ლ. მეპხარიშვილი. – თბილისი, 1992 [Kotinovi P., Mepharishvili L. Ili Čavčavadze da sagramatikო paekroba (1886 – 1894) / P. Kotinovi, L. Mepharishvili. – Tbilisi, 1992].

²⁵ См. подробнее: Dogan M. Comparing the Decline of Nationalisms in Western Europe: The Generational Dynamic / M. Dogan // *ISSJ*. – 1993. – No 136. – P. 177 – 198; Dogan M. Nationalism in Europe: Decline in the West, revival in the East / M. Dogan // *NEP*. – 1997. – Vol. 3. – No 3. – P. 66 – 85; Jenkins R. The ambiguity of Europe / R. Jenkins // *ES*. – 2008. – Vol. 10. – No 2. – P. 153 – 176; Moxon-Browne E. Eastern and western Europe: Towards a new European identity? / E. Moxon-Browne // *CPol*. – 1997. – Vol. 3. – No 1. – P. 27 – 34.

²⁶ О европейской идее в Грузии см.: Нодиа Г. Образ Запада в грузинском сознании / Г. Нодиа // *Этнические и региональные конфликты в Евразии*. – М., 1997. – Кн. 3. Международный опыт разрешения этнических конфликтов / ред. Б. Коппитерс, Э. Ремакль, А. Зверев. – С. 150 – 180.

²⁷ Об этой проблеме в теоретическом плане см.: Голдсуърди В. Измислянето на Руритания. Империализмът на въображението / В. Голдсуърси. – София, 2004. См. так же: Странджева А. Европа и подвижността на културните й граници / А. Странджева // <http://www.bulgic18.com/modernoto/astrandzheva.htm>

²⁸ Лэнг Д. Грузины. Хранители святынь / Д. Лэнг / пер. с англ. С. Федорова. – М., 2004. – С. 12.

²⁹ Там же. – С. 14.

³⁰ Там же. – С.108.

³¹ Там же. – С. 109.

³² Там же. – С. 134.

- ³³ ყმობა [kmoba]
- ³⁴ ყმა [kma]
- ³⁵ Лэнг Д. Грузины. Хранители святынь. – С. 111.
- ³⁶ Там же. – С.128.
- ³⁷ Там же. – С. 132.
- ³⁸ Там же. – С. 24.
- ³⁹ Там же. – С. 159 – 160.
- ⁴⁰ Бахтадзе И. «Русский фактор» в культуристорической ориентации Грузии / И. Бахтадзе // Россия и Грузия: диалог и родство культур: сборник материалов симпозиума / ред. В.В. Парцвания. – СПб., 2003. – Вып. 1. – С. 56.
- ⁴¹ Чиковани Н. Проблема цивилизационной принадлежности Грузии в современной научной литературе / Н. Чиковани // Россия и Грузия: диалог и родство культур: сборник материалов симпозиума / ред. В.В. Парцвания. – СПб., 2003. – Вып. 1. – С. 341.
- ⁴² Бахтадзе И. «Русский фактор» в культуристорической ориентации Грузии. – С.62.
- ⁴³ Thompson D. Must History stay Nationalistic? The Prison of Closed Intellectuals Frontiers / D. Thompson // Encounter. – 1968. – Vol. 30. – No 6. – P. 27.
- ⁴⁴ Чиковани Н. Проблема цивилизационной принадлежности Грузии в современной научной литературе. – С. 342.
- ⁴⁵ ბახთაძე [Bahtadze]
- ⁴⁶ Бахтадзе И. «Русский фактор» в культуристорической ориентации Грузии. – С. 57.
- ⁴⁷ Бердзенишвили Л. Грузия – Европа или Азия? / Л. Бердзенишвили // http://dialogs.org.ua/crossroad_full.php?m_id=216
- ⁴⁸ Подробнее см.: Umkämpfte Vergangenheit. Geschichtsbilder, Erinnerungen and Vergangenheitspolitik im internationalen Vergleich / hrsg. P. Bock, E. Wolfrum. – Göttingen, 1999.
- ⁴⁹ Бахтадзе И. «Русский фактор» в культуристорической ориентации Грузии. – С. 58.
- ⁵⁰ Friedman J. History, Political Identity and Myth / J. Friedman // Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology. – 2001. – No 1. – P. 41.
- ⁵¹ Бахтадзе И. «Русский фактор» в культуристорической ориентации Грузии. – С. 59.
- ⁵² О роли интеллектуалов в транзитном обществе см.: Pažanin A. Uloga intelektualaca u Novoj Evropi / A. Pažanin // АНРО. – 2007. – Вр. 6. – С. 331 – 339; Интеллектуалы: па-за межами компетенції. Розмова з Ігарам Бабковым // Палітична сфера. – 2005. – № 4. – С. 5 – 9.
- ⁵³ О росте интереса к европейской проблематике в Грузии, в частности, свидетельствуют публикации, исследований, посвященных истории Европы и грузино-европейским связям. См.: გრიშაკაშვილი ა. პოლონეთ-საქართველოს ურთიერთობა / ა. გრიშაკაშვილი. – 2006. – 274 გვ. [Grishikashvili A. Polonet-sakartvelos urtiertoba / A. Grišikašvili. – 2006. – 274 gv.]
- ⁵⁴ მერაბ მამარდაშვილი [Merab Mamardashvili] О восприятии М. Мамардашвили в контексте развития грузинской интеллектуальной традиции см.: Андроникашвили З., Майсурадзе Г. Грузия-1990: филологема независимости, или Неизвлеченный опыт / З. Андроникашвили, Г. Майсурадзе // НЛО. – 2007. – № 83.
- ⁵⁵ ქართველობა [kartveloba]
- ⁵⁶ Шатиришвили З. «Старая» интеллигенция и «новые» интеллектуалы. Грузинский опыт / З. Шатиришвили // НЗ. – 2003. – № 1. – С. 47.
- ⁵⁷ Шнирельман В.А. Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье / В.А. Шнирельман. – М., 2003. – С. 18.
- ⁵⁸ ჯოხაძე [Džohadze]
- ⁵⁹ Джохадзе А. Россия глазами грузина / А. Джохадзе // <http://www.apsny.ge/society/1177005060.php>
- ⁶⁰ Бердзенишвили Л. Грузия – Европа или Азия? / Л. Бердзенишвили // http://dialogs.org.ua/crossroad_full.php?m_id=216
- ⁶¹ Friedman J. History, Political Identity and Myth. – P. 43.
- ⁶² რაინდობა [raindoba]
- ⁶³ მიჯნურობა [midžnuroba]

⁶⁴ Lordkipanidze M. Georgia in the XI – XII centuries / M. Lordkipanidze // <http://www.georgianweb.com/history/mariam/>

⁶⁵ აგარა [agara]

⁶⁶ აზნაური [aznauri]

⁶⁷ მოკმე [mokme]

⁶⁸ გლეხი [glekhi]

⁶⁹ Грузия, наказанная за европеизм, просит поддержки у Европы // <http://www.apsny.ge/analytics/1163794329.php>

⁷⁰ Куско А., Таки В. «Кто мы?» Исторический выбор: румынская нация или молдавская государственность / А. Куско, В. Таки // *An Imperio*. – 2003. – № 1. – С. 485.

⁷¹ <http://www.apsny.ge/analytics/1163794329.php>

⁷² Рухадзе В. Грузинская военная стратегия должна перейти на партизанскую тактику / В. Рухадзе // <http://www.apsny.ge/interview/1247181355.php>

⁷³ Нодиа Г. Грузия: измерения уязвимости / Г. Нодиа // *Государственность и безопасность: Грузия после «революции роз»* / ред. Бр. Коппитерс, Р. Легволд. – Кембридж (Массачусетс), 2005. – С. 85.

⁷⁴ См. подробнее: Шнирельман В.А. Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье. – С. 12.

⁷⁵ О роли европейской идеи как факторе преодоления маргинальности см.: Horolets A. *Sram od zaostalosti: simbolička konstrukcija Europe u poljskom tisku* / A. Horolets // *ET*. – 2008. – Vol. 38. – S. 61 – 80.

⁷⁶ О подобных сложностях, прогнозируемыми Юргеном Хабермасом в начале 1990-х годов (Habermas J. *Citizenship and National Identity: Some Reflections on the Future of Europe* / J. Habermas // *Praxis International*. – 1992. – Vol. 12. – No 1. – P. 1 – 19), с которыми столкнулись транзитные, но и национализирующиеся государства Восточной и Центральной Европы см.: Csergo Z., Goldgeier J.M. *Nationalist Strategies and European Integration* / Z. Csergo, J.M. Goldgeier // *Perspectives on Politics*. – 2004. – Vol. 2. – No 1. – P. 21 – 37; Kasapović M. *Regionalna komparatistika i Istočna Europa: kako se raspala Istočna Europa* / M. Kasapović // *AHPD*. – 2007. – Br. 5. – S. 74 – 97; Vujčić V. *Nacionalizam, građanstvo i strategije integracije u Europsku Uniju* / V. Vujčić // *AHPD*. – 2007. – Br. 6. – S. 99 – 117.

⁷⁷ Барбакадзе Д. Между «ничто» и «нечто»: наблюдения грузинского писателя / Д. Барбакадзе // <http://magazines.russ.ru/nz/2003/1/barb.html>

⁷⁸ Pfaff W. *Europe Has Historical Limits: The Baltics vs. the Caucasus* / W. Pfaff // *The International Herald Tribune*. – 2004. – February 28. О восприятии Грузии в европейском контексте см.: Коппитерс Б. Грузия в Европе: идея периферии в международных отношениях / Б. Коппитерс // *Этнические и региональные конфликты в Евразии*. – М., 1997. – Кн. 3. *Международный опыт разрешения этнических конфликтов* / ред. Б. Коппитерс, Э. Ремакль, А. Зверев. – С. 181 – 206.

⁷⁹ О национализации исторических исследований и факторе развития исторического воображения в контексте развития национализма см.: Kasianov G. “Nationalized” History: Past Continuous, Present Perfect, Future... / G. Kasianov // *A Laboratory of Transnational History Ukraine and Recent Ukrainian Historiography* / eds. G. Kasianov, Ph. Ther. – Budapest – NY., 2009. – P. 7 – 24; Hagen M. von, *Revisiting the Histories of Ukraine* // *A Laboratory of Transnational History Ukraine and Recent Ukrainian Historiography* / eds. G. Kasianov, Ph. Ther. – Budapest – NY., 2009. – P. 25 – 50; Kappeler A. *From an Ethnonational to a Multiethnic to a Transnational Ukrainian History* / A. Kappeler // *A Laboratory of Transnational History Ukraine and Recent Ukrainian Historiography* / eds. G. Kasianov, Ph. Ther. – Budapest – NY., 2009. – P. 51 – 80; Ther Ph. *The Transnational Paradigm of Historiography and its Potential for Ukrainian History* / Ph. Ther // *A Laboratory of Transnational History Ukraine and Recent Ukrainian Historiography* / eds. G. Kasianov, Ph. Ther. – Budapest – NY., 2009. – P. 81 – 115.

⁸⁰ Kipshidze N. *War Between Georgia and Russia, and the Trail of Russian Boots* / N. Kipshidze // *Archival Bulletin*. – 2008. – No 3. – P. 17 – 23; Rostiasvili K. “To the respected sons of Abkhazia” / K. Rostiasvili // *Archival Bulletin*. – 2008. – No 3. – P. 11 – 16; Sarsevanidze K. “May Almighty

---

Help Us Take Back Abkhazia and the Tskhinvali Region!” / K. Sarsevanidze // Archival Bulletin. – 2008. – No 3. – P. 26 – 37.

⁸¹ Джохадзе А. Россия глазами грузина / А. Джохадзе // <http://www.apsny.ge/society/1177005060.php>

А.А. Болдырихин

ПОСТНАЦИОНАЛЬНЫЙ ЭТАП В ТРАНСФОРМАЦИИ ЗАПАДНОГО ОБЩЕСТВА:

теории постнационализма в современном гуманитарном знании

В этой статье автор анализирует основные тенденции и направления развития современных теорий национализма. Автор полагает, что большинство современных концептов и интерпретаций национализма генетически связаны с классическим конструктивизмом Эрнеста Геллнера и теорией «воображаемых сообществ» Бенедикта Андерсона. Национализм анализируется в контексте социальных противоречий современного мира и трансформации национализма в постнационализм.

У цій статті автор аналізує основні тенденції і напрямки розвитку сучасних теорій націоналізму. Автор вважає, що більшість сучасних концептів і інтерпретацій націоналізму генетично пов'язана з класичним конструктивізмом Ернеста Геллнера і теорією «уявлених спільнот» Бенедикта Андерсона. Націоналізм аналізується в контексті соціальних суперечностей сучасного миру і трансформації націоналізму в постнаціоналізм.

The author analyses the main tendencies and directions in development of contemporary theories of nationalism in this article. The author supposes that contemporary concepts and interpretations of nationalism are genetically linked with classic constructivism of Ernest Gellner and theory of «imagined communities» of Benedict Anderson. Nationalism is analyzed in the context of social contradictions of contemporary world and transformation of nationalism in post-nationalism.

Ключевые слова: национализм, нация, идентичность, теории национализма, конструктивизм, модернизм

Ключові слова: націоналізм, нація, ідентичність, теорії націоналізму, конструктивізм, модернізм

Keywords: nationalism, nation, identity, theories of nationalism, constructivism, modernism

Развитие трансформационных процессов в современном мире определяется двумя основными предпосылками, которые также в ряде случаев являются взаимосвязанными. Во-первых, это изменение позиций и институциональных свойств национальных государств, которое имеет место быть с 1980-х годов и является результатом различных форм глобализации. Последние, в свою очередь, варьируются от экономической приватизации и снижения регулятивных функций государства в экономической сфере до постепенного увеличения глобальной роли международного законодательства в сфере прав человека. Во-вторых, это возникновение в результате данных трансформаций многочисленных новых акторов, групп и сообществ, которые получили хороший стимул для развития в условиях трансформации на

базе национальных государств, но выказывают все меньше желания автоматически ассоциироваться с каким-либо конкретным национальным государством.

Развитие Интернета и других электронных средств коммуникации ускорило, а в большинстве случаев и напрямую способствовало созданию международных сетей, объединяющих отдельных граждан и группы единомышленников в сообщества по различным совместным интересам, которые зачастую являются весьма узко специализированными, как, к примеру, профессиональные сетевые сообщества, или связаны с политическими вопросами, такими, как права человека или борьба за чистоту окружающей среды. Данное явление способствовало расширению списка альтернативных трактовок термина «сообщество». Эти новые практики и направления идентичности не обязательно беспрецедентно новы; в ряде случаев они могут успешно представлять собой результат длительных процессов или характеристики, которые с самого начала становления института идентичности были присущи ему в связи с концепцией национального государства, но стали проявляться лишь сейчас, когда для этого появились необходимые условия¹.

Одной из форм проявления данных условий является возможность появления постнациональных форм гражданства². Акцент здесь делается на возникновении локаций гражданства, выходящих за рамки концепции национального государства и ярким примером тому может служить паспорт гражданина Европейского Союза. Но возрождение космополитизма³ и распространение транснационализма⁴ являются основными показателями постнациональных трендов. На сегодняшний день существуют все основания полагать, что все общепринятые на сегодняшний день концепции, так или иначе связанные с идентичностью и гражданством, обладают свойствами, которые выходят за территориальные пределы национальных государств. Будь то организация с неким формальным статусом, защита прав человека, практика института гражданства или опыт коллективной идентичности, национальное государство не лимитирует поля их деятельности, хотя и является одним из ключевых концептов в данной сфере. Но трансформационные процессы современности сигнализируют о наличии новой динамики развития.

Второй вектор развития также становится все более и более заметным. Имея много общего с концепцией постнациональной идентичности, он обычно отличается тем, что представляет собой собственно те специфические трансформационные процессы в структуре национального государства, которые прямо или косвенно изменяют

специфические аспекты институтов идентичности и гражданства. Данные процессы не обязательно обусловлены релокацией компонентов гражданства внутри национального государства, но являются ключевыми для концепции постнационального гражданства. Изменения в законодательной системе, которые влекут за собой переход от чисто формальной к эффективной концепции национальной идентичности и использование национальными судами норм международного права, являются двумя звеньями, которые связывают глобальные трансформации с процессами, происходящими внутри государства. Более масштабные изменения, отражающиеся в приватизации и снижении роли «государств всеобщего благосостояния», отражают трансформацию отношения граждан к государству.

Эти и другие события, вместе взятые, указывают на изменения в концепции гражданства, которые происходят внутри формальных институтов национального государства; на уровне такого государства также имеет смысл различать второй вид трансформационной динамики, который во многих исследованиях либо обойден вниманием, либо трактуется как постнациональный тренд. В трактовке С. Сассен данные тренды получили название денационализирующих и обособлены от остальных постнациональных процессов⁵.

По ее мнению, в настоящее время имеют место два различных динамических вектора развития постнациональных трендов. Он также разграничивает понятия *денационализма* и *постнационализма*, считая, что второй термин более широко используется в политологическом дискурсе. Для института гражданства существует, по его утверждению, две возможных траектории развития, не обязательно при этом взаимоисключающих⁶.

Различия этих двух векторов состоят в масштабе и институциональной глубине. Существует известная трактовка, утверждающая, что постнациональные тренды всегда располагаются вне рамок национальных. Сассен утверждает, что в условиях денационализации акцент смещается в сторону трансформации национальных концепций, включая и те, которые являются базой для самоопределения. Поэтому пост-национализм и денационализация представляют собой два разных вектора развития. Оба они жизнеспособны и не являются взаимоисключающими.

Один из них тесно связан с трансформацией национальной концепции, особенно в условиях глобализации и некоторых других процессов, и имеет при этом тенденцию *интегрироваться в национальную парадигму*. Другой же тесно связан с *новыми формами*, которые мы даже еще не начинали изучать, и может скорее стать результатом

изменившихся условий и предпосылок мира наднационального, чем национального. Поэтому Я. Сойзал, фокусируясь на Европейском Союзе, обнаруживает *инновацию, расположенную за пределами национальных концепций*. Под термином «денационализация» С. Сассен подразумевает некие построения, связанные с национальной парадигмой и историческим процессом и наслаивающимися на него, но в то же время являющиеся и исторически новыми⁷.

С точки зрения теории самоопределения, основанной на национальной концепции, некоторые из этих трансформаций могут быть трактованы как спад или девальвация национального гражданства, или замена национального гражданства на другие формы коллективной организации и аффилиации⁸. Поскольку до сих пор гражданство отождествлялось с национальной концепцией, подобные изменения не могут быть отражены при помощи концепции гражданства. Альтернативной интерпретацией проблемы может служить отход от национальной концепции, как это делают постнационалисты, и рассматривать современную ситуацию с позиции существующей на данный момент социальной практики⁹.

По мнению С. Сассен, есть еще один вариант: концепция гражданства имеет свойство изменяться вместе с национальной концепцией. Глобализация изменила определенные характеристики территориальной и институциональной организации государства и институт гражданства – формальные права, правоприменительные практики, психологические аспекты, – также был изменен, несмотря на то, что центром его по-прежнему остается национальное государство, за исключением постнациональных трактовок. С. Сассен, в частности, утверждает, что данные территориальные и институциональные трансформации государственной власти и управления стали источником оперативных, концептуальных и риторических открытий для национальных субъектов, которые стали легитимными акторами на международной арене, которые прежде замыкались опять-таки на национальных государствах¹⁰.

В данном случаях национальная концепция является релевантной. Тем не менее, эта релевантность особая: изменение сути национальной концепции является ключевой теоретической установкой, через которую можно рассмотреть специфику изменений в институте гражданства. За свою историю институт гражданства прошел через множество изменений¹¹, поэтому сказать наверняка, насколько сильно девальвируется данный институт в современных условиях, и так ли это вообще, пока еще является довольно спорным вопросом¹².

Такое многозначное определение концепции гражданства, отчасти вызванное формальным расширением правового статуса гражданства как такового, на сегодняшний день имеет все шансы раздвинуть границы данного правового статуса еще дальше.

Примечательно, что соблюдение прав человека является одной из обязательных характеристик института гражданства как такового, но именно формализация и расширение прав гражданина стали основными дестабилизирующими факторами «национальной» стороны гражданства. По мнению С. Сассен, трансформация концепции национального гражданства вызвана не только становлением наднациональных институтов прав человека, как утверждает постнациональная концепция. Он считает, что существует еще два существенных фактора, влияющих на изменения, которые происходят в самой структуре концепции национального государства¹³.

Во-первых, это усиление и конституционализация гражданских прав, которые позволяют человеку выступать против своего государства и таким образом создавать некоторое подобие автономии на формальной политической арене, которая может быть трактована как все увеличивающаяся дистанция между государственным аппаратом и институтом гражданства. Политические и теоретические результаты данного явления сложны и все еще не окончательны: пока нельзя с уверенностью сказать, какие новые практики и дискурсы могут быть изобретены.

Во-вторых, это переход большого объема «прав» от национальных к наднациональным акторам, в особенности и преимущественно к экономическим – иностранным компаниям, зарубежным инвесторам и бизнесменам¹⁴. Это далеко не общепринятый подход к вопросу. С. Сассен считает его справедливым в контексте глобализации и денационализации концепции национального государства, в том числе влияния глобализационных процессов на отношения между государством и его гражданами, а также между государством и международными акторами. По мнению исследователя, это существенный этап в истории защиты прав человека, который пока что остается мало изученным. Для нее вопрос о том, как граждане должны строить свои отношения с новыми институтами власти и «легитимности», непосредственно связанными с международными корпорациями и рынками, является одним из ключевых на пути к пониманию будущего демократии. По ее словам, в своих работах она старается исследовать предел, до которого можно рассматривать глобальное через призму национального (к примеру, концепцию глобального города), чтобы понять, необходимо ли гражданину, который все еще находится под

сильным влиянием национальных институтов, выходить на мировой уровень через глобальных экономических акторов, но все же при посредничестве национальных каналов, или же ждать образования подлинно «глобального» государства.

Поэтому следует принимать во внимание, что в настоящее время глобальное все больше интегрируется в национальное¹⁵. Само собой, существует все увеличивающийся коэффициент различия между глобализацией, в которую вовлекается все большее и большее количество стран и территорий, и национальным государством, которое имеет жесткую привязку к собственной территории. Но не следует трактовать национальное и глобальное как два полностью взаимоисключающих определения, как для теоретических исследований, так и для политических процессов, даже принимая во внимание высокую специфичность этих двух категорий. По мнению С. Сассен, очень важно разработать механизмы партисипаторной политики, которые децентрализовывали бы национальную политическую жизнь и делали бы ее более прозрачной, с тем, чтобы перейти к практике трансграничной, международной демократии. В данном контексте политический проект постнационального самоопределения полностью оправдывает себя. Здесь можно лишь добавить, что также можно осуществлять подобные демократические практики с целью выхода на глобальный уровень через национальные институты.

В долгосрочной перспективе следует иметь в виду, что международные правовые нормы, в особенности по защите прав человека и гражданина, направлены на защиту граждан внутри конкретного государства. Таким образом, данный фактор в определенной мере дестабилизирует устоявшиеся традиции государственного суверенитета, закрепленного также международным законодательством.

Интересную точку зрения в данном контексте представляет Э. Геллнер. В его работе «Пришествие национализма» обозначен еще один важный фактор, который сам по себе может символизировать не столько национализм, сколько мощные постнациональные предпосылки. «Но, главное, формальные правила жизни в обществе, будь то в сфере производства или в сфере политики, позволяют и, более того, *требуют*, чтобы люди имели одинаковую культуру. Поток свободной от контекста информации является элементом, необходимым для функционирования общества во всех его аспектах. Сама информационная система устроена таким образом, чтобы в любой момент и в любом звене к ней мог подключиться каждый, ибо сегодня уже невозможно резервировать какие-то позиции для определенных категорий людей... Общество данного типа не только не препятствует, но

определенно способствует распространению однородной культуры»¹⁶. Получается, что современное общество само по себе генерирует предпосылки для перехода на новый уровень развития, причем в данном контексте понятие государственных и национальных границ является чем-то абсолютно нерелевантным. Причем это явление характерно не только для западного мира, но и для всей планеты в целом – где-то больше, где-то меньше, но общий вектор на сегодняшний день является вполне определенным. Мы живем в эпоху информации и информатизации, унификации стандартов и сетевой прозрачности, что как нельзя более существенно подчеркивает сущность постнациональных трендов.

К. Вердери в своем исследовании под названием «Куда идут «нация» и «национализм»?» также затрагивает тему распада концепции национального государства. «Ученые, и не только они, сегодня стали подозревать, что современная форма государства... переживает серьезное изменение собственной конфигурации. Международная торговля оружием превратила в посмешище предполагаемую монополию государства на средства насилия. Небывалая подвижность капитала выражается в том, что он перемещается из областей с высокими налогами в области с низкими, многие государства лишаются части своих доходов и промышленной базы, а это ограничивает их способность к привлечению капитала или к формированию его потоков. Утечка капитала заставляет сегодня быть начеку любые национально-государственные правительства. Возросший поток капитала и идущее вслед за ним перемещение масс населения, создавая пресловутый феномен транснационализма, совершенно беспрецедентным образом ставят под сомнение все эти произвольные, до сих пор принимавшиеся как данность, границы национальных государств»¹⁷.

Так как постнационализм – явление крайне широкое, его проявления можно проследить на самых разных уровнях жизни общества, что в очередной раз доказывает высокую актуальность постнационализма как современного общественного процесса. Если, к примеру, выйти на другой уровень и представить себе постнациональную систему в качестве взаимосвязанной сетевой структуры, можно получить пусть и весьма упрощенное, но все же справедливое представление о характере взаимодействий между государствами.

Весьма показательным является тот факт, что изменения, происходящие сегодня в общественном развитии и политической структуре мира, так или иначе отражают общую тенденцию к глобализации и унификации, причем данная глобализация имеет своей основой именно сетевой принцип развития и функционирования, очень схожую с

организацией компьютерной сети. В английском языке для этого явления существует весьма подходящее определение: «interdependence»¹⁸, которое означает «взаимозависимость». Поэтому, если в настоящее время еще рановато вести речь о «Соединенных Штатах Европы», то о «взаимозависимых европейских государствах» можно дискутировать уже смело. С этой точки зрения постнационализм можно рассматривать и как синоним взаимосвязанности и взаимозависимости современных государств.

Если посмотреть в прошлое, мировой экономический кризис начала XX столетия явил собой один из первых и наиболее ярких примеров становления данной концепции «взаимозависимости»: кризис затронул все развитые страны мира, несмотря на серьезнейшие протекционистские меры. Экономический кризис начала XXI века, хоть и имел несколько иные предпосылки и иной характер, также распространился на все развитые экономики современного мира, что само по себе является еще одним подтверждением тесной взаимосвязанности и взаимозависимости современных национальных государств. И уже один этот факт позволяет говорить о переходе к постнациональному уровню развития. Подтверждением данной точки зрения может служить высказывание бывшего управляющего корпорации IBM, Ж. Д. Мезонружа: «С точки зрения бизнеса, границы, которые отделяют одну нацию от другой, реальны не более, чем экватор. Это всего лишь условные линии между этническими, языковыми и культурными целостностями...»¹⁹.

Данные факторы во многом определяют личностное восприятие человека и гражданина. Будучи все более вовлеченным в глобальные процессы (пусть косвенно, на самом элементарном уровне), человек волей-неволей начинает чувствовать свою причастность к чему-то большему, чем просто жизнь и деятельность в рамках отдельно взятого, «своего» государства²⁰. Возвращаясь к примеру интернет-технологий, которые, на наш взгляд, могут служить и служат одной из ярких иллюстраций глобальных процессов современности, можно привести, казалось бы, элементарный, но вместе с тем, очень символичный пример. Скажем, гражданин Российской Федерации, желая зарегистрировать адрес электронной почты, может сделать это как на русском почтовом сервисе, так и на любом другом, который сочтет подходящим – американском, немецком, французском, испанском, японском. То же самое – с регистрацией веб-сайтов (хостинг) – русский веб-сайт может быть зарегистрирован в Таиланде. То же самое – с интернет-казино, социальными сетями (Вконтакте, Facebook, LinkedIn и т.д.), интернет-магазинами и торговыми площадками (Е-

Bay, Molotok, Ozon) – примеров можно привести массу. Люди со всего мира получили возможность, не выходя из собственного дома или офиса, обмениваться письмами, музыкой, картинками, фильмами, даже покупать и продавать любые виды товаров, не запрещенные мировым законодательством. Строго говоря, быть может, это не является классическим примером из учебника по политологии. Тем не менее, личностная психология устроена так, что за виртуальным стиранием национальных границ человек начинает ощущать и реальные перемены, которые происходят в общественной и политической жизни государств мира. Информация, как один из основных факторов производства в современном мире, может быть контролируема со стороны национальных государств лишь отчасти, в том числе и из-за огромного ее количества. Сложность постнациональных трендов в том, что они фактически охватывают множество сторон жизни и деятельности гражданина, и их политическая составляющая – это лишь верхушка айсберга. Изменение сущности концепций национального гражданства и идентичности являются важными, но не единственными проявлениями постнационализма.

В качестве выводов следует отметить следующее. Так или иначе, но в современной политической науке также имеют место быть и критические отклики в адрес постнационального подхода. Сторонники данного направления считают, что на протяжении последних полутора десятков лет в литературе, посвященной изучению вопросов национализма и национального гражданства, большое количество авторов так или иначе подвергают сомнению, критикуют или всячески тривиализируют концепцию национального самоотождествления. Анти-постнационалисты различают два вида подходов к критике данной концепции: экспансивный и сдерживающий²¹. Экспансивность заключается в том, что категории глобального, экологического, культурного, диаспорального и локального самоопределения сегодня как никогда множественны и этот процесс продолжается²². В том же самом контексте, самоопределение сегодня отождествляется не с национальностью, но скорее с политическим протестом²³.

Более ранние поколения ученых назвали бы подобные действия лоббированием, теперь же это называется «практикой самоопределения». Сдерживающий фактор состоит в том, что само ядро гражданской принадлежности, национальность, и паспорт того или иного государства все реже и реже отождествляются с гражданством как таковым. По мнению критиков постнационализма, имеет место девальвация самой сути гражданства, а также привязки этого определения к конкретному государству и *концепции национального самоопределе-*

ния. Концептуальную слабость постнационализма критики видят в том, что постнационалисты опираются на двусмысленные и несостоятельные аргументы, в частности, трактуя национальные различия как предпосылки транснациональных тенденций.

Кроме того, один из ведущих макросоциологов современности, М. Манн, уделяющий большое внимание вопросам развития Европейского Союза, подчеркивает, что «несмотря на нынешнюю мобильность финансового капитала, подавляющая часть продукции национального производства предназначена для внутренних рынков, а так называемые «транснациональные» корпорации сосредоточивают свое высшее руководство и исследовательские организации явно в границах национальных государств»²⁴. И в том случае, если наднациональные силы каким-либо образом посягают на абсолютную независимость национального государства, то это самое государство, по мнению ученого, будет настойчиво повышать свою мощь за счет провинциальных, локальных и частных групп и институтов.

Из этого Манн делает вывод, что национальное государство еще только начинает «вырастать» на мировой арене, и что нищие страны мира испытывают сильный негативный эффект от недостатка эффективной национальной государственности²⁵. Справедливость утверждения насчет расположения штаб-квартир ведущих мировых корпораций вполне понятна и сомнению не подлежит: на нашей планете сейчас географически нельзя найти ни одного места, которое было бы полностью «наднациональным», то есть не принадлежащим никакому конкретному государству, за исключением некоторых малопригодных для жизни областей. А строить небоскребы на Луне в угоду современным постнациональным трендам в данный момент представляется по меньшей мере экономически нецелесообразным. Но утверждение о том, что большая часть продукции все-таки находит своего потребителя на национальных рынках, есть само по себе некое искажение действительности. Мировой рынок, в глобальном его понимании, представляется лишь всемирным механизмом торговли и распределения ресурсов. В конечном итоге, вся произведенная мировая продукция так или иначе обязана найти конкретного покупателя в конкретной стране, на заданном национальном рынке, что ни в коем случае не умаляет справедливости суждений Манна.

Однако здесь есть одно очень интересное соображение. Оно касается того, что национальное государство будет «настойчиво повышать свою мощь за счет провинциальных, локальных и частных групп и институтов». Получается, что национальные государства имеют тенденцию к сопротивлению глобальным процессам размывания границ

и снижения роли *nation state* на мировой политической арене. Причем механизм этот задуман таким образом, что чем сильнее центробежные векторы постнационализма, тем сильнее будет расти центростремительное ускорение в рамках одного отдельно взятого государства. Чтобы в этом убедиться, достаточно обратиться к примеру становления и развития Европейского Союза. До определенной поры все шло хорошо и перспектива создания «Соединенных Штатов Европы» была уже вполне определенной. Но так было до момента голосования по вопросу о принятии единой европейской конституции. И тут оказалось, что Европа еще не достигла той стадии своего развития, когда важность национальных границ уступит место приоритету идей объединения, по сути, в единое государство. И хотя некоторые интеллектуалы предпочитают высоко оценивать интеграционный потенциал Европы, очевиден тот факт, что национальные центростремительные векторы нельзя сбрасывать со счетов, по крайней мере, на современном этапе мирового развития.

¹ Sassen S. Towards Post-National and Denationalized Citizenship. – P. 277.

² Feldblum M. Reconfiguring Citizenship in Western Europe / M. Feldblum // Challenge to the Nation-State: immigration in Western Europe and the United States / ed. C. Joppke. – Oxford, 1998. – P. 231 – 271.

³ Turner B.S. Cosmopolitan Virtue: Loyalty and the City / B.S. Turner // Democracy, Citizenship and the Global City / ed. E.F. Isin. – L. – NY., 2000. – P. 128 – 149.

⁴ Basch L.G. Nations unbound: transnational projects, postcolonial predicaments, and deterritorialized nation-states / L. G. Basch, N. G. Schiller, C. S. Blanc. – London, 1994.

⁵ Sassen, S. De-Nationalization / S. Sassen. – Princeton University Press, 2002.

⁶ Sassen S. Towards Post-National and Denationalized Citizenship. – P. 286.

⁷ Ibid. – P. 286.

⁸ Bosniak L. The State of Citizenship: Citizenship Denationalized / L. Bosniak // Indiana Journal of Global Legal Studies. – 2000. – Vol. 7. – No 2. – P. 447 – 507.

⁹ Jacobson D. Rights Across Borders: Immigration and the Decline of Citizenship / D. Jacobson. – NY., 1996;

¹⁰ Sassen S. Towards Post-National and Denationalized Citizenship. – P. 286.

¹¹ Citizenship and Social Theory / ed. B.S. Turner. – L., 1993.

¹² Jacobson D. Rights Across Borders... – P. 8.

¹³ Sassen S. Towards Post-National and Denationalized Citizenship. – P. 287.

¹⁴ Sassen S. Losing Control? Sovereignty in an Age of Globalization / S. Sassen // The 1995 Columbia University Leonard Hastings Schoff Memorial Lectures, New York. – Columbia University Press, 1996. – Chapter 2.

¹⁵ Aman A.C. Jr., The Globalizing State: A Future-Oriented Perspective on the Public / Private Distinction, Federalism, and Democracy / A.C. Aman, Jr. // Vanderbilt Journal of Transnational Law. – 1998. – Vol. 31. – No 4. – P. 770 – 875.

¹⁶ Геллнер Э. Пришествие национализма / Э. Геллнер // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 158 – 159.

¹⁷ Вердери К. Куда идут «нация» и «национализм»? / К. Вердери // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 304 – 305.

¹⁸ Parekh B. New Politics of Identity: Political Principles for an Interdependent World / B. Parekh. – Palgrave Macmillan, 2008.

¹⁹ Цит. по: Barnet R. J. Ronald E. Muller. Global Reach: The Power of Multinational Corporation / R. J. Barnet, R. E. Muller. – NY., 1974. – P. 14 – 15.

---

²⁰ Roche M. The Olympics and “Global Citizenship” / M. Roche // *Citizenship Studies*. – 2002. – Vol. 6. – No 2. – P. 169 – 180.

²¹ Brubaker R. In the Name of the Nation: Reflections on Nationalism and Patriotism / R. Brubaker // *Citizenship Studies*. – 2004. – Vol. 8. – No 2. – P. 124.

²² Dobson A. *Citizenship and the Environment* / A. Dobson. – Oxford, 2003; Held D. *Democracy and the Global Order: From the Modern State to Cosmopolitan Governance* / D. Held. – Stanford, 1995.

²³ Sassen S. Denationalization. – P. 43. Похожие тренды легко проследить в работах, посвященных диаспоральным проблемам, в которых огромное количество этнических, религиозных, культурных и других групп – католики, протестанты, мусульмане, буддисты, гугеноты, «янки», белые, афроамериканцы, жители бывших республик СССР, - получили обозначение «диаспоры».

²⁴ *Нации и национализм*. – М., 2002. – С. 22 – 23.

²⁵ Там же. – С. 23

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ В РИТОРИКЕ СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОКОНСЕРВАТИВНОЙ ОППОЗИЦИИ В ПОЛЬШЕ

Автор анализирует проблемы развития националистической идеологии в современной Польше. Национализм традиционно принадлежит к числу наиболее влиятельных факторов развития Польши. Современный польский национализм сочетает ценности традиционного национализма с идеями популизма и политического консерватизма. Национализм активно используется различными политическими партиями и силами для мобилизации избирателей и новых сторонников.

Ключевые слова: Польша, национализм, консерватизм, правые партии

Автор аналізує проблеми розвитку націоналістичної ідеології в сучасній Польщі. Націоналізм традиційно належить до числа найвпливовіших чинників розвитку Польщі. Сучасний польський націоналізм поєднує цінності традиційного націоналізму з ідеями популізму і політичного консерватизму. Націоналізм активно використовується різними політичними партіями і силами для мобілізації виборців і нових прихильників.

Ключові слова: Польща, націоналізм, консерватизм, праві партії

The author analyses the problems of nationalistic ideology development in contemporary Poland. Nationalism traditionally belongs to the number of the most influential factors in development of Poland. Contemporary Polish nationalism combines values of traditional nationalism with the ideas of populism and political conservatism. Nationalism is actively used by different political parties and forces for mobilization of electors and new supporters.

Keywords: Poland, nationalism, conservatism, right parties

Председательство Польши в Европейском союзе, окончившееся в 2012 году, сложно оценить однозначно. С одной стороны, каких-либо видимых серьёзных результатов в масштабах всего ЕС достигнуто не было – напротив, за время председательства Варшавы общее положение дел в Евросоюзе, а главным образом, в Еврозоне ухудшилось. Тем не менее, по мнению обозревателей телеканала «Евроньюс», тот факт, что Дональд Туск активно поддержал Ангелу Меркель в её инициативах по ужесточению бюджетных правил в ЕС, существенно повлиял на сближение Германии и Польши¹. Данное обстоятельство определённо является положительным для последней, особенно, учитывая весьма натянутые отношения между Варшавой и Берлином во время президентства Леха Качиньского. Однако, здесь также просматривается ещё один немаловажный факт: Евросоюзу очень «повезло» с Дональдом Туском в особенно тяжёлое для европейской интеграции время. Победа Гражданской Платформы на парламентских выборах в Польше в октябре 2011 года окончательно исключила Варшаву из

списка самых несговорчивых членов ЕС, по крайней мере, на ближайшие 4 года.

С другой стороны, эти не слишком выразительные итоги председательства в ЕС вполне могут послужить хорошим основанием для критики со стороны правых евроскептиков внутри страны. Несмотря на то, что в данный момент большинство поляков поддерживает европейские инициативы правительства, дальнейшая дестабилизация обстановки в Евроне и Евросоюзе может дать правым популистам ещё один шанс, подобный тому, что был использован ими в 2005 году. Речь идёт о нынешней оппозиции – партиях «Право и Справедливость», «Лига Польских Семей» и «Самооборона». Несмотря на то, что эти партии во многом рознятся идеологически и не вполне одинаковы в плане радикальности взглядов, их объединяет постулат «национальной идеи», на котором базируются подходы этих партий к вопросам международного сотрудничества и, главным образом, к проблеме взаимоотношений Польши и ЕС.

Рассматривая польскую национальную идею, нельзя не признавать, что в конце 1980-х годов она имела для Польши решающее значение. Движение «Солидарность» с его лозунгами о возвращении нации достоинства и суверенитета являлось квинтэссенцией этой идеи. В тот революционный для страны период эта идея была необходима, и её искренность едва ли может подвергаться сомнению. Однако, данная специфика закономерна для любого национального государства в период восстановления независимости. За национальным подъёмом на волне революционно-освободительных настроений, тем не менее, всегда следует спад всеобщей эйфории. Именно в этот период идеалы уступают место реалиям политического и экономического процесса.

Политические процессы в Польше после 1989 года представляют огромный интерес в контексте смены правящих партий и президентов. С точки зрения простейшей логики, можно было бы предположить, что после победы «Солидарности» и установления демократического режима левые силы – олицетворение угнетателей – должны быть обречены на роль «вечной оппозиции». Однако, парламентские выборы 1993 года заканчиваются победой посткоммунистов, а в 1995 году Александр Квасьневский сменяет Леха Валенсу на посту президента. Этот чрезвычайно резкий поворот принято объяснять экономическими причинами. Джон Джексон представляет масштабный анализ данного явления в книге «Политическая экономия Польши в переходный период». Основываясь на статистических данных, он приходит к выводу, что инфляция, рост безработицы и общий экономический спад в начальный период существования новой независимой Польши стали

основной причиной, заставившей избирателей вновь поддержать бывших коммунистов. Автор также справедливо отмечает, что, так или иначе, большинство населения волнуется, прежде всего, собственное экономическое благосостояние². Таким образом, первый вывод, который можем сделать мы – национальная идея отходит на второй план, когда нет стабильности в экономике.

По мнению Дж. Джексона, то, что левые силы находились у власти в Польше так долго – вплоть до 2005 года – объясняется тем, что их политическая и особенно экономическая ориентация претерпела серьёзные изменения. Сделав ставку на развитие частного предпринимательства и отменив ряд жёстких экономических ограничений, установленных в соответствии с планом Бальцеровича в первые годы переходного периода, коалиция «Союза Демократических Левых Сил» и «Польской Крестьянской Партии» сильно эволюционировала и, по сути, передвинулась ближе к политическому центру, коим для левых является социал-демократия. Именно эта коалиция инициировала успешно закончившиеся в 2004 году переговоры о вступлении Польши в Европейский Союз.

С этого момента во внутривнутриполитических дискуссиях вопрос позиции Польши в отношении Европы перешёл на новую ступень развития. По мнению польского исследователя Артура Липиньски, проблемы, касавшиеся интеграции в ЕС, а также финансовые затраты, которые были связаны с этим, стали серьёзным козырем в руках популистов, поскольку эти трудности можно было очень эффективно использовать в предвыборной борьбе. Именно в этот момент национальная идея вновь становится политическим оружием, но на этот раз в предвыборной гонке.

Как отмечает А. Липиньски, в связи со вступлением в ЕС на левых обрушилась волна критики и обвинения в пренебрежении интересами Польши. В дополнение к этому начались дискуссии по поводу проекта Европейской Конституции, касавшиеся, в особенности, предложенной Германией реформы системы голосования в ЕС, которая, в соответствии с проектом, должна была зависеть не только от территории государства, но и от численности его населения³. Этот факт был взят на вооружение правыми, заявившими, что принятие этой Конституции грозит Польше абсолютной потерей влияния.

Новый президент, Лех Качиньский, провозгласив новый внешнеполитический курс, в основе которого лежала идея национального интереса, начал прибегать к одному из наиболее часто используемых инструментов – апелляциям к истории. В частности, в период переговоров о новой системе голосования он недвусмысленно дал понять Гер-

манской стороне, что если бы не Нацистская Германия, численность поляков была бы больше. Учитывая это, становится понятно, почему улучшению польско-немецких отношений в последнее время придаётся такое большое значение.

Липиньски в своей статье об отношении различных политических направлений Польши к ЕС, отмечает, что в польских партийных кругах единственной помехой к лидирующим позициям в Евросоюзе считают экономическую отсталость, которую принято объяснять либо довольно туманным понятием «трагического вердикта истории», либо внешними факторами – коммунистами, нацистами и т.п.⁴ Тем не менее, поляки свято верят в то, что, имея за плечами такую историю, они имеют право на лидерство в Европе.

Другой вопрос, каков подход к данному стремлению. Если социал-демократы и правоцентристы из Гражданской Платформы верят в конструктивный подход и большее вовлечение в интеграционные процессы за счёт инициативной позиции в рамках институциональной структуры ЕС, то правая оппозиция склонна к подходу «извне». То есть, поиску партнёров за пределами Европы с целью укрепления своего экономического и политического могущества, которое, при одновременном использовании финансовых преимуществ членства в Европейском Союзе, можно было бы использовать для продавливания национальных интересов в последнем. Неслучайно за время президентства Качиньского отмечалась крайняя активизация отношений Польши с США.

Что ещё более интересно, и в рядах правой оппозиции есть расхождения во мнениях по вопросам трактовки национальных интересов. Представленная выше позиция близка партии «Право и Справедливость», менее радикальной по сравнению с «Лигой Польских Семей» и «Самообороной», которые вообще склонны противопоставлять национальную идею участию в каких-либо международных организациях. Для них тесное взаимодействие с другими государствами означает потенциальную угрозу стирания культурных традиций как части национального самосознания. Идеологи «Лиги Польских Семей» ставят во главе угла традиционно фундаментальную роль религии в польском национальном укладе, Евросоюз же, с его бюрократией, и централизованной институциональной структурой, видится им неким супер-государством, которое желает поглотить все нации вокруг себя. Как отмечает Липиньски, здесь весьма существенным является отождествление ЕС с понятием «колхоз» – это прямая отсылка к временам соцлагеря⁵. Это достаточно нетривиальный политический ход, объединяющий в себе понятие о ЕС как об угрозе (с отсылкой к при-

меру из недавнего коммунистического прошлого) и напоминание о том, что не кто иной, как бывшие коммунисты привели Польшу в Евросоюз.

Так или иначе, правление коалиционного правительства трёх упомянутых правых партий со всеми их внутренними идеологическими расхождениями на практике показало, что результат курса «национального интереса» по отношению к ЕС один – политическая изоляция. Исследователи А. Браницкий и Д. Савов считают основной отличительной чертой польского евроскептицизма то, что в Польше к нему склоняется в основном политическая элита, нежели простое население. Причём, по их мнению, в данном вопросе наряду с идеологическим серьёзнейшее воздействие на элиту оказывает эмоциональный фактор⁶. Данное заключение выглядит вполне справедливым, особенно учитывая специфическую риторику правых радикалов.

На основе всего вышеизложенного можно сделать следующий вывод: «национальная идея» в современной Польше – не что иное, как инструмент политического воздействия на население. Это универсальный антипод как центристам (интеграция в ЕС как угроза лишения Польши влияния в Европе), так и левым (память о коммунистическом прошлом и о том, кто привёл Польшу в Евросоюз). С учётом популистской направленности правых партий, постулат «национальной идеи» в их риторике призван эмоционально влиять на мнение общественных масс, хотя на практике может служить лишь маской, за которой скрываются истинные намерения (яркий тому пример – уже упомянутая угодническая политика в отношении США, явно не отвечающая интересам защиты нации).

В настоящий момент нельзя определённо сказать, имеет ли этот правый курс шансы оправдать себя в борьбе за места в парламенте на следующих выборах. Как уже упоминалось, население более всего заботит экономическое благосостояние и стабильность, а польская экономика – единственная на данный момент в ЕС, не претерпевшая рецессию. С другой стороны, как показали прошедшие парламентские выборы, «Право и Справедливость» по-прежнему пользуется широкой поддержкой населения. Кроме того, ещё одной особенностью простого населения является то, что при неблагоприятных экономических обстоятельствах внутри страны оно склонно отдавать свои голоса политическим силам, занимающим позицию противоположную силам, находящимся у власти (феномен так называемого «ретроспективного голосования»). Именно в такой ситуации популистские методы, основанные на действительной, а чаще мнимой поддержке простого населения, работают лучше всего. Таким образом, на данный момент

очень многое зависит от того, сможет ли Европейский Союз стабилизировать свою экономическую обстановку, ведь если этого не произойдёт, Польша будет иметь все шансы снова впасть в политическую крайность.

---

¹ Сложное наследие председательства Польши в ЕС. – (<http://ru.euronews.com/2011/12/20/assessing-polands-eu-presidential-performance/>)

² Jackson J.E., Klich J., Poznanska K. The political economy of Poland's transition. *New Firms and Reform Governments* / J.E. Jackson, J. Klich, K. Poznanska. – New York, 2005. – P. 136

³ Lipiński A. Europe as a Symbolic Resource. On the Discursive Space of Political Struggles in Poland. / A. Lipiński. – Berlin, 2010. – P. 12

⁴ Ibid. – P. 15

⁵ Ibid. – P. 24

⁶ Браницкий А., Савов Д. Евроскептицизм в Польше: причины, проявления и последствия / А. Браницкий, Д. Савов // *Власть: общенациональный научно-политический журнал*. – 2011. – № 12. – С. 152 – 153.

НАЦИИ И НАЦИОНАЛИЗМ В ДОНАЦИОНАЛЬНУЮ И НАЦИОНАЛЬНУЮ ЭПОХУ

РОМАНИЗАЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В ПРОВИНЦИЯХ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Историография национализма является модернистской. Попытки найти элементы современных наций, нации и идентичности в прошлом доминируют в примордиалистской историографии национализма. Романизация была процессом интеграции новых территорий и ассимиляции местных племен и этнических сообществ в структуру Римской Империи. Автор статьи пытается проанализировать проблемы истории романизации в контексте трансформаций идентичностей.

Ключевые слова: Римская Империя, романизация, провинции, социальные и этнические процессы

Історіографія націоналізму є модерністською. Спроби знайти елементи сучасних націй, нації і ідентичності у минулому домінують в примордіялістській історіографії націоналізму. Романізація була процесом інтеграції нових територій і асиміляції місцевих племен і етнічних спільнот до структури Римської Імперії. Автор статті намагається проаналізувати проблеми історії романізації в контексті трансформацій ідентичностей.

Ключові слова: Римська Імперія, романізація, провінції, соціальні і етнічні процеси

Historiography of nationalism develops as dominantly modernist. The attempts to find the elements of modern nations and identities in the past prevail in primordial historiography of nationalism. Romanization was the process of new territories integration and assimilation of local tribes and ethnic communities in the structure of Roman Empire. The author of the article attempts to analyze the problems of Romanization history in the context of identities transformations.

Keywords: Roman Empire, Romanization, , provinces, social and ethnic processes

По истории Рима написаны десятки работ, сотни статей, защищены тысячи диссертаций. Изучение античной истории ведется в ряде стран Европы и Америки, существуют исследовательские центры, выходят специализированные периодические издания. Однако в античной истории сохраняется немало белых пятен, есть темы исследованные еще крайне незначительно. Для отечественной исторической науки такой темой является романизация. На протяжении длительного времени история Римской Империи была в первую очередь историей Рима. На таком фоне провинции оставались в тени, в исследовательской литературе им, по данной причине, уделялось гораздо меньше

внимания. По данной причине, недостаточно изученным остается и такая составляющая римской политики как процесс романизации.

К настоящему времени по проблемам романизации практически не создано ни одного обобщающего исследования. В течении длительного времени романизация не рассматривалась как самостоятельная проблема, достойная того, чтобы стать предметом отдельного исследования, комплексного анализа. Именно по данной причине, изучение романизации велось в контексте истории провинций Римской Империи или отдельных народностей, вошедших в ее состав, имевших с ней контакты или общую границу.

Впервые проблема романизации научно, подробно и относительно разносторонне была представлена в работах классиков исторической науки – немецкого историка Теодора Моммзена и отечественного исследователя М.И. Ростовцева. Первый истории провинций посвятил четвертый том своей «Истории Рима», второй – две главы в двухтомном исследовании «Общество и хозяйство в Римской Империи». Определенные аспекты настоящей проблематики все же поднимались в национальных исторических науках - в немецкой, российской, английской, американской, румынской, албанской, болгарской, украинской. Для Германии, США, России и Украины изучение процесса романизации было признаком академической зрелости, своего рода, знаком качества.

В изучении романизации в данных странах следует выделять два периода, которые условно можно определить как романтический и научный. Романтический подход господствовал в историографии XIX века. Особенно он был силен в романских государствах, например - в Румынии, писатели которой стремились доказать наличие прямого римско-романского континуитета, обеспеченного процессом романизации¹. Второй можно датировать XX столетием, а хронологические рамки первого достаточно спорны. В течение романтического этапа романизация идеализировалась либо позитивно, либо крайне негативно. Она могла рассматриваться как важнейший этап в истории той или иной нации романского происхождения. Вместе с тем, ее могли оценивать как череду завоеваний, военных столкновений и кровавых событий. Рецидивы такой тенденции сохранились и в историографии XX века.

Значительная роль романизации не признавалась румынскими публицистами романтического направления, склонных к идеализации даков и занижению роли Рима. Михаил Садовяну писал в 1933 году, что не понимал «зачем надо обосновывать наше исключительно римское происхождение и достоинство, чтобы стать великим народом».

Садовяну выводил румын от даков, а не от римских колонистов: «склонен довольствоваться более происхождением от даков, я считаю для себя честью быть потомком коренных жителей». Позднее, в 1941 году, Дж. Кэлинеску писал, что «мы забавлялись по поводу нашего латинства, в то время как на самом деле мы являемся гетами, духу галлов и бриттов здесь должен соответствовать дух гетов»².

Самый заметный рецидив ранней романтической традиции на настоящем этапе - это исследование Василе Стати «История Молдовы». Занимая маргинальные позиции в современной румынско-молдавской историографии, отрицая существование единого румынского народа и двух румынских государств, Стати признает существование молдаван, которых рассматривает как «наследников свободных даков». Что касается романизации, то он оценивает ее негативно, определяя как «кровавые римские достижения» и «самое зверское, самое кровавое римское завоевание». Стати считает, что «предки молдаван, свободные даки, не были в римских цепях»³.

В ряде европейских государств изучение национальной истории традиционно связывается с проблемами античной, в том числе и римской, истории. Именно по данной причине, для некоторых стран античность, в том числе и сам процесс романизации – это часть национальной истории, ее неотъемлемые составляющие. Это накладывает ряд отпечатков на изучение истории романизации. Нередко в национальных историографиях романизация идеализировалась, рассматривалась как прогрессивное явление, а та или иная современная нация объявлялась наследницей Римской Империи. Особенно в этом преуспела румынская историческая наука в лице ее определенных националистически настроенных представителей.

Такой подход характерен для исторической науки Румынии и Албании, в меньшей степени – для болгарской историографии⁴. В албанской историографии изучением данной проблематики занимались С. Анамали, М. Коркути, Х. Цека.⁵ В Румынии изучение разных проблем романизации было в центре внимания работ таких известных румынских историков как А. Арицеску, Р. Вулпе, Ц. Дайцовичиу, Н. Иорга, И. Иониша, А. Ксенопол, М. Марцеа, М. Роллер, В. Пырван, А. Суцевеану, В. Христеску.⁶ В Молдове проблемами истории романизации занимались Г. Смирнов, В. Сенкевич, Э. Рикман, Г. Федоров, Л. Полевой, Н. Мохов, П. Бырня и И. Рафалович, Н.А. Чаплыгина⁷.

Определенные традиции в изучении истории романизации и римских провинций имеет немецкая историческая наука. Первый шаг в этом был сделан еще Теодором Моммзенем. Позднее различные стороны процесса романизации и исторического развития различных

римских (главным образом, дунайских) провинций широко были представлены в исследованиях таких немецких историков как Г. Патш, И. Маркуардт, Б. Пикк, Й. Юнг⁸.

Немало для изучения настоящей проблематики было сделано и в рамках англоязычных историографий. Историки, писавшие на английском языке, несмотря на то, что не смогли создать единой и целостной картины романизации, они все же немало сделали для изучения определенных сторон процесса романизации. В англоязычной исторической литературе рассмотрена романизация как исторический процесс и феномен, роль романизации в развитии материальной культуры, урбанизация как часть процесса романизации, романизация Греции, Дакии, Британии. В связи с этим следует упомянуть работы С. Элкокка, Дж. Бэррэтта, П. Фримэна, Дж. Вэбера, Б. Канлиффа и Т. Роули, М. Миллета, А. Джонса, Ф. Хэйверфилда, Р. Коллингвуда⁹.

В отечественной историографии не только не создано ни одного обобщающего исследования по истории романизации, но и к самому процессу утвердился односторонний подход. Романизация рассматривалась почти исключительно как социально-экономическое явление, а культурно-этнической стороне процесса практически не уделялось внимания. Некоторые проблемы, связанные с романизацией, представлены в исследованиях посвященных истории провинций, вышедших еще в дореволюционный период. В более ранней, советской, исследовательской литературе она оценивалась с точки зрения социально-экономических процессов. Другие ее аспекты практически не изучались. Это, в первую очередь, относится к ее этносоциальным составляющим, на необходимость изучения которых еще в 1983 году указывали молдавские историки Г. Федоров и Л. Полевой¹⁰.

Одна из первых работ по романизации вышла 1899 году. Исследование А. Шультена было посвящено колонизации и ее роли в истории античного Рима¹¹. Позднее изучение романизации в советском антиковедении было связано почти исключительно с изучением истории римских провинций и отдельных племен в составе Римской Империи. Изучение романизации не было простым проявлением развития исторической науки. Санкцией на ее изучение были слова Ф. Энгельса «по всем странам бассейна Средиземного моря в течение столетий проходил нивелирующий рубанок римского владычества. Там, где не оказывал сопротивления греческий язык, все национальные языки должны были уступить место испорченной латыни; исчезли все национальные различия»¹². Упоминание романизации основоположником марксизма было идеологическим разрешением на изучение столь спорной темы.

Первые шаги для систематического изучения романизации в отечественной историографии провинций предприняли в 1940 – 1950-е годы А. Ранович, Т.Д. Златковская, А.Д. Дмитриев, Е.М. Штаерман, И.Т. Кругликова. Основоположником изучения процесса романизации в отечественной исторической науке можно назвать О.В. Кудрявцева, научные планы которого, к сожалению, оказались нереализованными. В связи с этим остаётся только пожалеть о ранней кончине историка, который, судя по имеющимся данным, собирался обстоятельно заняться историей провинций, что автоматически вело к анализу проблем, связанных с процессом романизации. В 1970 – 1980-е годы романизация была в центре внимания работ Ю.К. Колосовской, А.М. Малеваного, который продолжил изучение этой проблематики уже в независимой Украине в 1990-е годы¹³.

Процесс романизации затронул большинство римских провинций. Провинции Римской Империи в историографии традиционно делят на несколько групп: 1) *северо-западные* (Корсика, Сардиния, Бетика, Лузитания, Тарраконская Испания, Нарбонская Галлия, Аквитания, Лугудунская Галлия, Белгика, Британия, Нижняя Германия, Верхняя Германия); 2) *южные* (Сардиния, Африка, Нумидия, Мавритания); 3) *дунайско-балканские* (Реция, Норик, Паннония, Далмация, Верхняя Мёзия, Нижняя Мёзия, Дакия, Фракия, Македония, Эпир, Ахайя); 4) *восточные* (Азия, Вифиния и Понт, Киликия, Сирия, Палестина, Галатия, Каппадокия, Ликия и Памфилия, Аравия, Египет, Крит, Киренаика).

Рассматривая проблему понятия «романизация» в отечественной и зарубежной исторической литературе мы неизбежно столкнемся не только с различными оценками ее результатов и последствий, но и с несколькими определениями самой «романизации». Одна из первых попыток определения процесса романизации в советской историографии была предпринята А. Рановичем в исследовании «Восточные провинции Римской Империи», вышедшей в 1949 году. А. Ранович рассматривал романизацию как внешнее выражение включения эксплуататорских групп местного населения в состав господствующего класса, что в итоге вело к исчезновению и сглаживанию этнических различий. Романизация, согласно А. Рановичу, это – «органическое слияние провинций в империю»¹⁴.

Другой современник А. Рановича О.В. Кудрявцев писал, что романизация представляла собой не только распространение латинского языка и римской культуры. Согласно его концепции, романизация – это, прежде всего, распространение «городов римского типа», которые принесли с собой античную форму собственности и рабовладель-

ческий способ производства. Параллельно он отмечал, что романизацию можно рассматривать в узком и широком смысле. В широком смысле, романизация – это «распространение хозяйственных, социальных, политических и культурных форм свойственным коренным областями римского мира», распространение латинского языка и латинской культуры, которое в городах шло гораздо быстрее, чем в сельской местности. Именно частью этой романизации был процесс урбанизации¹⁵.

Один из крупнейших специалистов по романской проблематике советского периода В.Ф. Шишмарев определял романизацию как длительный процесс, связанный с заменой одних традиционных устоев другими: «ассимиляция явилась результатом многовековой упорной борьбы; “сад империи” вырос на почве, обильно политой кровью борющихся и то, что называется ”романизацией” населения Италии было не только перевоспитанием покоренных народов, но грубой и жестокой ломкой всех их традиций и жизни»¹⁶, - писал он. Н.А. Чаплыгина предложила несколько иное определение романизации. Согласно ее концепции, под романизацией следует понимать процесс взаимодействия римской и провинциальной культур. Определяя природу данного процесса, она указывала на то, что романизация, прежде всего, была не культурно-историческим, а социально-экономическим процессом. Начало романизации Н.А. Чаплыгина совершенно верно связывает с установлением римского господства в том или ином регионе. В качестве составных элементов процесса романизации Н.А. Чаплыгина определяла урбанизацию, распространение римских городских общин (муниципий), создание сети военных лагерей, колонизация италиками или выходцами из раннее романизированных провинций¹⁷.

В западной историографии сложилось несколько различных пониманий процесса «романизации». Например, согласно Д.Р. Тёрнэру, романизация была историческим процессом, в результате которого территории, захваченные Римом или населенные римскими гражданами были включены в единое политическое пространство. Определяя содержание романизации, Д.Р. Тёрнэр делает вывод, что процесс был направлен на то, чтобы «в контексте империи все граждане идентифицировали себя с римлянами»¹⁸. Современная румыно-молдавская историография рассматривает романизацию как «многогранный исторический процесс, в ходе которого римская цивилизация проникает во все сферы жизни провинции и приводит к замещению языка коренного населения языком латинским». Современная румыно-молдавская историография указывает на крайнюю хронологическую растянутость

процесса романизации. Романизация рассматривается и как «интеграция» тех или иных провинций в структуру Римской Империи¹⁹.

Некоторые современные молдавские авторы, повторяя слова румынского историка Н. Йорги, отмечают, что романизация поставила особую «печать Рима», после чего возникли условия для появления румын. В рамках такого подхода романизация определяется как «важнейший этап в этногенезе румынского народа». Нередко процесс романизации сводится к, своего рода, особому «этнокультурному синтезу»²⁰, который в итоге привел к формированию румынского народа и румынского языка. Данная точка зрения в максимальной степени характерна для румынской и молдавской историографий, где процесс романизации рассматривается как неотъемлемая часть национальной румынской истории.

Роль завоевания в процессе романизации провинций констатирует уже Т. Моммзен. Он считал, что государственная мудрость римлян состояла не в том, что они могли завоевывать различные территории, но смогли на протяжении длительного времени оставаться их властителями²¹. Хотя в историографии, главным образом западной, существует концепция о мирной колонизации и романизации. К числу ее сторонников принадлежал американский историк Ф. Мэрш, который в исследовании «Современные проблемы в античном мире» утверждал, что римляне никому и никогда не навязывали своей политики, но они всюду лишь сохраняли местное самоуправление, сохраняя свободы местного населения. Что касается романизации, то она, согласно историку, была очень привлекательной для «примитивных жителей провинций»²².

Данная тенденция, тенденция завоевания и захвата новых территорий, имела общий характер, была характерна для образования большинства римских провинций. Например, завоеванию Галлии предшествовал целый ряд военных операций – в 225 году до н.э. были покорены кельты Этрурии, в 202 году до н.э. был разгромлен Ганнибал, в составе армии которого были кельтские отряды, в период между 197 – 133 годами до н.э. были покорены кельты Испании. Все эти акции приближали римлян к собственно Галлии – очагу тогдашней кельтской культуры и цивилизации. Что касается Галлии, то появление первых римских отрядов на ее территории может быть датировано 125 годом до н.э., а завоевание Внутренней Галлии имело место в 58 году до н.э. В процессе завоевания новых территорий римляне нередко пытались опираться на местную знать. В этой опоре они видели источник не только успешного завоевания, но и сохранения захваченных территорий. Кроме этого местная знать контролировала непрочные

государственные образования, которые не смогли противостоять римской агрессии²³.

Отличительной чертой процесса романизации являлось распространение римской воинской мощи на ново захваченные территории. Это было совершенно закономерное явление, так как именно армии Рим был обязан появлением той или иной новой провинции. Именно по данной причине, на территории каждой новообразованной провинции римские власти предпочитали оставлять крупные военные силы²⁴. Особенно актуально использование военной силы было для романизации Британии. Сам этот процесс на островной территории со значительными культурными отличиями от соседних земель, с определенным уровнем политического и значительной степенью культурного развития был просто неосуществим без увеличения численности римской армии. Однако, несмотря на наличие на острове значительной римской военной группировки, латинские порядки между валами Пия и Адриана прочно не привились²⁵.

Римские части широко использовались для перемещений и переселений местного неримского населения. Например, в провинции Иллирик иллирийцы были насильно согнаны с их исконных земель и поселены на новых территориях, которые находились в непосредственной близости от расположения римских войск. Особенно активно такая политика в Иллирике начала проводиться с 167 года до н.э.²⁶ Римская армия может быть названа каналом романизации, причем одним из самых важных ее путей. Ее значение в процессе романизации было замечено еще О.В. Кудрявцевым, который отзывался о ней как об «орудии романизации». В одной из своих работ, посвященных истории провинций, историк отмечал, что «воинские части были авангардом римской колонизации ... они автоматически способствовали разложению примитивных общественных отношений, вовлекая крестьянскую массу в орбиту денежных отношений». С другой стороны, романизации способствовала и служба в рядах римской армии выходцев из провинций, которые «прослужив определенный срок в римских частях, превращались в римлян, становясь оплотом римского владычества в стране»²⁷.

Однако, в современной историографии завоевание уже не рассматривается как основной признак необходимый для романизации. Молдавско-румынская историография, признавая роль завоевания, отмечает, что романизация не была бы возможна исключительно военными методами без высокого уровня развития местного населения. Ввод армии и привнесение римской администрации лишь изменяли

его в соответствии с римскими образцами. Армия, правда, рассматривается, как «важный очаг романизации»²⁸.

Римское завоевание, как правило, вело к появлению римских колоний. Современный молдавский историк Василе Стати пишет, что колонизация означает «внедрение римской системы хозяйствования и администрирования во всех областях». Колонизация не означала полного истребления местного населения, на что в частности неоднократно указывали румынские историки, как в Румынии, так и в Молдове²⁹. При этом в историографии существует мнение, что местные племена, например – в Дакии, все же в значительной степени были истреблены или перешли на территории неподконтрольные Риму³⁰. Например, современный молдавский исследователь В.Стати считает, что римляне «почти полностью истребили гетов на оккупированной территории». Такая политика определенная им как «квазитотальное истребление». Василе Стати по этому поводу пишет: «ни в одной из поработанных территорий романизация не имела таких трагических последствий как в Дакии: исчез идентифицирующий признак коренного населения – название языка»³¹. Колонизация была самым тесным образом связана с романизацией местного населения провинций. Колонии могли создаваться римскими властями для укрепления своего положения, для предотвращения восстаний покоренных территорий и народов. Благодаря колониям и колониальной политике Рим становился доминирующей силой, а римляне большинством, вытесняя или ассимилируя местное население³².

История Рима знает два пути создания колоний в ново захваченных провинциях. Колонии римских граждан могли основываться в результате переселения солдат и ветеранов. Например, путем поселения ветеранов в значительной степени была романизирована Паннония, хотя на ее территории было немало и гражданских колонистов, как правило, вольноотпущенников и их потомков³³. Появление колонии, или «массированная колонизация романизованными элементами»³⁴, могло быть и результатом переселения торговцев и крестьян из Италии или других уже в достаточной степени романизованных и урбанизированных и, по данной причине, страдающих переселением, территорий. Нередко переселение это могло иметь и стихийный характер³⁵. Примечательно, что в процессе колонизации и романизации, по мнению отечественной исследовательницы Н.А. Чаплыгиной, этническая принадлежность человека не играла особой роли³⁶.

Колонизация приносила не только волны колонистов, которые сменяли одна другую. Она привнесла и ряд более важных изменений, чем простая смена населения. Романизация несла нормы римского

права, которые постепенно стали применяться не только в самой Италии, но и в римских провинциях³⁷. В противостоянии двух форм ведения хозяйства и развития экономических отношений победителем могла стать только более совершенная и развитая римская форма и римский хозяйственный уклад³⁸. Параллельно с размещением на территории новых провинций войск, римские власти проводили и политику планомерного поселения римских граждан – именно, по данной причине, колонизация была важной составляющей всего процесса романизации³⁹. На территории провинций появлялось новое население, своего рода – «пришлый римский элемент», проводивший периодически насильственные переселения местных жителей⁴⁰.

Подобная римская политика ставила целью подорвать экономическую мощь местного нероманского населения. По данной причине, племена постепенно утратили статус собственников земель, на которых проживали, превратившись в арендаторов. Для более успешной реализации такой политики римские власти пошли на рассредоточение одного племени на обширной территории, чтобы разрушить внутренние связи в его структуре. В связи с этим примечательна и показательна судьба кельтского племени бревков обитавшего на территории Паннонии: одна его часть была объединена в общину с амантинами, а вторая – с карнакатами. Кроме этого различные племена могли объединяться в рамках одной общины: например, таким образом в Паннонии были объединены бойи и азалы. Однако данная политика имела и более далекие цели помимо ослабления племен: формирование на их базе общин стало переходным звеном в создании муниципий⁴¹. В связи с этим особенно актуальны слова итальянского историка А. Феррабино, которые звучат таким образом: «Рим обладал искусством разумно создавать пропорцию между счастьем победителей и несчастьем побежденных»⁴².

При этом в колониационный процесс были втянуты не только выходцы из собственно Италии – например, в колонизации Дакии активное участие приняли выходцы из азиатских регионов Римской Империи. Что касается, выходцев из Италии в Дакию их было не так много. Из Италии в Дакию переселились, в частности, выходцы из Апулии и Лукании⁴³. Тезис о значительной роли колонизации в процессе романизации присутствует и в современной историографии. Румынские историки рассматривают колонизацию как одно из важнейших направлений всего процесса романизации. Они считают, что именно колонизация способствовала распространению латыни. Историки Молдовы пишут, что «расселившись большими замкнутыми группами, колонисты становятся действенным очагом романизации»⁴⁴.

Практически на территории всех провинций Рим «следовал своей традиционной политике»⁴⁵ - строительству городов. Особая роль в романизации, наряду с поселением римских граждан, принадлежала и той части римской политики, которая была направлена на строительство новых городов, которые стали, своего рода, центрами «интенсивной романизации»⁴⁶, или «средством социальной и культурной урбанизации провинций». Однако Рим не был последователен в своей политике урбанизации – например, во Внутренней Далмации римские власти сознательно сохраняли неурбанизированные территории для того, чтобы позднее использовать их для набора местного населения во вспомогательные войска⁴⁷.

По данной причине, именно жители городов первыми начинали говорить на латыни. Привлечение местного доримского населения в города, согласно М.Н. Новикову, способствовало его аккультурации⁴⁸. Роль и место городов в процессе романизации достаточно четко выразил М.И. Ростовцев: «городская жизнь по всей империи приняла однородные формы, духовные интересы и деловая жизнь в различных провинциях развивались приблизительно одинаково»⁴⁹. Романизация и урбанизация в провинциях Империи были процессами, вытекающими друг из друга и связанными самым теснейшим образом⁵⁰. Практически всегда в качестве центров романизации выступали новые города, основанные римлянами. Например, по мнению известного отечественного историка М.И. Ростовцева именно римлянам принадлежит заслуга полной урбанизации территории Испании⁵¹. Обитателями этих городов на раннем этапе их истории была армия и римские ветераны⁵².

В случае если на территории ново образованных провинций уже существовали города, то романизация в них могла приобретать форму смешения пришлого населения с местным. Такая ситуация во многом была характерна для Паннонии, где наиболее романизированным городом следует считать Эмону. Залогом ее успешной и относительно быстрой романизации стала колонизация территории италиками и близость к самой Италии, с которой город поддерживал экономические связи⁵³. Если же римляне приходили на территории, которые ранее не знали собственной городской культуры или не подверглись влиянию греческой цивилизации – в таких регионах римское влияние и романизация проявлялись в наиболее чистом виде. В том случае если города были ранее, имело место сохранение элементов доримского периода⁵⁴.

Процесс романизации особенно быстро протекал в городах, ставшими очагами и центрами социальной и культурной романиза-

ции⁵⁵, на жизни которых и составе населения ее результаты сказались относительно рано. В большинстве провинций, например – в Иллирике, в первую очередь романизации подверглось мужское население городов, чему немало содействовали торговые контакты с Италией, в то время как сельское население (в основном старики и женщины) были подвержены процессу романизации в гораздо меньшей степени⁵⁶. Русский историк А. Будилович прокомментировал эти особенности процесса романизации таким образом: «прямолинейные дороги прорезали Апеннины и равнины во всех направлениях, вековечные римские мосты смелыми арками перекинулись через реки, каналами осушили мареммы, водопроводы связали горные ключи с городскими фонтанами. Бесчисленные народы были приведены к осознанию сначала политического, а потом и национального единства»⁵⁷.

Римская колонизация и урбанизация вели и к привнесению на территорию провинций и новых социальных явлений. Романизация вела не только к постепенному вытеснению национальных культур и языков, их заменой римско-латинскими традициями. Романизация была силой способной на разрушение старых социальных порядков, структур и институтов. Вместо них на территорию провинций проникало социальное неравенство⁵⁸. Нередко романизация вела к тому, что старинные господствующие классы вытеснялись римлянами и говорившими на латыни италиками. Местное население могло полностью раствориться в среде римлян, усвоив их язык и культуру. Данная ситуация бала, например, характерна для Испании, южная часть которой, по словам М.И. Ростовцева, стала страной римской колонизации⁵⁹. Похожее мнение о смене социальной динамики в романизованных районах представлено и в работах О.В. Кудрявцева, констатировавшего, что западные провинции, измененные по образу и подобию Италии являли собой картину постепенного разрушения старых сословных делений⁶⁰.

Объективным результатом романизации было определенное повсеместное усложнение социальных отношений на захваченных территориях, превращенных в провинции. Советские авторы нередко описывали эти явления поверхностно и упрощенно. «Романизация вела и к определенному прогрессу в развитии местных производственных сил, но его благами пользовались, главным образом, господствующие классы, на долю же народа достался рабский удел», - это яркий образчик упрощенного советского марксистского понимания истории⁶¹. Романизация имела во многом и прогрессивное значение, так как вела к установлению более сложных отношений, к распространению рабства и разрушения более древних общественных отно-

шений и форм зависимости⁶². Романизация не только была силой разрушающей старые порядки, но она имела и определенную прогрессивную роль, так как вела к более активному развитию уже существующих явлений, например – торговли. На определенных этапах римской экспансии романизация и торговля шли рука об руку: торговля способствовала проникновению римской цивилизации, а романизация, в свою очередь, развитию торговых отношений⁶³.

Социальные изменения, вызванные процессом романизации, находят достаточно широкое отражение в находках археологии – например, романизация Британии вылилась в появление на ее территории богатых погребений. Социальные изменения отразились и в региональном плане: расслоение населения юга Британии шло гораздо быстрыми темпами, чем население севера, меньше знакомого с римскими традициями и культурой. Самым важным социальным последствием романизации стало распространение римского гражданства. Вхождение той или иной территории в состав Империи вело к проникновению туда римского судебного аппарата, римских законов, что выливалось в упразднение местных законов, если такие существовали, или обычного права в случае если законы еще не получили развития⁶⁴. В итоге этот процесс привел к уравниванию Италии как центра империи с другими провинциями⁶⁵.

Первым результатом романизации подобного плана было то, что со временем все население империи обрело римское гражданство. Обретение римского гражданства нередко было шагом на пути к разрыву со старой этнической общностью. Статус римского гражданина нес для жителя провинций немалые перспективы. При этом, по наблюдению О.В. Кудрявцева, распространение римского гражданства в значительной степени способствовало укреплению связей между римским центром и провинциями. Распространение гражданства способствовало романизации и по той причине, что оно открывало провинциальной знати путь к всадническому или сенаторскому сословию. Однако со временем римское гражданство стало явлением нивелированным, то есть римских граждан стало так много, что само гражданство уже не влекло за собой каких-либо особых прав. Комментируя такую эволюцию римского права, О.В. Кудрявцев писал, что «римское гражданство и право перестали быть тем, чем они были во времена полиса Рима и Латинского Союза, а превратилось в привилегии все шире приобретаемые населением»⁶⁶.

Рассмотренные выше особенности процесса романизации, как правило, описывают и характеризуют романизацию в социально-экономических и политических категориях. При этом следует прини-

мать во внимание и то, что романизация вела к значительным культурным изменениям. Важнейшие изменения, вызванные романизацией, в среде культурных перемен – это изменения языковые, связанные с вытеснением местных языков, которые уступали свои позиции латыни.

Романизация, как отмечено, вела к вытеснению местных языков и их замене латынью. Однако этот общий для романизации процесс проходил по-разному. Скорее всего можно выделить два типа языковой романизации местного населения – тип А и тип В. Тип А представляет собой романизацию родственных латыни языков италиков, населения Апеннинского полуострова. «Среди италиков стал довольно быстро распространяться латинский язык. Им нетрудно было его усвоить по нескольким причинам, так как их собственные языки грамматически и лексически были близки латинскому»⁶⁷, – так характеризует ситуацию Н.А. Красновская.

Г. Моль описывал данный процесс несколько иначе, отмечая, что «первое проникновение Рима и латинского языка на италийские территории начинается почти с VI века до н.э. но только позже, во II веке, после Ганнибала Рим начинает колонизировать и латинизировать Европу, создавая в ней римские земли. Таким образом, латинский язык в Италии развивается, преобразуется и изменяется в течении трех-четырех столетий, прежде чем проникнуть в другие районы Европы. В этом случае нельзя не признать, что народная латынь стала естественным изменением латинского языка в устах фалисков, умбров или марсов. Это результат своего рода компромисса между *sermo rusticus* Лация и народными диалектами, которые были так близки к нему по своим формам и по словарю»⁶⁸.

Что касается типа В, то он связан с романизацией нероманских языков, что вело к возникновению в латыни диалектных особенностей. Отличительная черта романизации нероманских языков состоит в том, что в данном направлении Рим достиг немалых успехов, лишь в ряде случаев не был не в состоянии поглотить несколько языков. В связи с этим совершенно правильно замечание французского историка Ш.-А. Жюльена, согласно которому «Рим не знал расовой и религиозной ненависти, но по политическим соображениям не допускал много языков кроме латинского»⁶⁹.

Рассматривая процесс романизации, следует принимать во внимание и то, что она несла изменения не только новым территориям, но и культурным феноменам общеримского значения, например латыни. Подчинив огромные территории, распространив на них латынь как язык не только администрации, но и ежедневного общения Рим, не

желая того, привел к началу процесса формирования отличных друг от друга диалектов. Их различия стимулировались и тем, что латынь воспринимала разные элементы местных доримских языков. М. Н. Новиков начало формирования диалектов латыни датирует I – II веками⁷⁰.

Пример такого постепенного дробления латыни - провинция Дакия. Гето-дакийские крестьяне воспринимали латынь не сразу, а постепенно, в ходе контактов с городским населением. В результате они все-таки переняли латынь и начали говорить на ней, забыв свой собственный язык, который в сельской местности еще сохранялся. Постепенно он вытесняется и оттуда, уступая место латыни. Начав говорить на латыни, дакийские крестьяне постепенно перестают быть даками – они дают детям латинские имена, которые постепенно вытесняют дакийские, максимально распространенным языком становится латынь. В Дакии, как и других провинциях, широкое распространение получила народная латынь, которая грамматически была романским языком, но лексически содержала значительные дороманские элементы. Именно в этом и в смешении римлян с местным населением, вероятно, следует искать истоки формирования современных романских наций.

М.К.

---

¹ См.: Одобеску А. Избранное / А. Одобеску. - М., 1984. - С. 70, 78, 192.

² Sadoveanu M. Mărturisiri / M. Sadoveanu. - București, 1960; Sadoveanu M. Drumuri Basarabene / M. Sadoveanu. - București, 1992; Călinescu G. Istoria literaturii române / G. Călinescu. - București, 1941.

³ Стати В. История Молдовы / В. Стати. - Кишинев, 2003. - С. 16 - 17.

⁴ Трифонов Ю. Плевен в трако-римско и старобългарско време / Ю. Трифонов // Известия на Българското археологическо дружество. - 1934. - С. 3 – 44.

⁵ Anamali S. Te dhana mbi elementin ilir ne qytetet antike Epidamn dhe Apolloni / S. Anamali // Buletin për sçkencat shogëre – Buletin i Universitetit Shtetëror të Tiranës. - 1956. - No 1; Anamali S., Korkuti M. Les Illyriens et la genese des Albanais / S. Anamali, M. Korkuti // Les Illziens et la genese des Albanais. - Tirana. 1971; Ceka H. Zbulimi i një qyteti antik ilir në rrethin e Tiranës / H. Ceka // Buletin për sçkencat shogëre – Buletin i Universitetit Shtetëror të Tiranës. - 1951. - No 1; Ceka H. Elementi ilir ne qytetet Dirrachium dhe Apollinia / H. Ceka // Buletin për sçkencat shogëre – Buletin i Universitetit Shtetëror të Tiranës. - 1951. - No 3 - 4; Ceka H. Ekspeditë arkeologjike në rrethin e Tepelënes / H. Ceka // Buletin për sçkencat shogëre – Buletin i Universitetit Shtetëror të Tiranës. - 1952. - No 1; Ceka H. Monetat e lashta të Dyrhachiniot dhe të Apollonisë dhe të dhanat e tyre mbi gjendjen ekonomike dhe historinë e ilirëve te vendit tëne / H. Ceka // Buletin për sçkencat shogëre – Buletin i Universitetit Shtetëror të Tiranës. - 1955. - No 3.

⁶ Aricescu A. Armata în Dobrogea română / A. Aricescu. - București, 1977; Vulpe R. Columna lui Traian. Monumental etnogenezei rumânilor / R. Vulpe. - București, 1988; Daicoviciu C. Romanizarea Daciei / C. Daicoviciu // Apulum. - Vol. VII. - No 1; Daicoviciu C. La Transylvanie dans l'antiquitate / C. Daicoviciu. - Bucarest, 1945; Daicoviciu C. Dacica / C. Daicoviciu. - București, 1969; Iorga N. Histoire des Roumanins et de la romanite orientale / N. Iorga. - Bucarest, 1937; Ionișă I. Din istoria și civilizația dacilor liberi / I. Ionișă. - Iași, 1982; Xenopol A.D. Istoria Românilor din Dacia Traiană / A.D. Xenopol. - București, 1912; Marcea M. Viața economică în

Dobrogea Romană / M. Marcea. - București, 1977; Istoria României / red. M. Roller. - București, 1948; Pârvan V. Dacia. An outline of the early civilizations of the carpatho-dunabian countries / V. Pârvan. - Camb., 1928; Pârvan V. Getica / V. Pârvan // Academia Română. - Ser. 2. - Vol. 3. - 1926; Istoria României. - București, 1968; Christescu V. Istoria militară a Daciei romane / V. Christescu. - București, 1937.

⁷ Смирнов Г. Заселение романизированными племенами Пруто-Днестровского междуречья в свете археологических материалов / Г. Смирнов // Материалы и исследования по археологии Юго-запада СССР и РНР. Кишинев. 1960; Сенкевич В.М. К вопросу о происхождении молдавской народности / В.М. Сенкевич // Ученые записки Кишиневского государственного университета. 1953. Т.6; Рикман Э.А. Этническая история Поднепровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры / Э.А. Рикман. - М., 1975; Рикман Э.А. О романизации населения Карпато-Дунайских областей в первой половине I тысячелетия н.э. / Э.А. Рикман // Карпатский сборник. - М. - 1976; Рикман Э.А. Некоторые вопросы романизации левобережья Нижнего Дуная в первой половине I тыс. н.э. / Э.А. Рикман // Славяно-волошские связи. - Кишинев, 1978; Федоров Г.Б., Полевой Л.Л. Римляне в Карпато-Дунайских землях и культура местного населения / Г.Б. Федоров, Л.Л. Полевой // Славяно-молдавские связи в ранние этапы этнической истории молдаван / ред. В.С. Зеленчук. - Кишинев, 1983. - С. 5 - 20; Полевой Л.Л. Формирование основных гипотез происхождения восточно-романских народностей карпато-Дунайских земель (феодалная и буржуазная историография XVII - первой половины XIX века) / Л.Л. Полевой // Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев. 1972; Мохов Н.А. Формирование молдавского народа и образование молдавского государства / Н.А. Мохов. - Кишинев, 1969; Мохов Н.А. Очерки истории формирования молдавского народа / Н.А. Мохов. - Кишинев, 1978; Бырня П.П., Рафалович И.А. Проблемы этнической истории Днестровско-Карпатских земель конце I - начале II тысячелетия / П.П. Бырня, И.А. Рафалович // Славяно-молдавские связи в ранние этапы этнической истории молдаван / ред. В.С. Зеленчук. - Кишинев, 1983. - С. 79 - 98; Чаплыгина Н.А. Ареал романизации и проблема античного населения в истории Молдавии / Н.А. Чаплыгина // Молдавский феодализм. Общее и особенное. - Кишинев. - 1991.

⁸ См.: Моммзен Т. История Рима / Т. Моммзен. - Т. 4. РнД. - М., 1997; Patsch G. Der Kampf um den Donauraum unter Domitian und Trojan / G. Patsch. - Wien, 1937; Marquardt I. Römische Staatsverwaltung / I. Marquardt. - Leipzig, 1881; Pick B. Die antiken Munzen von Dacien und Moesien / B. Pick. - Berlin, 1898; Jung J. Römer und Romanen in den Donauländern / J. Jung. - Innsbruck, 1877.

⁹ Alcock S.E. Graecia Capta: the Landscape of Roman Greece / S.E. Alcock. - Camb., 1993; Barrett J.C. Romanization: a critical comment / J.C. Barrett // Dialogues in Roman Imperialism. - Portsmouth, 1997. - P. 51 - 64; Freeman P.W. Romanisation and Roman Material Culture / P.W. Freeman // Journal of Roman Archeology. - 1993. - No 6. - P. 438 - 445; Weber J. The Cults of Dacia / J. Weber. - California, 1929; Cunliff B., Rowley T. Oppida: the Beginnings of Urbanisation in Barbarian Europe / B. Cunliff, T. Rowley. - Oxford, 1976; Millet M. The Romanisation of Britain / M. Millet. - Camb., 1990; Jones A.H. The cities of eastern Roman provinces / A.H. Jones. - Oxford, 1937; Haverfield F. The Romanisation of Roman Britain / F. Haverfield. - L., 1923; *ibid.*: Roman occupation of Britain. - L., 1924; Collingwood R.G. Roman Britain / R.G. Collingwood. - L., 1923.

¹⁰ Федоров Г.Б., Полевой Л.Л. Римляне в Карпато-Дунайских землях и культура местного населения / Г.Б. Федоров, Л.Л. Полевой // Славяно-молдавские связи в ранние этапы этнической истории молдаван / ред. В.С. Зеленчук. - Кишинев, 1983. - С. 5.

¹¹ Шультен А. Колонизация в Риме / А. Шультен // Очерки из экономической и социальной истории древнего мира и средних веков. - СПб., 1899.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 21. - С. 146 - 147.

¹³ Ранович А. Восточные провинции Римской Империи в I - III веках / А. Ранович. - М., 1949; Златковская Т.Д. Мезия в I - II веках нашей эры / Т.Д. Златковская. - М., 1951; Дмитриев А.Д. Падение Дакии / А.Д. Дмитриев // ВДИ. - 1949. - № 1; Штаерман Е.М. Этнический и социальный состав римского войска на Дунае / Е.М. Штаерман // ВДИ. - 1946. - № 3; Кругликова И.Т. К вопросу о романизации Дакии / И.Т. Кругликова // ВДИ. - 1947. - № 3; *её же*: Дакия в эпоху

римской оккупации. - М., 1955; Кудрявцев О.В. Эллинические провинции Балканского полуострова во II веке нашей эры / О.В. Кудрявцев. - М., 1954; Кудрявцев О.В. Провинции балкано-дунайского комплекса / О.В. Кудрявцев // Кудрявцев О.В. Исследования по истории балкано-дунайских областей в период Римской Империи и статьи по общим проблемам древней истории / О.В. Кудрявцев. - М., 1957. - С. 147 – 161; его же: Дунайская граница // Там же. - С. 162 – 176; его же: Проблема периодизации истории рабовладельческого общества // Там же. - С. 257 – 308; его же: Основные закономерности исторического развития провинций Римской империи // Там же. - С. 309 – 360; Колосовская Ю.К. Завоевание Паннонии Римом / Ю.К. Колосовская // ВДИ. - 1961. - № 1; ее же: Паннония в I – III веках нашей эры. - М., 1973; Малеваный А.М. К вопросу об образовании провинции Иллирик / А.М. Малеваный // ВДИ. - 1975. - № 1. - С. 138 – 144; его же: Иллирийские походы Октавиана в 35 – 33 гг. до н.э. // ВДИ. - 1977. - № 2. - С. 129 – 142; его же: К вопросу о римской колонизации в Иллирии // Норция. - Вып.2. - 1978. - С. 97 – 104; Малеваный А.М. Римская колонизация и социально-экономические отношения в провинции Иллирик / А.М. Малеваный // Античный мир и археология. - Вып. 8. - 1990; его же: История иллирийцев и римской провинции Иллирик. - [б.м.], 1997.

¹⁴ Ранович А. Восточные провинции Римской Империи в I – III веках. - С. 38, 41, 259.

¹⁵ Кудрявцев О.В. Проблема периодизации... - С. 292; Кудрявцев О.В. Провинции... - С. 160 – 162.

¹⁶ См.: Шишмарев В.Ф. Избранные статьи. История итальянской культуры и итальянского языка / В.Ф. Шишмарев. - Л., 1972. - С. 7.

¹⁷ Чаплыгина Н.А. Римляне на Дунае. - С. 76.

¹⁸ Turner D.R. Ruminations on Romanisation in the East or, the Metanarrative in History / D.R. Turner // *Assemblage*. - Vol. 4.

¹⁹ История румын с древнейших времен до наших дней / ред. Д. Драгнев. - Кишинэу, 2003. - С. 22.

²⁰ Ожог И.А., Шаров И.М. История румын. Краткий курс лекций / И.А. Ожог, И.М. Шаров. - Кишинэу, 1997. - С. 30; История румын с древнейших времен до наших дней / ред. Д. Драгнев. - Кишинэу, 2003. - С. 21 – 23.

²¹ Моммзен Т. История Рима. Т. 4. - С.7.

²² Marsh F. Modern Problems in Ancient World / F. Marsh. - NY., 1943. - P. 4.

²³ Чаплыгина Н.А. Римляне на Дунае. - С. 18, 51.

²⁴ Кругликова И.Т. Дакия в эпоху римской оккупации. - С. 97.

²⁵ Моммзен Т. История Рима. Т. 4. - С. 87.

²⁶ Малеваный А.М. История иллирийцев... - С. 215.

²⁷ Кудрявцев О.В. Дунайская граница... - С. 176; Кудрявцев О.В. Основные закономерности... - С. 313 – 314.

²⁸ История румын с древнейших времен до наших дней / ред. Д. Драгнев. - Кишинэу, 2003. - С. 22, 25.

²⁹ Стати В. История Молдовы. - С. 19; Федоров Г.Б., Полевой Л.Л. Римляне в Карпато-Дунайских землях... - С. 5.

³⁰ Daicoviciu C. Problema continuității in Dacia / C. Daicoviciu // *Anaurul Institutului de studii clasice*. - Cluj, 1936 - 1940; Alfoldi A. Daci e Romani in Transilvania / A. Alfoldi. - Budapest, 1940; Russu I. Daco-geții în Dacia romană / I. Russu // *Contribuții la cunoașterea regiunii Hunedoara*. - Deva, 1956; Protase D. Problema continuității în Dacia / D. Protase. - București, 1966.

³¹ Стати В. История Молдовы. - С. 18 - 19.

³² Зелинский Ф.Ф. Римская республика / Ф.Ф. Зелинский. - СПб., 2002. - С. 71.

³³ Колосовская Ю.К. Паннония в I – III веках нашей эры. - С. 76, 90

³⁴ Стати В. История Молдовы. - С. 18.

³⁵ Малеваный А.М. История иллирийцев... - С. 210, 213, 215.

³⁶ Чаплыгина Н.А. Римляне на Дунае. - С. 78.

³⁷ Колосовская Ю.К. Паннония в I – III веках нашей эры. - С. 58.

-
- ³⁸ Красновская Н.А. Процессы формирования периферийных этносов в Италии / Н.А. Красновская // Романия и Барбария. К этнической истории народов зарубежной Европы. - М., 1989. - С. 56.
- ³⁹ Кругликова И.Т. Дакия в эпоху римской оккупации. - С. 97.
- ⁴⁰ Златковская Т.Д. Мёзия в I – II веках нашей эры. - С. 3, 42.
- ⁴¹ Колосовская Ю.К. Паннония в I – III веках нашей эры. - С. 58 – 62.
- ⁴² Ferrabino A. L'essenza del romanesimo / A. Ferrabino. - Roma, 1957. - P. 104.
- ⁴³ Кругликова И.Т. Дакия в эпоху римской оккупации. - С. 100.
- ⁴⁴ История румын с древнейших времен до наших дней / ред. Д. Драгнев. - Кишинэу, 2003. - С. 24.
- ⁴⁵ Зелинский Ф.Ф. Римская Империя / Ф.Ф. Зелинский. - СПб., 1999. - С. 82.
- ⁴⁶ Ростовцев М.И. Общество и хозяйство в Римской Империи. Т.1. - С. 197.
- ⁴⁷ Чаплыгина Н.А. Римляне на Дунае. - С. 82.
- ⁴⁸ Новиков М.Н. Ранние этапы этнической истории Швейцарии / М.Н. Новиков // Романия и Барбария. К этнической истории народов зарубежной Европы. - М., 1989. - С. 17.
- ⁴⁹ Ростовцев М.И. Общество и хозяйство в Римской Империи. Т.1. - С. 181.
- ⁵⁰ Колосовская Ю.К. Паннония в I – III веках нашей эры. - С. 86.
- ⁵¹ Ростовцев М.И. Общество и хозяйство в Римской Империи. Т.1. - С. 197.
- ⁵² Кругликова И.Т. Дакия в эпоху римской оккупации. - С. 103, 142.
- ⁵³ Колосовская Ю.К. Паннония в I – III веках нашей эры. - С. 92 – 93.
- ⁵⁴ Чаплыгина Н.А. Римляне на Дунае. - С. 83, 89.
- ⁵⁵ Колосовская Ю.К. Паннония в I – III веках нашей эры. - С. 142.
- ⁵⁶ Малеванный А.М. История иллирийцев... - С. 216.
- ⁵⁷ Будилович А. Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы / А. Будилович. - Варшава, 1894. - С. 35.
- ⁵⁸ Кругликова И.Т. Дакия в эпоху римской оккупации. - С. 103.
- ⁵⁹ Ростовцев М.И. Общество и хозяйство в Римской Империи. Т.1. - С. 198.
- ⁶⁰ Кудрявцев О.В. Основные закономерности... - С. 309 – 310.
- ⁶¹ Мохов Н.А. Формирование молдавского народа и образование молдавского государства / Н.А. Мохов. - Кишинев, 1969. - С. 11.
- ⁶² Кудрявцев О.В. Основные закономерности... - С. 309.
- ⁶³ Кудрявцев О.В. Провинции... - С. 154.
- ⁶⁴ Ранович А. Восточные провинции Римской Империи в I – III веках. - С. 42.
- ⁶⁵ Кудрявцев О.В. Проблема периодизации... - С. 292.
- ⁶⁶ Кудрявцев О.В. Основные закономерности... - С. 311, 324.
- ⁶⁷ Красновская Н.А. Процессы формирования... - С. 49.
- ⁶⁸ Mohl G. Introduction a la chronologie du latin vulgaire / G. Mohl. - Paris, 1899. - P. 16 – 17.
- ⁶⁹ Жюльен Ш.-А. История Северной Африки. Тунис – Алжир – Марокко. С древнейших времен до арабского завоевания / Ш.-А. Жюльен. - М., 1961. - С. 231.
- ⁷⁰ Новиков М.Н. Ранние этапы этнической истории Швейцарии. - С. 17.

КРАХ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В СОМАЛИ: *причины и последствия*

В данной статье изучен процесс распада сомалийского государства и общегражданской идентичности. Рассмотрены причины возрождения основ традиционной этнической идентичности (кланов, племен, религиозных общин) и их роль в ходе постконфликтного урегулирования.

У даній статті вивчений процес розпаду держави і загальногромадянської ідентичності Сомалі і. Розглянуті причини відродження основ традиційної етнічної ідентичності (кланів, племен, релігійних спільнот) і їх роль в ході постконфліктного врегулювання.

In this article is the clash of the state in Somalia and civilian identity under consideration. Author is also argue, that the restoration of basic components of ethnic identity (clans, tribes, religious commons) can play positive role during the post-conflict settlement.

Ключевые слова: Сомали, коррупция, дезинтеграция, насилие, клан

Ключові слова: Сомалі, корупція, дезинтеграція, насильство, клан

Key words: Somalia, corruption, disintegration, violence, clan

Более 20 лет, начиная с 1991 года, территория, на протяжении 30 предшествовавших лет известная как республика Сомали находится в состоянии перманентного политического кризиса, усугубляемого фактическим распадом государства на несколько частей, наличием внутренних вооруженных конфликтов и социально-гуманитарной катастрофой. Сегодня территория Африканского рога управляется Переходным федеральным правительством на юге, самопровозглашенной Республикой Сомалиленд на северо-западе и Государством Пунтленд на северо-востоке. Среди важнейших последствий распада государства в Сомали необходимо упомянуть следующие:

1. Гибель десятков тысяч человек в результате гражданской войны и бегство сотен тысяч из мест своего постоянного проживания, в том числе, в сопредельные страны (чаще всего – в Кению);
2. Исчезновения и похищения мирных граждан, в том числе, занимающихся правозащитной и благотворительной деятельностью;
3. Насилие в отношении женщин и детей, совершаемое не только бандитами, но и представителями силовых структур;
4. Распространение коррупции, в том числе, среди чиновников, военных и правоохранителей, делающее невозможным соблюдение законов;

5. Многочисленные нарушения прав и свобод человека, в том числе информационных и религиозных.

Причиной тому послужила начавшаяся борьба за власть после смерти Зияда Барре, бывшего президентом страны до 1991 года. Смерть диктатора породила паралич государства, неспособность справиться с массовым голодом. Из 6 миллионного населения Сомали (на начало 90-х гг.) около 300 тыс. умерло от голода и более 600 тыс. находилось под угрозой смерти от последствий засухи и анархии. Это вынудило ООН развернуть в стране гуманитарную миссию, охрана которой осуществлялась американским контингентом. Начавшиеся нападения на миротворцев вынудили президента США Дж.Буша – старшего сначала сократить численность американского контингента впятеро, а затем вообще вывести войска¹.

Почти на десятилетие страна была предоставлена самой себе. За прошедшие годы государство распалось: помимо общепризнанной республики Сомали (в виде Переходного федерального правительства), появились непризнанное государство Сомалиленд и полуавтономный регион Пунтленд. Лишь в 2002 году усилиями международного сообщества и сомалийских властей удалось созвать Общенациональную конференцию по примирению в Сомали в городе Эльдорет, Кения. Хотя не все лидеры приняли в ней участие (власти Сомалиленда, ссылаясь на результаты референдума 1991 года, на котором 97% высказались за независимость, проигнорировали конференцию), собрание состояло из более 400 делегатов от разных кланов и территорий, представляя военных и политических лидеров широкого спектра.

Это важное событие можно рассматривать отправной точкой мирного урегулирования, поскольку делегаты конференции в 2004 году сформировали Переходную федеральную ассамблею, в которую вошли 275 делегатов. В октябре она избрала Переходным федеральным президентом Абдуллаха Юсуфа Ахмеда, бывшего президента Пунтленда (при этом Пунтленд возглавил вице-президент Мохаммед Абди Хаши). В сформированное Юсуфом и премьер-министром Али Мохаммедом Геди правительство в январе 2005 г. вошли 89 человек, представлявших на паритетной основе интересы большинства кланов страны, что позволило укрепить межрегиональное сотрудничество и приступить к выработке единой стратегии выхода из кризиса.

Хартия Пунтленда предусматривает однопалатный квазипарламент, известный как Совет Старейшин. Именно он избирает президента и вице-президента, играя в остальных вопросах консультативную роль, а деятельность политических партий запрещена. В Сомалиленде действует бикамеральный парламент с пропорциональным представи-

тельством кланов. Неустойчивость политических институтов во всех частях Сомали порождает частые государственные перевороты и отставки главных должностных лиц².

Основной проблемой, с которой столкнулись федералы, была коррупция и отсутствие прямого доступа к официальной информации, особенно касающейся распределения финансовой и гуманитарной помощи стран Запада. Даже введение в некоторых районах упрощенного судопроизводства (по образцу военно-полевых судов) не изменило положения к лучшему. Эта ситуация усугублялась эклектичным характером правовой системы, сочетающей в себе в разных частях страны нормы традиционного права, шариата и докризисного уголовного кодекса. По этой причине преследование преступников не всегда возможно.

С другой стороны, большинство населения Сомали неграмотно: лишь 28% детей посещают школы (включая религиозные), а доля грамотных в населении не превышает четверти. Наиболее сложная ситуация в коранических школах и медресе, в которых учатся более 100.000 детей. Большинство преподавателей в них прибывают из-за рубежа и привносят радикальные взгляды³. И хотя ситуация начала выправляться (в середине 2000-х гг. в школы ходило 22% детей), она еще далека от идеальной. Положение осложняется отсутствием квалифицированных педагогических кадров, а также половой, языковой и религиозной дискриминацией. Исповедание отличных от ислама практик часто влечет за собой притеснение со стороны местных властей, а попытки перехода в иную веру караются смертью. Свободный доступ к образованию получают в первую очередь, мужчины-мусульмане, знающие арабский язык, хотя различные расовые, этнические и религиозные меньшинства составляют 22% населения⁴.

Серьезные трудности возникают и при получении ежедневной информации – в Сомали выходит лишь несколько оппозиционных ежедневных газет (включая две – на английском языке), вещают три радио и одна телевизионная станция (в Могадишо). Значительная часть СМИ находятся под контролем правительства или полевых командиров, а интернет подвергается жесткой цензуре. Независимые журналисты испытывают давление со стороны экстремистов из Аль-Шабаб. По сути, получение независимой информации для большинства населения возможно только с помощью ВВС, которая ведет ежедневные передачи на суахили. На этом основании Freedom House каждый год относит Сомали к «несвободным»⁵. Таким образом, вопрос об образовании и свободе информации является ключевым в деле выстраивания общегражданской идентичности.

Второй проблемой является массовое насилие, направленное против министров Переходного федерального правительства и чиновников на местах. Тот факт, что госслужащие часто становятся жертвами терактов и разбойных нападений, крайне отрицательно сказывается на проведении реформ в стране, особенно в сфере исполнения наказаний и государственного управления. Так, на премьер-министра было совершено три покушения за первые 5 месяцев 2007 года, а в октябре был убит бывший глава Национальной секретной службы генерал Ахмед Джилиу. Не расследуются не только эти резонансные покушения, но и инциденты в ходе межклановых конфликтов на местах.

Порой введенные центральной властью декреты реализуются спустя годы или вовсе не исполняются. Снижению насилия не способствовало обращение Переходного федерального правительства за помощью к Эфиопии. Ведение в 2006 году регулярной армии соседней христианской страны для помощи в борьбе с так называемым «Союзом исламских судов» только обострило ситуацию. Большая часть Сомали стала просто непроходимой из-за различных блокпостов и армейских лагерей. К счастью, позднее, в 2009 году, несколько парламентариев и отколовшиеся от «Союза...» умеренные элементы на конференции в Асмаре (Эфиопия) сформировали Альянс за освобождение Сомали, что способствовало прекращению огня, а позднее – выводу эфиопских войск и стабилизации военно-политического положения в стране.

Тесно связана с данной проблемой и ситуация с насилием в детской и подростковой среде. Из 6,8 млн. чел. населения около 400 тыс., в основном, женщины и дети, являются внутренне перемещенными лицами, годами проживая в лагерях беженцев. Дети-сироты и беспризорники часто вовлекаются в совершение терактов, бандитских нападений и иных противоправных действий большинством кланов. Тем самым искусственно поддерживается «психология войны» в умах подрастающего поколения, что затрудняет урегулирование. К тому же, дети не подсудны, и большинство подобных преступлений остаются безнаказанными.

Чаще всего подобно тактикой пользуются экстремисты из организации Аль-Шабаб, совершающие покушения на членов региональных администраций и военнослужащих. Малолетние террористы, ищущие пропитания, попросту покупаются. Например, бросок гранаты или другого взрывчатого вещества обходится в 20 долл. США. К слову, добровольно-принудительный наем детей и подростков в воензированные формирования время от времени производится всеми тремя «государствами», притом, что система регистрации рождений в

Сомали не работает и установить подлинный возраст комбатантов для наблюдателей обычно не удается⁶.

В последние годы Сомали стала транзитной территорией для похитителей людей с целью продажи их для принудительных работ (в основном, в страны Европы и Персидского залива), на чем наживается международная мафия и полевые командиры. Часто их жертвами становятся дети. Большинство исчезновений происходит на юге страны, особенно в Кисмайо. Слабое и коррумпированное сомалийское государство не может противостоять этой угрозе. Даже в самом Сомали по данным ЮНИСЕФ, в начале 2000-х годов работало от 29 до 36% детей в возрасте от 5 до 14 лет. Но еще сложнее обстановка с пиратством, которое «питает» разнообразный трафик (человеческий, наркотический, оружейный) за счет получения выкупов с заложников и захваченных судов.

Только между январем и октябрём 2007 было совершено 8 успешных нападений, а в 2008 году - уже более 40. В основном, это были нападения на корабли, зафрахтованные Всемирной продовольственной организацией для гуманитарных целей и танкеры и контейнеровозы. Это вынудило мировое сообщество организовать патрулирование территориальных вод Сомали. Вследствие этого, число пиратских нападений с 2009 резко сократилось, но не сошло на нет – для этого необходимо разрушить наземную инфраструктуру и базы пиратов, что без помощи возрожденного национального государства в Сомали невозможно⁷.

Понимая невозможность односторонних действий, западные страны были вынуждены пересмотреть свою стратегию по отношению к региону. Под эгидой США в 2007 г. было создано Объединенное командование вооруженных сил в Африке (АФРИКОМ), чья задача состоит в обеспечении региональной безопасности и разрешении кризисов. АФРИКОМ разработало ряд обучающих программ, результатом которых стала подготовка 100.000 миротворцев, что привело к усилению участия африканских государств в миротворческих операциях на континенте. Это не замедлило сказаться на Сомали – вместо американцев там теперь эфиопы и кенийцы.

Это позволило значительно улучшить ситуацию с мореходством у Африканского рога, и сомнительное лидерство по критерию «опасность судоходства» теперь перешло к побережью Нигерии⁸. Другим важным приоритетом для Запада стало продвижение демократических систем и практик на континенте. Логика проста – стабильные демократии (в отличие от авторитарных режимов) будут не только надеж-

ными союзниками, но и гарантируют безопасность судоходства и экспорта ресурсов, так как «демократии не воюют друг с другом».

Мы можем констатировать, что изначальные усилия международного сообщества, направленные на улучшение ситуации в Сомали, особенно попытки интервенций (со стороны США и Эфиопии) не принесли желаемого результата. Напротив, мирное урегулирование, начавшееся в середине 2000-х годов, основано на равноправном диалоге и уже позволило решить две важные задачи – остановить исламизацию страны и снизить остроту пиратства. Более активное участие в миротворческом процессе АС, ОАЕ и ООН способствует постепенной нормализации положения в стране, о чем свидетельствуют проведенные парламентские и президентские выборы.

Тем не менее, целый ряд проблем (работоторговля, нелегитимное насилие, ограничения в доступе к СМИ и др.) требует не только политического, но и социокультурного решения. Это означает, что окончательное урегулирование кризиса в Сомали возможно только с учетом мнений всех сторон процесса.

---

¹ Significant Incidents of Political Violence Against Americans: 1993 / *Andrew Corsun ed.*, U.S. Department of State, Office of Intelligence and Threat Analysis, Bureau of Diplomatic Security (DS/BSS/ITA), Washington, D.C., 1994 – P.13.

² Bureau of Democracy, Human Rights, and Labor Year Report, Washington, D.C., March 8, 2006. – P.10-11.

³ Bureau of Democracy, Human Rights, and Labor Year Report, Washington, D.C., March 11, 2007. – P.16.

⁴ *Ibid.*, P.20.

⁵ Freedom House World Report-2007.

⁶ Bureau of Democracy, Human Rights, and Labor Year Report, Washington, D.C., March 11, 2007. – P.18.

⁷ Contact Group on Piracy of the Coast of Somalia (CGPCS) Statement / U.S. Department of State, Bureau of Political-Military Affairs, Washington, D.C., January 14, 2009.

⁸ Carter Ph. U.S. Policy in Africa in the 21st Century / Bureau of African Affairs, The Africa Center for Strategic Studies Washington, DC, February 9, 2009. – P.3.

Д.С. Попов
Л.Е. Петрова

МИГРАЦИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ДИСТАНЦИЯ ОТ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП В ОЦЕНКАХ УРАЛЬСКИХ ШКОЛЬНИКОВ И РОДИТЕЛЕЙ

Статья представляет собой краткий обзор результатов эмпирического исследования социальной дистанции к различным этническим группам, проведенного в 2009-2010 гг. в рамках количественной стратегии. Место проведения опроса – Россия, Свердловская область. Рассматривается отношение к ключевым этническим группам региона в разрезе поколений детей и родителей, анализируется личный миграционный опыт респондентов, возраст школьников рассматривается как дифференцирующий признак.

Ключевые слова: Россия, регионы, национальные группы, миграции, поколения

Стаття є коротким оглядом результатів емпіричного дослідження соціальної дистанції до різних етнічних груп, проведеного в 2009-2010 рр. в рамках кількісної стратегії. Місце проведення опиту – Росія, Свердловська область. Розглядається відношення до ключових етнічних груп регіону в розрізі поколінь дітей і батьків, аналізується особистий міграційний досвід респондентів, вік школярів розглядається як диференціююча ознака.

Ключові слова: Росія, регіони, національні групи, міграції, покоління

The article presents an overview of the results of an empirical study conducted in 2009-2010 of social distance between various ethnic groups. The quantitative strategies were used for this study. The place of survey: Russia, Sverdlovsk oblast'. The authors analyze the relation to the key ethnic groups of the region in the context of children and parents generations. The respondents' personal experience of migration, age of students as differentiating feature is also analyzed in the article.

Keywords: Russia, regions, national groups, migrations, generations

Обоснование исследовательского подхода. Эффективное взаимодействие между мигрантами и местным сообществом возможно, в том числе с управленческой точки зрения, если фиксируются установки на близкую социальную дистанцию. Особенно важно изучать социальную дистанцию у школьников, имеющих относительно небольшой, но современный опыт формирования установок по отношению к мигрантам. Екатеринбург отличает не только высокий уровень миграции (в основном доноры – страны Азии), но и немалая доля детей-мигрантов в образовательных учреждениях. Это создает особые условия для планирования, реализации и анализа политики в отношении взаимодействия детей-мигрантов и детей из местного сообщества. В формировании установок на взаимодействие большую роль играют и родители. Однако в настоящее время в отечественной социологии

практически отсутствуют исследования, посвященные характеристике взаимодействия детей-мигрантов и детей из местного сообщества. А ведь сегодняшние школьники – это те, кому предстоит пережить во взрослой жизни пик демографических проблем в России, а значит – жить в условиях усиления потоков миграции. Именно решению этой задачи было посвящен анкетный опрос школьников и их родителей, проведенный в 2009-2010 гг. в Свердловской области.

Опрос проведен с применением шкалы Богардуса. Понятие *социальной дистанции*, которое ввел американский социолог Э.Богардус в начале XX в., характеризует близость (отчужденность) социальных или этнических общностей, групп, отдельных людей. С помощью шкалы социальной дистанции оценивается степень социально-психологического принятия людьми друг друга, поэтому ее часто называют шкалой социальной приемлемости. Она используется для измерения дистанции, связанной с расовой или национальной принадлежностью, возрастом, полом, профессией, религией, для измерения дистанции между детьми и родителями. Шкала социальной дистанции показывает степень психологической близости людей, способствующей легкости их взаимодействия. В нашем исследовании шкала Богардуса использована для оценки социальной дистанции между представителями различных этнических групп.

Респонденту предлагалось отметить свое отношение к той или иной этнической группе через серию дихотомических вопросов, оценив свое согласие или несогласие с предложенной формулировкой. Инструментарий – анкета – незначительно отличается по формулировке у школьников и их родителей, что связано с необходимостью содержательно отразить сферы приватности взаимодействия местного сообщества и мигрантов. Вот перечень вопросов в порядке увеличения степени приватности:

1. «Согласен жить в одном городе, поселке с...»
2. «Согласен жить в одном доме, подъезде с...»
3. «Согласен вместе работать с...» – для родителей, «учиться в одной школе с...» – для школьников
4. «Согласен чтобы мой ребенок учился в одной школе, классе с...» – для родителей, «учиться в одном классе с...» – для школьников
5. «Согласен чтобы мой ребенок дружил с...» – для родителей, «сидеть за одной партой с...» – для школьников
6. «Согласен чтобы мой ребенок вступил в брак с...» – для родителей, «дружить с...» – для школьников.

Принципиальным для формулирования исследовательской стратегии был выбор групп **оценивания**. Нам предстояло сформировать для респондентов список этнических групп а) реальный для оценки; б) отражающий миграционную ситуацию в Екатеринбурге и Свердловской области; в) отражающий не только этническое разнообразие взаимодействия, но и установки на цивилизационные, культурные различия. В результате был предложен следующий набор: азербайджанцы (группа традиционной, еще советской, миграции на Урал), русские (своего рода контрольная группа оценки, доминирующая этническая группа на Урале), киргизы (крупный поток миграции в Екатеринбург и область и наличие расовых различий), татары (традиционная иная этническая группа на Урале и принадлежность к иной, по сравнению с русским большинством в области, религиозной конфессии), молдаване (слабый миграционный поток, но стереотип отнесения к европейской культуре), таджики (самый сильный миграционный поток, опыт повседневного взаимодействия, сформированный образ этнической группы). Следует сказать, что не только в профессиональном сообществе, но и среди респондентов такой набор оценивания был подвергнут критике. Так, один из респондентов-родителей обвинил исследователей в «расизме, разжигании розни», обратился к директору школы с требованием прекратить опрос. Уже заполненные анкеты были изъяты, уничтожены. И это – не единственный случай сензитивного восприятия темы исследования.

Описание массива данных. Население Свердловской области составляет 4,4 млн. чел., из которых 1,4 млн. чел., (31%) проживают в г. Екатеринбурге. Наиболее распространенными на территории Свердловской области этническими группами являются: русские (89,2%), татары (3,8%) и украинцы (1,2%)*. В проведенном нами исследовании этническая дифференциация опрошенных представлена аналогичным образом: русские – 89,9%, татары – 3,0%, украинцы – 1,5%. Следует отметить, что данное распределение этнического состава соответствует генеральной совокупности жителей Свердловской области, а незначительные отличия не превышают ошибку репрезентативности, что позволяет экстраполировать данные исследования на область в целом в возрастной группе от 30 до 48 лет. Очевидно, что доминирующая, в количественном аспекте, этническая группа – русские «продавливают» массив данных. С учетом социально-экономических характеристик Екатеринбурга и области полученные в исследовании данные могут репрезентировать мегаполис и область в РФ.

---

* Данные Всероссийской переписи населения 2002 года // <http://www.perepis2002.ru/>

Из 1342 опрошенных нами респондентов: 828 чел. – школьники, 514 чел. – родители. В опросе принимали участие школьники, обучающиеся в 6-11 классах, т.е. средний возраст опрошенных составил 14 – 15 лет. Соотношение опрошенных школьников по полу: 46% – девушки, 54% – юноши.

Среди опрошенных родителей 26% – мужчины, 74% – женщины. Данное смещение выборочной совокупности взрослых вызвано особенностью проведения опроса. Опрос проводился в школах Свердловской области – после заполнения анкеты школьниками им предлагалось передать родителям анкету и предложить ее заполнить. Известно, что, именно российским матерям приписаны обязанности по воспитанию и обучению детей. Несмотря на то, что мальчикам предлагалось передать анкету матери, а девочкам – отцу (чтобы избежать гендерной асимметрии), большинство респондентов-родителей – женщины. Также показательны методические трудности проведенного исследования – достигнутая выборка среди школьников оказалась равна 86% (можно предположить, что это – средняя посещаемость детей на уроках), среди родителей участие в опросе приняли только 54%. Естественно, это указывает на определенные ограничения в экстраполяции полученных данных: ответили на вопросы анкеты наиболее ответственные, дисциплинированные родители, а возможно – те, кто имеет особое отношение к исследуемой проблеме.

Опыт миграции у школьников и их родителей. В инструментарий исследования заложено несколько гипотез, указывающих на факторы формирования социальной дистанции от представителей других этнических групп. Наиболее интересным для нас представляется фактор миграции, на уровне личного опыта и опыта взаимодействия с потенциальными мигрантами, т.к. экстраполяция личного опыта может выступать одним из ключевых параметров для оценки той или иной этнической группы. Каждый шестой школьник, опрошенный в школах Екатеринбурга, не является коренным екатеринбуржцем, т.е. имеет опыт миграции из городов-сателлитов, населенных пунктов Свердловской области или из населенных пунктов за пределами Свердловской области.

В целом по Свердловской области около четверти опрошенных школьников отмечают опыт миграции различного уровня, т.к. место проведения опроса не совпадает с местом их рождения. В частности, около 12% школьников отметили, что их семьи мигрировали в Свердловскую область из других регионов.

Половина всех опрошенных школьников имеет опыт взаимодействия с выходцами из ближнего или дальнего зарубежья, т.к. учатся с

ними в одном классе или в одной школе, а около 6% опрошенных сами являются мигрантами из стран бывшего Советского Союза.

Очевидно, что более богатый опыт миграции, а соответственно и взаимодействия с другими этническими группами, присущ родителям школьников. Так среди опрошенных родителей коренными жителями являются только 53%, соответственно почти половина жителей Свердловской области имеют опыт миграции различного масштаба. Около 28% опрошенных родителей мигрировали в Свердловскую область из другого региона, а около трети из данных мигрантов (8,2% от всех опрошенных родителей) переехали в Свердловскую область из бывших советских республик.

Большинство родителей (75% опрошенных) имеют опыт взаимодействия с людьми, приехавшими в Россию из-за рубежа, наиболее распространенными видами такого опыта являются:

- совместная работа – 64% от имеющих опыт взаимодействия (половина всех опрошенных);
- проживание в одном доме или подъезде – 39% от имеющих опыт взаимодействия (третья часть всех опрошенных).

В качестве менее распространенных, но репрезентативных видов взаимодействия, отмечаются:

- наличие друга или близкого знакомого, приехавшего в Россию из-за рубежа и ситуативное общение в общественном месте или по роду деятельности – по 4% опрошенных;
- родственные связи с выходцами из-за рубежа (супруг(а) или его(ее) родственники) – 3% опрошенных;
- совместная учеба в школе, техникуме, институте, на повышении квалификации – 2% опрошенных.

Русские о самих себе. Как уже указано, большинство опрошенных относят себя к этнической группе русских, что детерминирует «продавливание» массива данных, выраженное в доминирующем мнении русских. Таким образом, отношение к этнической группе русские изначально более позитивно, чем к другим группам (см. табл. 1 и 2).

Поэтому 99% отмечают, что согласны жить с русскими в одном населенном пункте. При этом нетолерантные высказывания присущи жителям г. Екатеринбурга (здесь – 98%), а среди жителей населенных пунктов Свердловской области в 100% случаев согласны жить с русскими. Объяснение этого факта может лежать в области особенностей инфраструктуры мегаполиса. Население Екатеринбурга составляет около 1,5 млн. человек, таким образом, Екатеринбург является одним

из наиболее густонаселенных городов России, что создает трудности с транспортом, нехватку рабочих мест, а это служит поводом для негативного отношения к приезжающим людям, восприятие их как конкурентов в условиях мегаполиса.

Таблица 1. Социальная дистанция в ответах родителей

	Азербайджанцы	Русские	Киргизы	Татары	Молдоване	Таджики
Согласен жить в одном городе, поселке с	53,1%	99,2%	58,8%	78,0%	65,4%	51,4%
Согласен жить в одном доме, подъезде с	46,3%	98,8%	48,2%	72,8%	57,7%	39,7%
Согласен вместе работать	47,5%	98,6%	48,8%	71,8%	55,6%	43,4%
Согласен чтобы мой ребенок учился в одной школе, классе с	55,1%	99,2%	53,9%	76,5%	63,2%	47,9%
Согласен чтобы мой ребенок дружил с	47,3%	99,0%	48,1%	69,8%	57,2%	40,5%
Согласен чтобы мой ребенок вступил в брак с	16,2%	96,7%	17,5%	31,5%	28,4%	14,2%

Таблица 2. Социальная дистанция в ответах школьников

	Азербайджанцы	Русские	Киргизы	Татары	Молдаване	Таджики
Согласен жить в одном городе, поселке с	50,1%	99,05	45,3%	57,5%	56,5%	37,4%
Согласен жить в одном доме, подъезде с	38,0%	98,7%	35,7%	48,6%	47,9%	28,4%
Согласен учиться в одной школе	49,2%	98,7%	44,3%	54,0%	52,3%	35,1%
Согласен учиться в одном классе с	39,6%	99,0%	34,9%	46,9%	43,5%	26,3%
Согласен сидеть за одной партой	28,7%	97,8%	26,1%	38,8%	34,9%	20,4%
Согласен дружить с	36,2%	97,0%	31,2%	45,4%	39,9%	24,9%

Согласие на совместную работу высказывает большинство опрошенных, при этом вне зависимости от каких-либо факторов, кроме образования. Так, нежелание или сомнения относительно работы с русскими зафиксированы преимущественно среди людей с высшим образованием.

Опрошенные родители согласны, чтобы их дети учились в одной школе или дружили с русскими, и даже нюансов в различиях в зависимости от каких-либо социально-демографических параметров в этом мнении не наблюдается. Дети объективно учатся и, соответственно, дружат с русскими. Большинство опрошенных согласно и с

тем, что ребенок может вступить в брак с русским, что является вполне ожидаемым ответом в контексте вышеописанного.

В целом, следует отметить достаточно близкую социальную дистанцию этнической группы русских в меру, прежде всего, численного доминирования данной группы на территории Свердловской области. Среди опрошенных школьников социальная дистанция даже меньше, чем у родителей и в целом варьируется от 96% до 99% положительных ответов.

Социальная дистанция в контексте поколений. Общая картина социальной дистанции практически идентична у представителей различных поколений и может быть представлена в виде трех уровней:

1. Татары и молдаване. Данный уровень может быть характеризован как культурная близость. В частности, среди поколения взрослых отношение к татарам и молдаванам носит не только характер необходимой меры в условиях институциональной детерминированности, но и определенное культурное принятие данных этнических групп. Максимальная допустимая приватность в социальной дистанции, выраженная в согласии вступления ребенка в брак с представителем данной национальности, отмечается практически в 30% случаев. Данный феномен может быть объяснен тем, что татары являются одним из коренных этносов в Свердловской области, а молдаване воспринимаются как представители европейской культуры, что детерминирует более позитивное отношение к ним.
2. Киргизы и азербайджанцы. Это этнические группы, которые могут быть охарактеризованы как институционально приемлемые. С представителями данной национальности готовы мириться как с объективной данностью, на уровне совместной работы, проживания в одном городе или подъезде, но уровень культурного проникновения уже несколько ниже. Увеличение социальной дистанции связано с возрастающим уровнем национализма в стране, достаточно обостренным отношением к представителям народов Азии и Кавказа, вызванным потоком трудовых мигрантов.
3. Таджики. Самая дистанцированная этническая группа, вызывающая отторжение не только на приватном и культурном, но и на уровне структурных отношений. В частности, только половина опрошенных родителей согласна жить с представителями данной этнической группы в одном городе, среди школьников только треть опрошенных отметила такое согласие. Данный феномен можно объяснить двойным оборотом стереотипов: рос-

сияне стереотипно представляют себе таджиков как далекую в социокультурном значении группу, вследствие этого – не вступают с ними в близкие неформальные отношения, а далее – еще более усиливается стереотип обоснованной далекой дистанции. В меру большой социальной дистанции эта этническая группа является достаточно замкнутой и отторгаемой доминирующим этносом. Как показывают исследования этнической группы таджиков в Екатеринбурге, и местное сообщество, и сами трудовые мигранты зачастую стремятся к геттоизации – в качестве меры регулирования взаимоотношений между мигрантами и местным сообществом предлагают отселить гастарбайтеров в поселок недалеко от Екатеринбурга.

Социальная дистанция у детей и взрослых различна в зависимости от уровня приватности оцениваемого факта социального взаимодействия. Так, родители продемонстрировали, что социальная дистанция тем больше, чем менее «социальна» (более приватна) оцениваемая ситуация взаимодействия. Объективная ситуация взаимодействия (проживание в одном городе, совместная работа и т.д.) воспринимается как норма, но чем более личным является оцениваемый контакт, тем меньшая степень близости заявлена. Школьники оценивают иначе – в силу отсутствия богатого опыта взаимодействия с представителями других культур и национальностей в рамках институциональных практик, школьники экстраполируют опыт межличностного общения на оценку ситуации взаимодействия с другими этносами. Данная тенденция выражается в усредненных значениях как на ответы более, так и менее приватного характера. В частности на примере отношения к таджикам различия в оценках родителей, по мере увеличения приватности, составляют от 51% до 14% положительных ответов, тогда как у школьников это от 37% до 24%.

Следует отметить, что важным отличием школьников от родителей является более высокий уровень дистанцирования, который вызван, как отсутствием опыта взаимодействия с представителями изучаемых культур, так и возрастающими националистическими настроениями в современной России.

Еще одной отличительной чертой является престижность в глазах одноклассников. Именно поэтому субъективная готовность дружить с представителями другой культуры, национальности чаще воспринимается более положительно, чем вероятность сидеть с данными представителями за одной партой на уроках в школе. Учитывая уровень социальной дистанции к «другим», у школьников существуют опасения, что соседство по парте «другого» может послужить фактором

экслюзии школьника из общности или малой дружеской группы одноклассников.

Мигранты и оценка социальной дистанции. Как мы уже отмечали ранее, одним из ключевых факторов в оценке социальной дистанции к представителям различных этнических групп является субъективный опыт миграции. В частности, среди родителей такой опыт имеет практически половина опрошенных, а среди школьников – практически каждый четвертый.

Выше было отмечено, что татары и молдаване из всех предложенных для оценки этнических групп имеют самую маленькую социальную дистанцию по ответам участников исследования. И здесь главное – опыт повседневного взаимодействия (с группой татар) и восприятие другого этноса как комплементарного (молдаване воспринимаются как европейцы). Как показывают данные современных исследований в России, мигранты склонны позитивно оценивать перспективы взаимодействия с представителями своей религиозной конфессии, а далее уже – этноса. На примере оценки социальной дистанции с молдаванами можно сказать, что превалирует идентичность общецивилизационная, основанная на общей истории, религии, частоте контактов и пр. Естественно, что оценка молдаван как европейцев, установка на возможность близкой дистанции с европейцами – тоже явный когнитивный, а далее – поведенческий стереотип.

Оценки подростков в восприятии татар и молдаван практически неизменны в зависимости от опыта миграции, тогда как поколение родителей склонно более позитивно оценивать данные этнические группы, обладая опытом миграции (различия в 3-4% для группы татар и около 7% для группы молдаван).

Оценка групп азербайджанцев и киргизов занимает вторую по степени дистанцированности позицию. При этом стоит отметить, что киргизы более дистанцированы, т.к. обладают меньшим принятием на приватном уровне (в среднем на 4% у школьников и на 10% у родителей). Характерное отличие восприятия группы азербайджанцев школьниками – более очевидная зависимость от опыта миграции (на 6-8% больше положительных ответов, тогда как при оценке киргизов, школьники обладающие опытом миграции улучшают свою оценку на 2-4%).

Наиболее дистанцированной, можно сказать замкнутой, этнической группой по ответам участников исследования являются представители Таджикистана, что особенно проявляется в отношении к ним школьников – менее четверти опрошенных готовы принимать таджиков в приватном плане, а иметь институционально детерминирован-

ные отношения согласны только около трети респондентов. При этом родители высказывают более толерантное отношение к данной группе.

Совокупность опрошенных школьников представляется нам неоднородной, однако в нашем случае важна возможность сгруппировать респондентов по основанию принадлежности к среднему или старшему звену общеобразовательной школы. Так учащиеся 6-9-х классов отнесены нами к группе средней школы, а 10-11-х классов – к старшей школе. Принципиальная разница между этими группами заключается в возможных жизненных траекториях на ближайшее будущее, т.к. выпускник старшей школы однозначно покидает учебное заведение и сталкивается с выбором профессии, включая и выбор образования, и выбор места работы. А работа – это место потенциальной интенсификации взаимодействия с мигрантами.

Социальная дистанция по отношению к этнической группе татар достаточно серьезно различается в зависимости от звена школьного обучения. Старшеклассники более толерантны к татарам, чем школьники из среднего звена, в частности, приватный характер взаимодействий (дружба или учеба за одной партой) положительно отмечается примерно половиной старшеклассников, а различие в положительных ответах по сравнению с учениками средней школы составляет около 20%.

Аналогичная ситуация наблюдается и в фиксации социальной дистанции к группе молдаван. Существенно меньше положительных ответов представлены у школьников, обучающихся в среднем звене, чем у старшеклассников, и различия составляют около 20%.

Различия в оценке школьниками приватных позиций выходцев из Азии сокращаются в до 10% и менее, в частности, различия ответов приватных позиций по отношению к группе киргизов и таджиков представлены ниже:

	Средняя школа (% положительных ответов)	Старшая школа (% положительных ответов)	Различие в %
<i>Согласен сидеть за одной партой с киргизом</i>	18,4	34,0	15,6
<i>Согласен дружить с киргизом</i>	26,7	35,7	9
<i>Согласен сидеть за одной партой таджиком</i>	14,6	26,4	11,8
<i>Согласен дружить с таджиком</i>	22,7	27,1	4,4

Расхождения в отношении к группе азербайджанцев у различных типов школьников менее разнородно, чем в отношении к татарам и молдаванам, однако все еще является существенным (старшеклассни-

ки в среднем на 15% чаще дают положительные ответы по приватным позициям шкалы).

В оценке социальной дистанции существуют определенные тенденции, в частности между представителями средней и старшей школы фиксируется различие (в среднем около 20%) в оценке публичных взаимодействий с другими этническими группами. Старшеклассники более толерантны в своих оценках. На наш взгляд, это вызвано отчасти жизненным опытом, отчасти – жизненными траекториями и реалистичной оценкой перспективы взаимодействия с представителями других культур, в том числе – других этносов, во взрослой жизни. Ярким индикатором дистанции является изменение в оценках приватных вопросов. Так, по мере увеличения общей дистанции группы (число положительных ответов сокращается) уменьшается различие между средней и старшей школой, с 20 до 9, а в случае с отношением к таджикам – до 4,4%.

Основные выводы.

1. Социальная дистанция в оценках школьников носит более личностный характер в силу отсутствия институциональной практики общения. Учитывая отношение взрослых (увеличение социальной дистанции при увеличении приватности вопроса), можно предположить, что современное поколение школьников будет более толерантно к представителям других культур и национальностей в будущем, прежде всего – за счет сохранения существующего отношения на межличностном уровне и увеличения степени понимания в институциональных отношениях.
2. Существует четкое позиционирование различных этнических групп в повседневном восприятии жителей Свердловской области, которое может быть выражено в следующих уровнях территориальной оценки:
  - «*Наши*» - жители региона, города, страны, чья культура приемлема и понятна, а приватные отношения приветствуются (русские, татары).
  - «*Запад*» - представители стран западной и восточной Европы, порой непонятные, но приемлемые как сограждане, соседи, коллеги по работе. Данное принятие не исключает и близких отношений (молдаване).
  - «*Юго-запад*» - терпимое отношение как к согражданам, но напряженное отношение в зависимости от приватности, при этом школьники более склонны приравнивать к представителям Запада (азербайджанцы).

«Юго-восток» - самая высокая социальная дистанция, напряженное отношение к представителям данных культур и этнических групп, что скорее продиктовано объективным низким социальным статусом мигрантов из средней Азии. При этом трудно оценить первичность – наличие большой социальной дистанции или низкий социальный статус.

3. Опыт миграции, даже на уровне региона (из малого города – в большой) оказывает существенное влияние на демонстрируемую социальную дистанцию. Сокращение социальной дистанции связано с опытом родителей, нежели с опытом школьников, однако, субъективное ощущение себя «чужим», «другим» заставляет и школьника пересмотреть ряд своих установок и этнических или культурных предрассудков унаследованных от родителей.

ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДО ЭДВАРДА САИДА? (проблемы балканских истоков постколониальной теории)

М.В. Курчанов

ВОСТОК, ЗАПАД И ЗАВИСИМОСТЬ:

к проблеме болгарских истоков постколониального анализа

Постколониальный анализ принадлежит к числу наиболее влиятельных методов в современном гуманитарном знании. Эдвард Саид известен как автор книги «Ориентализм» и первый теоретик постколониальных исследований. Проблемы генезиса постколониализма являются дискуссионными. Автор статьи, анализируя тексты болгарских интеллектуалов 1920-х годов, позиционирует их как предшественников постколониальной теории. Никола Йорданов, Атанас Илиев, Асен Златаров, Атанас Иширков анализировали проблемы синтеза Восточной и Западной культур, рост национализма, универсальность культуры Запада и адаптивный потенциал Востока. Тексты этих болгарских авторов содержат идеи, которые позднее стали центральными в постколониальных исследованиях.

The post-colonial analysis belongs to the number of the most influential methods in contemporary Humanities. Edward Said is known as the author of "Orientalism" and first theorist of post-colonial studies. The problems of genesis of post-colonialism are debatable. The author of the article, analyzing the texts of Bulgarian intellectuals of the 1920s, imagines them as predecessors of post-colonial theory. Nikola Jordanov, Atanas Iliev, Asen Zlatarov, Atanas Isirkov analyzed the problems of the Eastern and Western cultures synthesis, growth of nationalism, universality of the Western culture and adaptive potential of the Orient. The texts of these Bulgarian authors are full of ideas which later became central in post-colonial studies.

Постколоніальний аналіз належить до числа найвпливовіших методів в сучасному гуманітарному знанні. Едвард Саїд відомий як автор книги «Орієнталізм» і перший теоретик постколоніальних штудій. Проблеми генезису постколоніалізму є дискусійними. Автор статті, аналізуючи тексти болгарських інтелектуалів 1920-х років, позиціонує їх як попередників постколоніальної теорії. Нікола Йорданов, Атанас Ілієв, Асен Златаров, Атанас Ішірков аналізували проблеми синтезу Східної і Західної культур, зростання націоналізму, універсальність культури Заходу і адаптивний потенціал Орієнту. Тексти цих болгарських авторів містять ідеї, які пізніші стали центральними в постколоніальних штудіях.

Ключевые слова: постколониализм, Болгария, интеллектуальная история, проблемы развития, Восток / Запад

Keywords: post-colonialism, Bulgaria, intellectual history, problems of development, Orient / Occident

Ключові слова: постколоніалізм, Болгарія, інтелектуальна історія, проблеми розвитку, Схід / Захід

Современное гуманитарное знание развивается в условиях постоянно углубляющегося и развивающегося междисциплинарного синтеза. Среди наиболее динамично изменяющихся методов особое место занимает постколониальный анализ, автором которого считается американский литературовед арабского происхождения Эдвард Вади Саид¹. В российской и зарубежной научной литературе господствует точка зрения, что родиной постколониализма как метода являются США, а сам постколониальный анализ в наибольшей степени применим для изучения Востока, Юго-Восточной Азии и Африки – тех регионов, которые в своем недавнем прошлом являлись колониями европейских государств. Политические изменения 1990-х годов привели к включению интеллектуалов Восточной и Центральной Европы в международные дискуссии, связанные, в том числе, с потенциалом и пределами постколониального анализа.

Особую роль в этой дискуссии играют болгарские исследователи. Интеллектуальная ситуация в современной Болгарии отличается рядом особенностей, важнейшими из которых являются активное усвоение западных методик, значительный интерес к зарубежным гуманитарным исследованиям, регулярное появление качественных переводов американской и европейской научной классики. Благодаря усилиям болгарских ученых на протяжении 1990 – 2000-г годов сложилась уникальная болгарская школа постколониального анализа, представленная исследованиями, посвященными как болгарской и балканской истории², так и проблематике, относящейся к «классическому» востоковедению³. Интеграция болгарского гуманитарного знания в международный контекст поставило, в том числе, и проблему генезиса постколониального анализа. Среди наиболее актуальных и дискуссионных вопросов – проблема болгарских истоков постколониального анализа.

На первый взгляд, проблема выглядит искусственной. С другой стороны, значительный интерес болгарских исследователей 1990 – 2000-х годов к западным научным школам, в том числе – к постколониальному анализу, заставил их отказаться от традиционных интерпретаций некоторых этапов (период османского владычества, а также события 1890 – 1940-х годов) болгарской истории, пересмотрев сложившиеся концепции с точки зрения постколониального анализа. Конкретизируя дискуссии 1990 – 2000-х годов между болгарскими интеллектуалами, отметим, что к настоящему времени достигнут методологический компромисс, основанный на признании необходимости использования постколониального анализа для изучения периода

турецкого доминирования и на негласном принятии исследовательской программы изучения интеллектуальной истории Болгарии эпохи модернизации⁴ – трансформации архаичного, фактически постколониального общества, в государство-нацию западного типа.

Изучение научного наследия и публицистики конца XIX – первой половины XX века ставит проблему болгарских истоков постколониального метода. Анализ текстов, возникших в рамках болгарской интеллектуальной традиции упомянутого периода, позволяет констатировать существование феномена, который, вероятно, следует определять как болгарский слой генезиса постколониализма. В центре авторского внимания в настоящей статье⁵ – проблемы интеллектуальной истории Болгарии периода трансформации территорий до Освобождения контролируемых Османской Империей в национальное государство, а именно: ревизия колониального прошлого и дискуссии относительно восточных и западных традиций в болгарской истории, то есть те вопросы, которые являются системообразующими в современном постколониальном анализе.

Элементы своеобразного протоориентализма мы можем найти в текстах нескольких болгарских интеллектуалов 1920 – 1930-х годов. В настоящей статье мы остановимся на наследии ряда авторов, а именно – Николы Йорданова, Атанаса Илиева, Асена Златарова, Атанаса Иширкова.

Болгарские интеллектуалы 1920 – 1930-х годов особое внимание в своих текстах уделяли проблемам того, что спустя несколько десятилетий будет изучаться в рамках изменения ментальных и воображаемых географий, западной каталогизации мира и подвижности границ. В 1926 году Никола Йорданов указывал на то, что Запад, несмотря на рост числа публикаций о Востоке, нескончаемый поток европейский путешественников, которые устремляются в страны Азии, испытывает определенные трудности в определении для себя понятия «Восток». В связи с этим в сравнении, предложенным Н. Йордановым, Запад, который «гордится своей наукой», уподобляется «скромному ученику», которому только предстоит постичь Восток. Эта оппозиция Запад / Восток становится в большей степени заметной в контексте исторических несоответствий в уровнях развития этих регионов. В середине 1920-х годов, более чем за двадцать лет до начала процессов колонизации, болгарский интеллектуал констатировал особую мобилизующую роль религии на Востоке, которая начинала тогда идти рука об руку с набирающими силу националистическими движениями⁶.

Спустя несколько десятилетий процессы, о которых в середине 1920-х годов, писали болгарские интеллектуалы, охватят восточные

государства, где начнется деколонизация. Распад колониальных империй и появление новых государств на Востоке спровоцирует очередную волну интереса к этому региону со стороны западных, европейский и американских авторов, которые, подобно «ученикам» Н. Йорданова, заново будут открывать и конструировать для себя Восток. В процессе этого нового открытия Востока и возникнет постколониальный анализ, определенные мотивы и настроения которого заметны в текстах болгарских интеллектуалов 1920-х годов.

В текстах Атанаса Илиева эту культурная дихотомия Запад / Восток обрела новые измерения. Мир, в том числе и Болгария, позиционировались А. Илиевым как сфера влияния Запада, западной культурной проекции на другие формы культуры. В связи с этим им формулировался вопрос относительно того, как долго будет продолжаться подобное взаимодействие Востока и Запада. В качестве примера им использовался случай Болгарии, которая позиционировалась как относительно новое, недавно ставшее свободным государство, которое подвергается мощному культурному влиянию Запада, одновременно сохраняя и свою идентичность. В связи с этим А. Илиев не только полагал, что «западные культурные влияния являются необходимыми», но и указывал на то, что и в будущем роль подобных влияний будет оставаться значительной⁷.

С другой стороны А. Илиев указывал и на необходимость соединения «родных» культурных ценностей с западными культурными влияниями. Эта задача стала особенно актуальной после завершения первой мировой войны, которая изменила отношения между правящими элитами и массами, вынудив и заставив первые обращаться непосредственно ко вторым. Комментируя специфику болгарской ситуации, А. Илиев полагал, что после Освобождения Болгария страна развивалась чрезвычайно динамично и быстро, но оказалась не в состоянии усвоить / освоить западную культуру. Это привело к конфликту между различными течениями среди болгарских интеллектуалов, которые диаметрально противоположно относились к возможности примирения между национальной традицией и западным культурным влиянием⁸.

Болгарские интеллектуалы середины 1920-х годов обладали неким особым и совершенно уникальным историческим предчувствием. Идеи А. Илиева, высказанные им в 1926 году, сохраняют определенную актуальность и на современном этапе, если речь идет об изучении тех культурных метаморфоз, которые пережиди постколониальные общества. Фактически А. Илиев в своих статьях, которые появились после первой мировой войны, описывал состояние транскulturности,

связанное с постколониализмом. Чем можно объяснить тот факт, что болгарские интеллектуалы в 1920-е годы писали о тех явлениях, которые в наибольшей степени начнут проявляться только в конце 1970-х годов? Однозначный ответ на подобный вопрос не представляется возможным, но автор этой статьи предлагает спорную и весьма дискуссионную интерпретацию, которая будет представлена ниже.

Атанас Иширков, комментируя специфику культурного развития, писал о возможности деления народов на «культурные, полукультурные, слабокультурные и некультурные». Своеобразным эталоном, который используется для проверки и определения уровня культуры того или иного народа, как считал А. Иширков, была западная культура. «Само название “Европа” стало синонимом культуры», – подчеркивал А. Иширков. С другой стороны, он ставил и вопрос о влиянии культуры на «слабокультурные народы». Анализируя различные формы этого влияния, которое исходило от Запада, А. Иширков указывал и на то, что в его результате многие т.н. «природные» народы в Африке или Америке, которые вынужденно начинали контактировать с европейцами, были уничтожены⁹.

Другой автор середины 1920-х годов Асен Златаров описывал отношения между европейскими и восточными культурами иначе. В качестве примера, характеризующего потенциал применения западного опыта в неевропейской и незападной стране, он приводил Японию. А. Златаров указывал на то, что за сравнительно короткий хронологический период Япония пережила значительные перемены, став не только одной из наиболее развитых стран Азии, но и превратившись в значительной степени европеизированное государство. По мнению А. Златарова, японский опыт имел особое значение по той причине, что европеизация не привела к колонизации, а позволила японцам не только остаться японцами, сохранив культуру, язык и религию, но и соединить национальную культуру с достижениями Запада¹⁰.

Идеи болгарских авторов, которые писали между двумя мировыми войнами, которые могут показаться созвучными с постколониализмом, кажутся нам странными в силу того, что для значительной части представителей научного сообщества сам феномен постколониализма ассоциируется с Востоком и хронологически соотносится в большей степени со второй половиной XX века. Но невозможность ответа на сформулированный выше вопрос ставит новые вопросы, важнейшие из которых таковы: может ли постколониализм быть не только исключительно восточным явлением и не получали ли невосточные страны постколониальный опыт раньше Востока.

Вероятно, ответ следует искать в противоречиях культурной и интеллектуальной истории самой Болгарии, которая становится независимым государством только в конце 1870-х годов. Нельзя исключать того, что Болгария, как новая страна, испытала определенные трудности с формированием идентичности. В процессе изживания османского наследия сложилась новая идентичность, созданная путем синтеза национального (болгарского) и европейского (западного) общества. В рамках подобной, но вместе с тем и весьма спорной интерпретации, Болгария предстает как едва ли не первое постколониальное государство в мире, а болгарские интеллектуалы 1920-х годов сродни Э. Саиду, Г. Спивак, Х. Бхабха и другим признанным классикам и теоретикам постколониального подхода.

Подводя итоги этой статьи, предваряющей издание первоисточников, во внимание следует принимать ряд факторов. Болгарские интеллектуалы конца XIX – начала XX века внесли значительный вклад в возникновение той школы гуманитарного анализа, которая получит окончательное оформление в 1980 – 1990-е годы благодаря работам Эдварда Саида и его последователей. Истоки болгарского протоориентализма, о котором речь шла выше, связана с теми интеллектуальными травмами, которые получили болгарские интеллектуалы после Освобождения в процессе постепенной трансформации традиционных институтов, существовавших в Болгарии, в нацию-государство западного типа. В рамках интеллектуальных дискуссий 1890 – 1930-х годов болгарские интеллектуалы подвергли значительной ревизии национальную идентичность, что привело к ее деориентализации, «выдавлению» восточных мотивов из болгарской национальной памяти.

Интеллектуальными ориентирами для болгарских авторов были Европы и Россия, которая постепенно утратила свою актуальность и привлекательность, что связано со «взрослением» болгарской интеллигенции, которая в большей степени начинала разделять позиции болгарского национализма, связанные с концептом Великой Болгарии как освобожденной Европы и потенциального политического центра Балкан. Болгарские дискуссии межвоенной эпохи в значительной степени предвосхитили интеллектуальные дебаты постколониальных обществ, возникших во второй половине XX века, связанные с переосмыслением Запада в условиях фактического доминирования европоцентричной системы координат.

Анализируя тексты, возникшие в рамках болгарской гуманитарной традиции после Освобождения, следует выделить несколько этапов, связанных с переосмыслением колониального прошлого, поиска-

ми своего места в Европе и воображением Болгарии как Балканского Запада.

Первый этап (связанный с интеллектуальными дискуссиями в ранней независимой Болгарии, искавшей свое место в Европе и проводящей переосмысление прошлого, отягощенного отсутствием независимости) следует датировать концом XIX – началом XX века. Второй период связан с балканскими войнами и первой мировой войной, которые актуализировали новое измерение болгарского постколониализма, способствуя трансформации концепта Болгарии из бывшей колонии в потенциальный политический центр Балкан. Третий этап (межвоенные годы) отмечен кризисными тенденциями, вызванными поражением в первой мировой войне и активизацией дискуссий относительно особой постколониальной судьбы и миссии Болгарии. Четвертый и последний период связан с активизацией интеллектуальной деятельности во время второй мировой войны и ознаменован попытками реанимации концепта Болгарии как балканского центра.

Завершение дискуссий относительно болгарского постколониализма было связано с установлением в Болгарии во второй половине 1940-х годов левоавторитарного режима, который унифицировал интеллектуальное пространство, сделав возможным повторное обращение болгарских интеллектуалов к постколониальной проблематике только в условиях общей либерализации интеллектуальной атмосферы 1990 – 2000-х годов.

---

¹ Текстом, заложившим основы постколониального анализа, признана книга Э.В. Саида «Ориентализм», переведенная, в том числе, и на болгарский язык. См.: Саид Е. Ориентализмът / Е. Саид / прев. Л. Дукова. – София, 1999.

² 1990 – 2000-е годы в Болгарии отмечены значительным интересом к западным методам гуманитарных исследований, о чем свидетельствуют многочисленные публикации, ставшие попытками трансплантации американских методов исследования на болгарскую научную почву. См.: Бурума И., Маргалит А. Оксидентализмът. Кратка история на антизападничеството / И. Бурума, А. Маргалит / прев. Г. Атанасов. – София, 2006; Ганди Л. Постколониална теория. Критическо въведение / Л. Ганди / прев. М. Атанасов. – София, 2005.

³ В 1990 – 2000-е годы в Болгарии были опубликованы работы не только посвященные Востоку, но и написанные в рамках постколониальной модели гуманитарного знания. См.: Чуков Вл. Арабският Близък Изток и Централна Азия / Вл. Чуков. – София, 2006; Чукова Р. Централна Азия. Трансформации за идентичността / В. Чукова. – София, 2007.

⁴ На современном этапе лидером в приобщении Болгарии к западным методам гуманитарного знания следует признать Институт Литературы БАН, усилиями которого реализован ряд международных и междисциплинарных проектов, посвященных проблемам национализма и идентичности. Наиболее крупным проектом следует признать «Балканские идентичности». Часть текстов в рамках упомянутого проекта написана в соответствии с канонами постколониального анализа. См.: Да мислим Другото – образи, стереотипи, кризи / съст. Н. Аретов. – София, 2001; Балканските идентичности в българската култура / съст. Н. Аретов. – София, 2001 – 2003. – Т. 1 – 4.

---

⁵ Автор позиционирует настоящий текст как развитие идей, высказанных в разделе «“Между Истока и Запада”»: болгарские маршруты балканской воображаемой географии, или интеллектуальное бегство с Оrients» монографии 2008 года (Кирчанов М.В. Воображая и (де)конструируя Восток. Идентичность, лояльность и протест в политических модернизациях и трансформациях». – Воронеж: «Научная книга», 2008). Если в книге 2008 года речь шла о современных дискуссиях в Болгарии, то данная статья сфокусирована на генезисе постколониального анализа в его болгарской версии.

⁶ Йорданов Н.Д. Изток и Запад / Н.Д. Йорданов // Училищен преглед. – 1926. – № 1 – 2. – С. 393 – 398.

⁷ Илиев А. Зовът на Родината / А. Илиев // Изток. – 1926. – Бр. 40.

⁸ Илиев А. Конфликтът между родното и чуждото / А. Илиев // Изток. – 1926. – Бр. 49.

⁹ Иширков А. Влиянието на културата върху слабокултурните народи / А. Иширков // Училищен преглед. – 1926. – № 1 – 2. – С. 139 – 149.

¹⁰ Златаров А. Культурността в служба на Родината / А. Златаров // Изток. – 1926. – Бр. 42.

КРИТИКА

РАННИЙ РУССКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Минаков А.Ю. *Русский консерватизм в первой четверти XIX века* / А.Ю. Минаков / науч. ред. М.Д. Карпачев. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2011. – 560 с. ISBN 978-5-9273-1841-4

Консерватизм принадлежит к числу наиболее влиятельных правых политических идеологий. Проблемы генезиса и ранней истории консерватизма являются дискуссионными. В XIX веке возникли национальные формы консерватизма в Европе. Российский консерватизм возникает в первой четверти XIX века. История консерватизма в прошлом нередко писалась либералами и противниками консервативной идеологии. Проблемы консерватизма в российской историографии XIX и XX века были идеологизированы. Новый этап в изучении консерватизма наступил в конце 1980-х годов. Автор анализирует новую книгу воронежского историка Аркадия Юрьевича Минакова «Русский консерватизм в первой четверти XIX века» как первую попытку написания комплексной предьстории и истории русского консерватизма первых десятилетий XIX века.
Ключевые слова: консерватизм, национализм, историография, интеллектуальная история

Консерватизм належить до числа найвпливовіших правих політичних ідеологій. Проблеми генезису і ранньої історії консерватизму є дискусійними. У XIX столітті виникли національні форми консерватизму в Європі. Російський консерватизм виникає в першій чверті XIX століття. Історія консерватизму у минулому нерідко писалася лібералами і супротивниками консервативної ідеології. Проблеми консерватизму в російській історіографії XIX і XX століть були ідеологізованими. Новий етап у вивченні консерватизму наступив в кінці 1980-х років. Автор аналізує нову книгу воронезького історика Аркадія Юрьевича Минакова «Русский консерватизм в первой четверти XIX века» як першу спробу написання комплексної передісторії і історії російського консерватизму перших десятиліть XIX століття.
Ключові слова: консерватизм, націоналізм, історіографія, інтелектуальна історія

Conservatism belongs to the number of the most influential right political ideologies. The problems of genesis and early history of conservatism are debatable. National forms of conservatism developed in Europe in the 19th century. Russian conservatism arises up in the first quarter of the 19th century. History of conservatism was written by liberals and opponents of conservative ideology. The problems of conservatism in Russian historiography of the 19th and the 20th centuries were ideologized. A new stage in the conservatism studies started in the end of the 1980s. The author analyses a new book of Voronezh historian Arkadii Yur'evich Minakov «Russkii konservatizm v pervoi chetverti XIX veka» as the first attempt to write complex pre-history and history of Russian conservatism in the first decades of the 19th century.
Keywords: conservatism, nationalism, historiography, intellectual history

На протяжении 1990 – 2000-х годов российская историческая наука и смежные дисциплины пережили прорыв, связанный с изучением проблем развития национализма, идентичности и этничности: на русском языке вышли переводные исследования о национализме, кроме этого появились уникальные исследования, написанные отечественными историками и посвященные различным аспектам и измерениям национального. Среди новейших публикаций, связанных с

этой тематикой – монография воронежского исследователя, доктора исторических наук, директора Зональной научной библиотеки ВГУ А.Ю. Минакова «Русский консерватизм в первой четверти XIX века», вышедшая в 2011 году¹. Книга А.Ю. Минакова представляет собой фундаментальное и комплексное исследование, как историографии русской консервативной мысли изучаемого периода, так и идеологических воззрений и концепций русских консерваторов и националистов² первой четверти XIX столетия.

Особое внимание в монографии А.Ю. Минакова уделено историографии русского консерватизма. Анализируя проблемы отражения истории консервативной мысли в научной литературе, А.Ю. Минаков указывает на то, что на протяжении длительного времени эта проблематика в значительной степени была политизированной, что соответствующим образом отражалось как на содержание, так и на идейной направленности издававшихся ранее исследований. А.Ю. Минаков полагает, что негативный образ консервативной идеологии сформировался и в силу того, что на протяжении длительного времени в его изучении доминировали авторы либеральной или радикальной политической ориентации, склонные видеть в консерватизме не объект научного исследования, а иную, противостоящую им политическую идеологию.

Значительное внимание А.Ю. Минаков уделил и историографической судьбе консерватизма в советский период. По мнению историка, после 1917 года «возникла искусственная “неактуальность” проблематики истории русского консерватизма» [С. 29], связанная в большей степени с причинами идеологического и политического характера. Исключением стали работы, возникшие в недрах тартуской семиотической школы [С. 31], которые в рамках филологической и / или литературоведческой парадигмы фактически исследовали наследие русских консерваторов. Монография А.Ю. Минакова представляет собой и одну из первых попыток рассмотреть современное состояние историографии русского консерватизма. Историографический обзор в книге А.Ю. Минакова обширен, автор анализирует различные точки зрения и научные концепции, которые высказывались или предлагались с целью интерпретации и / или изучения консервативной идеологии. А.Ю. Минаков, анализируя историографическое основание изучения русского консерватизма, не ограничивается беглыми и сжатыми характеристиками, а, наоборот, предлагает подробный и развернутый анализ рассматриваемых им текстов. В этом отношении монография А.Ю. Минакова выгодно отличается от аналогичных исследований, а историографический обзор фактически превратился в

исследование, выполненное в традициях интеллектуальной истории или истории идей.

Проблема генезиса, истоков и зарождения, русского консерватизма занимает одно из центральных мест в монографии А.Ю. Минакова. Рассматривая возникновение консерватизма в Российской Империи, А.Ю. Минакова, подчеркивая определенную общность в истории интеллектуальной традиции России и Запада, полагает, что «в период своего становления русский консерватизм был явлением, родственным западноевропейскому консерватизму» [С. 58]. С другой стороны, А.Ю. Минаков указывает и на то, что для русского консерватизма был характерен значительный антимодернизационный заряд, связанный с неприятием консерваторами последствий петровских преобразований [С. 58]. Кроме неприятия модернизации и страха перед возможными отголосками Французской революции в России, А.Ю. Минаков в качестве интеллектуальных истоков русского консерватизма приводит и «европеизацию части российской элиты, впитавшей и критически переосмыслившей идеи Просвещения, получившей интеллектуальное развитие в западноевропейских университетах» [С. 59].

В связи с этим, рассматривая проблемы генезиса русского консерватизма, А.Ю. Минаков уделяет особое внимание фигуре «пламенного реакционера» Жозефа де Местра [С. 107 – 108], роль которого в формировании консерватизма как идеологии европейского масштаба, не вызывает сомнений. Кроме этого, акцентируя внимание на определенной близости раннего русского консерватизма с европейскими аналогами, А.Ю. Минаков указывает и на то, что «ранние русские консерваторы разделяли те основные ценности, которые были характерны и для их западноевропейских единомышленников» [С. 60]. Развивая это предположение, А.Ю. Минаков подчеркивает, что на раннем этапе своего существования русский консерватизм представлял собой «реакцию на радикальную вестернизацию» [С. 59] и страх перед попытками реализации идей Просвещения в России. В этом отношении, вероятно, прав французский исследователь Цветан Тодоров, полагающий, что «национализм не был продуктом Просвещения, став в лучшем случае отклонением от него»³. Именно это «отклонение», альтернативность в наибольшей степени и проявилась в идеологии консерватизма, которая пребывает в центре рецензируемой монографии.

Кроме этого близость между западным и российский консерватизмом состояла и в том, что в России первые формы и проявления консервативной идеологии имели светский характер [С. 62], в большей степени апеллируя к ценностям лояльности и идее примата государства. С другой стороны, в монографии А.Ю. Минакова показана и

та роль, которая принадлежала Русской Православной Церкви [С. 267 – 330] в возникновении идеологии русского консерватизма и в формировании тех общественно-политических идей, которые получили особое развитие в период правления Николая I и были связаны с известной формулой С.С. Уварова «православие – самодержавие – народность» [С. 330], хотя некоторые элементы этой триады культивировались русскими консерваторами в первой четверти XIX века [С. 342 – 347].

Анализируя истоки русского консерватизма, А.Ю. Минаков указывает на особую роль в его возникновении интеллектуальных и политических фигур Российской Империи, среди которых были Г.Р. Державин [С. 69 – 80] и Н.М. Карамзин [С. 80 – 91]. В целом А.Ю. Минаков уделяет особое внимание тем авторам, которых можно отнести к «высокой культуре»⁴ или культуре господствующих классов. В этом отношении монография А.Ю. Минакова интересна в контексте изучения интеллектуальных и политических предпочтений элит. Среди бесспорных удач рецензируемой книги и то, что А.Ю. Минаков смог показать роль менее известных в массовом сознании исторических деятелей в формировании русского консерватизма. В частности, особое внимание им уделено той роли, которую в появлении консервативной идеологии в России сыграли А.С. Шишков [С. 91 – 99], Ф.В. Ростопчин [С. 99 – 107], С.Н. Глинка [С. 115 – 124]. Превращение в «героев» исследования как широко известных деятелей истории, так и фигур «второго плана» придает монографии А.Ю. Минакова комплексный характер, позволяя рассматривать ее как фундаментальное исследование, выполненное в соответствии с канонами жанра интеллектуальной истории.

Рассматривая проблемы генезиса и ранней истории русского консерватизма, А.Ю. Минаков особое внимание уделил французскому фактору. Франция и всё французское занимало совершенно особое и уникальное место в русской интеллектуальной истории первой четверти XIX столетия: периоды неприятия и отрицания Франции как родины опасных революционных идей чередовались с ростом интереса к этой стране. В частности, А.Ю. Минаков уделяет особое внимание феномену галломании, к которой ранние российские консерваторы относились крайне негативно [С. 67]. Особую роль в культивировании французских образов в негативном ключе сыграл А.С. Шишков, для некоторых текстов которого были характерны определенные проявления изоляционизма [С. 184 – 187]. Значительное место в монографии А.Ю. Минакова уделено политической роли российских консерваторов в 1807 – начале 1812 года. Особое место в рецензируемой

монографии уделено и тем успехам, которые были достигнуты ранними русскими консерваторами в 1812 – 1814 годах [С. 174 – 210]. А.Ю. Минаков показывает как неудачи России (до Отечественной войны 1812 года) на внешнеполитической арене, противостояние с Францией и военные поражения способствовали актуализации национального чувства [С. 109]. Кроме французского фактора определенную роль в возникновении российского консерватизма сыграл и еврейский вопрос [С. 73].

Рецензируемая монография А.Ю. Минакова стала удачным опытом не только изучения консерватизма, но и раннего этапа формирования русского национализма, особенно – в контексте формирования образов Другого⁵. Книга А.Ю. Минакова представляет особый интерес, так как содержит одну из первых попыток анализа и изучения еврейского вопроса в контексте развития, как консерватизма, так и русского национализма на столь раннем (первая четверть XIX века) этапе⁶. Возникновение русского консерватизма было связано с противоречиями российской модернизации, ее слишком быстрыми для XVIII – начала XIX века темпами, неспособностью, как общества, так и государства выработать стратегию эффективного сочетания и / или сосуществования старых и новых тенденций в социальном, политическом и экономическом развитии России. Завершающий этап в становлении русского консерватизма А.Ю. Минаков датирует 1815 – 1825 годами [С. 211 – 265], связывая его с активизацией консерваторов в сфере высшего образования, что было связано с попытками его клерикализации, а также в актуализации русского национального чувства [С. 266]. В этом отношении появление консерватизма является естественным и неизбежным этапом в интеллектуальной истории и идейной эволюции российского общества, что свидетельствует об определенной его близости, точнее – образованной части, к Западу и европейской политической культуре.

Подводя итоги настоящего обзора, во внимание следует принимать ряд факторов. Характерными чертами рецензируемой монографии А.Ю. Минакова является фундаментальность, комплексность и междисциплинарность. Автор проделал немалый труд, проанализировав как оригинальные источники (содержащиеся в пяти российских архивах), так и значительное число исследований. Работа А.Ю. Минакова интересна не только в контексте генезиса российского консерватизма, но и возникновения русского национализма. Книга А.Ю. Минакова, вместе с тем, в определенной степени выделяется на фоне многочисленной литературы, посвященной национализму.

Эта выделенность проявляется не в качестве исследования: монография А.Ю. Минакова, вне всякого сомнения, научна, академична и представляет собой бесспорную удачу автора. Особенность книги в ее основном «герое», точнее – в социальной принадлежности тех политических деятелей, о которых пишет А.Ю. Минаков. Если провести количественный анализ российских и зарубежных публикаций о национализме, то их основными героями, как правило, будут выходы из социальных низов, массы, угнетенные меньшинства, т.е. те акторы, которые в силу исторических обстоятельств боролись с теми деятелями (хотя в большей степени с их историческими и идеологическими наследниками), о которых пишет А.Ю. Минаков. В этом отношении книга А.Ю. Минакова представляет собой несомненную удачу современной российской историографии, так как содержит попытку показать и другое лицо национализма, в данном случае – раннего русского национализма – первыми теоретиками которого стали представители политических элит.

Анализируя проблемы консерватизма, А.Ю. Минаков фактически вышел за пределы заявленной темы, внося определенный вклад и в изучение ранней истории русского национализма. Это стало возможным в силу того, что рецензируемая книга написана в русле интеллектуальной истории. Именно это позволило автору проанализировать как общие (консервативные) политические идеи и концепции первой четверти XIX века, так и частные (националистические) настроения, которые только формировались и актуализировались авторами консервативной ориентации. В подобной ситуации монографию А.Ю. Минакова следует признать первой удачной попыткой приложения методов интеллектуальной истории к проблематике русского консерватизма.

М.К.

---

¹ Аркадий Юрьевич Минаков принадлежит к числу ведущих специалистов по истории русского консерватизма и раннего национализма. См.: Минаков А.Ю. Взгляды русских консерваторов первой трети XIX века на развитие промышленности / А.Ю. Минаков // Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2010. – № 6. – С. 75 – 79; Минаков А.Ю. Возникновение русского консервативного национализма в первой трети XIX века / А.Ю. Минаков // Вестник РГУ им. И. Канта. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – Вып. 12. – С. 12 – 17; Минаков А.Ю. Г.Р. Державин как представитель русского консерватизма / А.Ю. Минаков // Вестник ТГУ им. Г.Р. Державина. – 2010. – Вып. 7. – С. 7 – 15. и др. Более полная библиография работ А.Ю. Минакова, посвященных консерватизму и национализму, доступна в рецензируемом издании. См.: Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века / А.Ю. Минаков. – Воронеж, 2011. – С. 513 – 519.

² О проблемах соотношения национализма и консерватизма см.: Малахов В.С. Национализм как политическая идеология / В.С. Малахов. – М., 2005. – С. 167 – 170; Сидорина Т.Ю., По-

---

лятников Т.Л. Национализм. Теории и политическая история / Т.Ю. Сидорина, Т.Л. Поляников. – М., 2006. – С. 201 – 207.

³ Подробнее см.: Тодоров Ц. Духът на Просвещението / Ц. Тодоров / прев. от френски Т. Атанасова, науч. ред. Ст. Атанасов. – София, 2009. – С. 28.

⁴ Подробнее в теоретическом плане о различных культурных уровнях в контексте генезиса политических идеологий см.: Шартье Р. Интеллектуальные истоки Французской революции / Р. Шартье / пер. с франц. О.Э. Гринберг. – М., 2001.

⁵ О формировании образов Другого подробнее см.: Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока и формирование европейских идентичностей / И. Нойманн / пер. с англ. В.Б. Литвинова и И. Пильщикова. – М., 2004.

⁶ Генезис раннего национализма относится к числу дискуссионных проблем. Синтетическая попытка анализа существующих подходов содержится в работах чешского историка М. Хроха. См.: Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации / М. Хрох // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр и др. – М., 2002. – С. 121 – 145.

ЧТО ПОПИШЕШЬ – МОЛОДЕЖЬ! НЕ ЗАДУШИШЬ, НЕ УБЬЕШЬ...

Gunnar Heinsohn, Soehne und Weltmacht: Terror im Aufstieg und Fall der Nationen / Gunnar Heinsohn. – Zuerich: Orell Fuessli Verlag AG, 2006. – 191 s. ISBN-10: 328-00-60-087; ISBN-13: 978-328-00-600-87

Проблема насилия, политической нестабильности, революций и восстаний, а также юношеского максимализма многие века занимают умы европейцев. Примеры осмысления подобного феномена мы можем встретить во многих литературных источниках (например, в «Саге о Гисли», или «Пер Гюнте»), но строго научное объяснение до недавних пор не было дано. Отчасти это можно объяснить сложностью проблемы, ведь молодежь и ее поведение в сложных жизненных обстоятельствах в разных аспектах изучают психология, социология, философия, демография и другие науки.

Определенным прорывом мы можем считать возникновение так называемой theory of youth bulge или теории молодежного пузыря. У слова «bulge» много значений, среди которых – вздутие, выпячивание, расширение, круги на воде. Все они могут быть использованы для описания того феномена, на котором сосредоточена данная теория - внезапно и значительно усилению роли молодежи в социально-политических процессах в современных странах Юга - от Гватемалы на западе до Индонезии на востоке и от Узбекистана на севере до Конго на юге. Все эти государства различны по этническому и конфессиональному составу населения, уровню жизни граждан, гарантии политических свобод и цивилизационной принадлежности. Объединяет их одно – высокий уровень молодежи в структуре населения. Один из разработчиков теории, М. Фуллер отмечает, что youth bulge будет всегда наблюдаться там, где в структуре населения молодежь в возрасте 15-24 лет или дети в возрасте до 14 лет включительно будут составлять не менее 20 или 30 процентов от общей численности населения¹.

Именно анализу данного феномена и критическому обзору сильных и слабых сторон теории посвящена книга Гуннара Хайнзона “Soehne und Weltmacht: Terror im Aufstieg und Fall der Nationen”. Прежде чем перейти к изложению основных идей автора, несколько слов о нем самом.

Г.Хайнзон родился в 1943 г. на территории современной Польши. В Свободном университете Берлина изучал социологию, психологию, историю, экономику и религиоведение. С 1984 г. по настоящее время – профессор Бременского университета, с 1993 г. – возглавляет им созданный первый Европейский институт Изучения проблем геноцида.

В данной монографии проф. Хайнзон дает спорный и провоцирующий ответ на проблему распространения мирового террора, с которым Старый Свет столкнулся в прошедшее десятилетие. Приводя впечатляющие примеры из прошлого и настоящего, он доказывает, что смертоносное насилие в обществе возникает не вследствие религиозных разногласий или ужасающей бедности. Настоящая причина – чрезмерное увеличение доли лишенных перспектив молодых людей в структуре населения. Именно это вызывает беспорядки, террор и войны, в конце концов, приводя к падению наций.

Сквозной идеей книги является угроза, которую представляют для себя самих и мирового порядка в целом государства с высоким естественным приростом населения. Общая политическая нестабильность, склонность режимов к авторитаризму и частые перевороты в странах этих регионов не есть следствие ограниченности политиков, пережитков колониального прошлого или культурной отсталости. Они – последствия «демографической бомбы замедленного действия».

Структура книги представляет собой 6 глав, каждая из которых разбита на множество небольших (по 2-4 страницы) параграфов. Столь дробное, необычное для научной монографии членение вызвано необходимостью изложить весьма разноплановый материал, что автору блестяще удается.

Первая глава посвящена рассмотрению самого понятия «молодежного пузыря». Автор отмечает, что «пузырь» возникает не столько там, где много молодежи (в пример приводится Китай), сколько там, где молодые люди вынуждены *конкурировать* между собой за получение доступа к престижным позициям и социальным статусам. Это важный момент – данная книга не о демографии (хотя демографических и иных статистических данных в ней немало), а о социальных возможностях самореализации.

Вторая глава описывает различные регионы мира (Юго-восточную Азию, Черную Африку, Латинскую Америку и Ближний Восток), которые переживают «вздутие пузыря» или пережили его недавно. Из 67 крупных наций, столкнувшихся с *youth bulge*, 60 пережили гражданские войны или геноциды. Причем, вопреки распространенному мифу об исламской угрозе, Г.Хайнзон показывает отсутствие взаимосвязи с религиозным фактором: лишь около половины этих стран имели мусульманское большинство или значительное меньшинство, остальные – христианские (причем всех ветвей) и даже буддистские страны. В завершение главы автор заочно спорит с С.Хантингтоном, но не с его тезисом о столкновении цивилизаций (который Г.Хайнзон, по-видимому, разделяет), а с религиозным критерием для выделения цивилизации. В данном исследовании полагается, что таковым критерием должно быть репродуктивное поведение и сопряженные с ним устои общества (мораль, тип семьи, ценность жизни и т.д.).

В третьей главе дана любопытная интерпретация европейского экспансионизма эпохи Великих географических открытий и даже «охоты на ведьм» позднего Средневековья. Первая была подготовлена эпидемией чу-

мы, выкосившей в первую очередь старшее поколение, и освободившей «жизненное пространство» для молодежи. Ссылаясь на статистику о рождениях в Англии конца XV века, автор указывает на увеличение числа сыновей у каждого отца: «В графствах Англии, особенно хорошо документированных прирост населения, мы находим, что со 1441 по 1465 на каждые 100 отцов приходилось 110 сыновей. А между 1491 и 1505 – уже по 202 сына»². Именно это резкое и быстрое (за одно поколение) увеличение молодежи без увеличения возможностей для карьеры внутри самой Европы и породило, по мнению Г.Хайнзона, экспансию в столь вовремя открытый Новый Свет. Преследование же колдуний вызвано тем, что они были акушерками и часто помогали беременным с помощью абортотворителей и роженицам в деле избавления от лишнего рта в семье. Этот тезис подкрепляется двумя важными косвенными доказательствами – высоким уровнем знаний о природе беременности (который повторно был достигнут лишь в конце XVIII века) и возникновением представления о ценности человеческой жизни во времена Возрождения.

Четвертая глава посвящена исследованию причин возвышения и падения великих европейских держав – Португалии, Испании, Нидерландов, Англии, а также Соединенных Штатов. Отмечается, что рост могущества и размеров колониальных империй был вызван изменением содержания понятия «собственность», в первую очередь, возможность ее дробления между наследниками (отмена майората), пусть и не равномерного, что было неизбежно при большом количестве сыновей (как в сказке «Кот в сапогах») и способствовало поиску лучшей доли за пределами метрополии.

Определенным исключением здесь видится автору Америка, чей *youth bulge* XVIII-XIX вв. был обеспечен не столько рождаемостью (стандартной для Европы и сопредельных с США европейских колоний, например, Мексики), сколько миграционным приростом – а в Штаты ехали, в основном, именно молодые люди. Именно это обеспечило прирост населения с 1700 г. по 1800 г. с одного до шести миллионов. Это позволяло США вести многочисленные войны с индейцами (освоение Дикого Запада было аналогом европейской экспансии в Новый Свет) и великими державами (Англией, Францией, Испанией) без существенных проблем. Опасность для будущих Штатов Г.Хайнзон видит в снижении доли молодежи (следовательно, в «удорожании» войн) и в том, что стратегически важные для лидерства Америки регионы – Латинская Америка, Ближний Восток и Азиатско-Тихоокеанский регион до сих пор (в отличие от США) «надувают пузыри».

Пятая и шестая главы посвящены проблемам международного террора, миграции и депопуляции Европы «восточнее Одера». Это, пожалуй, наиболее трагичная часть книги. В каждом параграфе здесь таится некоторый пессимизм, очевидно, унаследованный автором от своего соотечественника О.Шпенглера. Хотя напрямую о «закате Европы» Г.Хайнзон и не пишет, чувствуется, что подобное ощущение его не покидает.

Гораздо важнее, что он отмечает следующее: практика использования самоубийц для ведения «городской герильи» современными исламистами была перенята у сингалов Шри-Ланки из числа «Тамильских тигров»³ и обусловлена повышенным демографическим давлением в городах, испытывающих миграционный наплыв.

Поэтому в конце книги автор приходит к, казалось бы, парадоксальному выводу: хотя собственные youth bulges европейские страны пережили минимум век назад, в наши дни они могут столкнуться с аналогичными проблемами на локальном уровне, притом, что механизмов разрешения их (война или экспансия вовне) у Европы больше нет. Книга была написана до того, как произошли беспорядки в эмигрантских пригородах Парижа и Лондона, так что мы можем позавидовать немцам, имеющим «пророка в своем отечестве». К сожалению, Г.Хайнзон не указывает пути выхода из надвигающегося на нас тупика, но предупреждает, что «в первой четверти XXI века нам предстоит столкнуться с совершенно иными угрозами, нежели мы имели на протяжении предыдущего столетия»⁴.

---

¹ Fuller G. The Demographic Backdrop to Ethnic Conflict: A Geographic Overview. In: The Challenge of Ethnic Conflict to National and International Order in 1990's, Washington: CIA Hg., (RTT 95-10039, October), P.151-154.

² Heinson G. Soehne und Weltmacht: Terror im Aufstieg und Fall der Nationen, Zuerich, Orell Fuessli Verlag AG, 2006. - S 75.

³ The LTTE in brief / The Permanent Mission of Sri Lanka to the United Nations Office at Geneva, 2008. – P.2.

⁴ Heinson G., *ibid*, S. 161.

**О ПОЛЬЗЕ И МНОГООБРАЗИИ «ДРУГИХ»:
ПРОБЛЕМЫ ИНАКОВОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ
БОЛГАРСКИХ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ**

Балканските идентичности в българската култура / съст. Н. Аретов. – София: Издателство «Кралица Маб», 2003. – Т. 4. – 383 с. ISBN 954-533-054-6

Да мислим Другото – образи, стереотипи, кризи / съст. Н. Аретов, ред. Н. Данова, Р. Заимова, Н. Чернокожев. – София: Издателство «Кралица Маб», 2001. – 512 с. ISBN 954-533-045-7

Въпреки различията: интеркултурни диалози на Балканите / съст. Н. Аретов. – София: Академическо издателство «Проф. Марин Дринов», 2008. – 368 с. ISBN 978-954-322-251-3

Модерността вчера и днес / съст. Р. Заимова, Н. Аретов. – София: Издателство «Кралица Маб», 2003. – 397 с. ISBN 954-533-053-8

Вероятно, значителна част от обществата в Европейската Европа следва да се интерпретират като транзитни, преходни от авторитаризма към демокрацията. В подобни общества актуализираните са националните проблеми, противоречията между различните етнически и религиозни групи. Всички тези фактори придават особена актуалност на изучаването на проблемите на национализма, в особенност – на образите на Другото. Концептите за другост и инаковост са универсални и се развиват в мнозинството европейски национализми. България, която в миналото претърпяла значителни изпитания, свързани с загубата на независимост, след като мюсюлманският турски, принадлежала към числото на хетерогенни страни, но в настоящето време (поради успешното или последователното строителство на национално държавство) представлява хомогенно общество.

Подобна проблематика привлича значително внимание от българските ученици. На протежението на 2000-те години в България са излизали няколко колективни изследвания, посветени на проблемите на Другостта¹ в контекста на развитие на нацията, национализма и идентичността.

По мнението на българския историк на литературата Николай Аретов², на протежението на двата последни века проблемите за другост и инаковост в българския културен контекст са подлегнали на значителна мифологизация. Мифологизацията на идентичността е привела до появата на мифологизирани и идеологизирани образи на национални герои, които са призвани да актуализират концепта за българскостта и да отделят идентичността на България от другите алтернативни проекти, които са се развивали и предлагали от други толкова динамично национализиращи общности на Балканите. В този контекст наличието на национални мифове, структурно и институционално оформени в национална мифология, играело централна роля в легитимацията на българския национален проект. С дру-

гой стороны, Н. Аретовым подчеркивается и то, что оппозиция «свое» – «чужое» играет особую роль в разграничении различных сообществ в культурном, этническом и религиозном отношении³.

Сферы проявления и развития образов дружести / инаковости в Болгарии отличаются значительным разнообразием. Нарративы, призванные создать образ Других широко были представлены не только в художественных текстах, но и в научной и учебной литературе. По мнению Нади Дановой⁴, особую роль в формировании концептов инаковости играют учебники, которые могут в зависимости от ситуации «формировать негативные национальные стереотипы». На протяжении истории в болгарской учебной литературе в качестве Других фигурировало несколько этнических групп, первыми из которых были греки. Тенденции к демонизации греков в болгарской идентичности восходят к деятельности Паисия Хилендарского, несмотря на общность религии. С другой стороны, Н. Данова полагает, что «определяющую роль в идентификационных процессах в регионе играл религиозный принцип»⁵. В 1840-е годы в отражении образов Других стали заметны новые тенденции: болгарские авторы стали отражать позитивные и положительные качества Других, но эти другие были нейтральны в отношении самих болгар и поэтому составители учебников начали писать о немцах⁶, французах и англичанах не только как о Других, но и как о тех сообществах, у которых болгарам следует заимствовать технические достижения.

В значительной степени негативное отношение к грекам в рамках болгарского интеллектуального дискурса стимулировалась процессами национального строительства в самой Болгарии. Саня Велкова⁷, например, показывает прямую зависимость между практиками национальной коммеморации, строительством нации и функционированием образов греков как универсальных Других: волны антигреческих настроений совпали с празднованием тысячелетия Симеоновой Болгарии в 1927 году. Кроме этого стремление болгарских национально ориентированных интеллектуалов воссоздать и возродить «духът на българското Средновековие», «духът на българското Възраждане», «духът на нацията», «характерните черти на българката», «националният тип», «българският национален гений» также делали весьма привлекательными греческие образы для развития концептов Дружести и Инаковости.

В первой половине XIX века наметились тенденции к сближению Болгарии и Европы. Как отмечает Надя Данова⁸, возникает «буржуазная структура болгарского общества», но эта социальная и экономическая метаморфоза почти не отражается на функционировании представлений о Других в болгарском сознании, в котором были сильны «традиционные ментальные структуры». Сближение с Европой для Болгарии носило, как правило, односторонний характер. Болгария почти не испытала влияния со стороны новых моделей отношения к Другим, которые возникают в Европе. Между тем, в самой Европе отношении к болгарам было разнообразным⁹. Образо-

ванные европейцы были не готовы видеть в болгарях равных себе и поэтому болгарские образы строились вокруг концептов «цивилизация» и «варварство»¹⁰. Нередко болгары воображались европейцами как «полуварварский» народ, что было вызвано неготовностью европейцев к столь быстрому и динамичному сползанию Османской Империи в Малую Азию и появлением на Балканах новых стран, элиты которых стремились использовать европейские модели управления. Подобные трансформации европейских периферий в прошлом дают болгарским исследователям, например – Аделине Странджевой¹¹, возможность ставить вопрос о подвижности культурных и политических границ Европы, постепенном расширении европейского пространства в результате развития национальных движений на Балканах и появления в этом регионе национальных государств.

Болгарские исследователи не только анализируют в своих работах греческие образы, но и рассматривают то, как болгарские нарративы на протяжении истории трансформировались в самой Греции. Саня Велкова¹², например, полагает, что греческой традиции сложился т.н. синдром врага, в котором классическими Другими и историческими противниками греков оказались болгары¹³ и турки. Диапазон коннотаций, которые применялись болгарскими писателями и книжниками на протяжении истории в отношении греков, как показывает Надя Данова¹⁴, мог отличаться значительной широтой, варьируясь от сугубо негативного до нейтрального отношения. В целом, греки к болгарской литературной традиции, в зависимости от ситуации, фигурировали как Другие, но разные Другие – «Престижные Другие», «похитители», «варвары», «религиозные Другие»... Анализируя особенности и основные направления развития греческого национализма, болгарские исследователи подчеркивают, что несмотря на развитие целого комплекса нарративов о Греции как «Пьемонта Балкан» и «оплота западной цивилизации», это не помешало греческим националистам демонизировать болгар, которые в культурном и религиозном отношении были к ним более близки, чем турки-мусульмане.

Наряду с греками в болгарском самосознании в качестве Других фигурируют и румыны¹⁵. Анализируя особенности образа румына в болгарском национальном воображении, Благовест Нягулов¹⁶ подчеркивает, что на протяжении длительного времени болгарский и румынский национализмы развивались в сходных условиях доминирования (в зависимости от исторической эпохи) этнического национализма или коммунистической идеологии. Разграничению двух наций и в конечном счете превращению румын в Других для болгар способствовало то, что Румыния как независимое государство возникло раньше, румынские элиты имели более тесные отношения с Западом и акцентировали внимание на принадлежности страны к романской (латинской) цивилизации. Окончательному превращению румын не просто в Других, но опасных Других, способствовала вторая балканская война, в которой столкнулись интересы Болгарии и Румынии¹⁷. В начале XXI века румынские образы в болгарском самосознании начали меняться,

становится если не позитивными, то в большей степени европейскими, что было связано с одновременным вступлением Болгарии и Румынии в ЕС.

Болгарский исследователь Данчо Господинов¹⁸, анализируя концепты дружости, подчеркивает их значительное символическое значение для развития того или иного сообщества. Символический контент подобных конструктов практически всегда имел в балканской истории социальное измерение, связанное с тем, что различные национальные и религиозные группы были вынуждены играть разные социальные роли, связанные с их доминированием над одними группами или подчиненностью другим группам. Символический пласт идентичности играл и значительную роль в легитимации или, наоборот, непризнании и отрицании тех или иных политических и религиозных состояний – в первую очередь зависимости. Подобное доминирование преимущественно религиозного самосознания делало невозможным возникновение национальной идентичности. В контексте болгарской истории переход от религиозной к национальной системе координат стал возможен благодаря деятельности Паисия Хилендарского, который предпринял попытку вывести болгар за пределы христианского универсализма, наделив их национальной историей.

Фигура Паисия, о котором речь шла выше, привлекает особое внимание со стороны болгарских интеллектуалов. Тодор Христов¹⁹ полагает возможным интерпретировать деятельность Паисия в контексте теории национализма (теория воображаемых сообществ Бенедикта Андерсона) и постколониального анализа. Болгарские исследователи подчеркивают, что полемизируя с греческими православными священниками, Паисий сыграл значительную роль в развитии болгарского самосознания, способствуя его постепенной трансформации из христианского / православного в национальное / болгарское. В этом контексте деятельность Паисия способствовала актуализации в болгарской идентичности универсальных для любого национализма концептов инаковости. В болгарском случае наилучшими кандидатами на статус универсальных Других оказались греки, инаковость которых и была в значительной степени актуализирована усилиями Паисия.

В большей степени концепты инаковости были актуализированы в период Национального Возрождения. Николай Чернокожев²⁰, анализируя трансформации образов дружости, полагает, что особую роль играли две формы их восприятия – восприятие через голос и восприятие через текст – которые олицетворяли две формы культуры – культуру низкую, устную и культуру высокую, письменную. С другой стороны, обе эти формы отражения инаковости играли свою роль в процессе культурной легитимации – различных практиках оправдания национализации культурного пространства в Болгарии, его трансформации из традиционного и донационального в национальное болгарское. Именно национальный уровень, связанный с деятельностью образованного меньшинства, сыграл особую роль в формировании культурного и языкового пространства на Балканах: формула сербского националиста Вука Караджича «Пиши као говориш!» стала сти-

мулом для формирования не только новых литературных языков, но и границ, создатели которых отделяли одни национализизирующиеся сообщества от других и тем самым способствовали развитию концептов инаковости.

Эти концепты могли в значительной степени отличаться и варьироваться. Лидия Михова²¹ полагает, что в болгарском сознании XIX века Чужие могли быть как Своими, так и Другими, то есть болгары могли сопоставлять и соотносить себя с другими сообществами, а также – относиться к ним крайне негативно, ощущая себе превосходящей группой. Подобная иерархия в болгарской идентичности возникла под влиянием двух факторов. С одной стороны, во внимание следует принимать османскую политическую традицию деления населения Империи по религиозному принципу. С другой, в XIX столетии в большей степени начинает проявляться европейское влияние, связанное с тем, что незначительная часть болгар начинает получать образование в Европе²², откуда приносит европейские формы и принципы классификации людей не по религиозному, а по национальному и политическому принципу.

Европейское влияние – одна из популярных тем в современных исследованиях, посвященных проблемам развития идентичности. Балканские авторы, начиная с XVIII века, проявляли немалый интерес к Европе. В развитии этой заинтересованности, как полагает Илия Конев²³, можно условно выделить два этапа: этап очарованности Европой, как свободным Западом, и этап разочарования, когда балканские политические и культурные деятели осознали, что Запад не намерен оказывать реальной помощи в деле освобождения от турок. Болгарские авторы уделяют этой теме значительное внимание, так как она имеет принципиальное значение в контексте европейского политического и культурного выбора страны. В частности Витана Костадинова²⁴ анализирует трансформации образа Байрона и байроновского наследия в рамках «болгарского культурного пространства». Образ британского поэта оказался востребованным в Болгарии и в том смысле, что Байрон в некоторой степени символизировал борьбу балканских народов за независимость. Байрон в болгарском интеллектуальном пространстве устойчиво ассоциировался с Европой, с Англией.

Кроме этого, анализируя проблемы развития идентичности в Болгарии XIX века, болгарские историки уделяют особое внимание проблемам русско-болгарских отношений и формированию взаимных образов друг друга, стремясь преодолеть тем самым негативное наследие идеологически выверенной социалистической болгарской историографии. Болгарская исследовательница Дечка Чавдарова²⁵ полагает, что интерес к Болгарии среди русских интеллектуалов возникает в начале XIX века и на протяжении первой половины столетия не шел дальше идеализированных описаний поработанных турками православных славян. В результате, как полагают болгарские авторы, в русской культуре возник «миф болгарско-русской дружбы», который имел гендерный уровень, проявлявшийся в том, что, например, в текстах А. Вельтмана болгарки символизировали женское, а русские муж-

ское начало. Позднее эти гендерные темы обрели и социо-культурное звучание: болгарское стало ассоциироваться со стихийным и природным, а русское – с цивилизацией. Постепенно в русском культурном пространстве болгары стали представлять как жертвы инокультурного и инорелигиозного насилия. С другой стороны, болгарские интеллектуалы проявляли и немалый интерес в отношении Америки²⁶, которая, воспринимаясь как часть большого западного культурного и политического проекта, нередко идеализируясь, олицетворяла собой модель успеха и динамичного развития.

Если Европа, а также Америка и Россия (как две версии или модификации первой) в болгарском интеллектуальном пространстве в большей степени воспринимаются как Другие в контексте не чуждости, а только некой инаковости и неболгарскости, наряду с такими в принципе культурно «своими», интегрируемыми в болгарский контекст, образами фигурируют и однозначно «Чужие» образы, наиболее важными из которых следует признать турецкие. Болгарская исследовательница Рая Заимова²⁷ подчеркивает, что в болгарской идентичности концепт / образ «турчин» / «турчинът» был универсальным культурным кодом для обозначения всех мусульман Востока, которые представляли угрозу христианам. В этом отношении болгарские средневековые авторы проявили себя как бесспорные европейцы потому, что аналогичные образы турка в качестве «бича Божьего» фигурировали и в других европейских литературных традициях. Постепенно в большом европейском контексте, в том числе – и в болгарской традиции, образ турка изменился: на смену «турчину» как агрессору и завоевателю пришел «турчинът» в качестве «символа экзотического Ориента».

Концепт «турчин» / «турчинът» в болгарской идентичности имел и еще одно измерение чуждости, связанное со значительными способностями Востока трансформировать Запад / Европу для себя и под себя. В данном случае речь идет о феномене янычар – явлении, от которого в период турецкого господства на Балканах пострадали многие христианские народы, в том числе – и болгары. Болгарская исследовательница Веселина Димова²⁸ анализирует особенности трансформации идентичности бывших христиан, которые попадали в инокультурное и инорелигиозное окружение на примере текста «Записки янычара», автором которого считается Константин Михайлович из Островице. По мнению болгарской исследовательницы В. Димовой, такой тип идентичности можно определить как «принудительно наложенная дружба» на раннее христианскую идентичность. Кроме этого болгарскими исследователями, например – Панайотом Карагъзовым²⁹, подчеркивается и то, что сложные отношения между исламом и христианством породили ряд литературных памятников, связанных с мученичеством христиан, католиков и православных, которые пали жертвами мусульман. Развитие подобной литературы способствовало закреплению за исламом репутации неевропейского феномена, что влияло на функционирование в балканских литературах образов мусульман как универсальных Других. Этот статус принципиально Другости сохранялся за турками на протяже-

нии длительного времени. Культурное, интеллектуальное и ментальное отторжение турок как Других стало более заметным в результате ослабления Османской Империи и начала, по словам Ивана Пырвева³⁰, «деосманизации» Юго-Восточной Европы, вызванной тем, что войны между Европой и турками трансформировались из религиозных в войны со светскими и политическими целями.

Изучение концептов Другости и Инаковости играет особую роль в функционировании современных гуманитарных исследований в Болгарии. Оно способствует оригинальному переосмыслению достижений гуманитарных наук прошлого, содействуя междисциплинарному сближению истории, истории литературы, этнологии, культурологии, политологии. В подобной ситуации современная болгарская историография развивается в условиях междисциплинарного синтеза, а также активного использования достижений западных гуманитарных наук, связанных с изучением национализма, этничности, идентичности и взаимных представлений. Развитие болгарского гуманитарного знания именно в рамках подобной модели свидетельствует не только о его интеграции в западный контекст, но и о значительном адаптивном потенциале, способности воспринимать и интегрировать новейшие достижения западных исследователей наций и национализма.

М.К.

---

¹ Болгарскими авторами издан ряд сборников статей, посвященных проблемам инаковости и другости в контексте болгарской и балканской истории. См.: Балканите: образът на соседа. – София, 2003; Да опознаем своите съседи. Образът на «другия» в литературата на Балканите. – София, 2002; Образът на «другия» в учебниците по история на балканските страни. – София, 1998; Представата на «другия» на Балканите / ред. Н. Данова, В. Димова. – София, 1995.

² Аретов Н. Типология на Своя и Другия в ранната българска национална митология / Н. Аретов // Да мислим Другото – образи, стереотипи, кризи / съст. Н. Аретов, ред. Н. Данова, Р. Заимова, Н. Чернокожев. – София, 2001. – С. 9 – 24.

³ Аретов Н. Свой и чужд в балканските култури / Н. Аретов // Въпреки различията: интеркултурни диалози на Балканите / съст. Н. Аретов. – София, 2008. – С. 9 – 12.

⁴ Данова Н. Българските учебници през епохата на утвърждаването на националната идентичност и образите на «другите» / Н. Данова // Да мислим Другото – образи, стереотипи, кризи. – С. 326 – 341.

⁵ Данова Н. Проблемът за националната идентичност в учебникарската книжнина, публицистиката и историографията през XVIII – XIX / Н. Данова // Балканските идентичности в българската култура / съст. Н. Аретов. – София: Издателство «Кралица Маб», 2003. – Т. 4. – С. 11 – 91.

⁶ Данова Н. Образът на Германия и германците в българската книжнина XVI – XIX в. / Н. Данова // Литературна мисъл. – 1997. – № 2. – С. 33 – 52.

⁷ Велкова С. Българи и гърци: елементи от взаимната им оптика през XX век / С. Велкова // Балканските идентичности в българската култура. – Т. 4. – С. 133 – 158.

⁸ Данова Н. Идеите на Просвещението и модернизацията на менталитетите / Н. Данова // Модерността вчера и днес / съст. Р. Заимова, Н. Аретов. – София, 2003. – С. 10 – 23.

⁹ Заимова Р. Българската тема в западноевропейската книжнина / Р. Заимова. – София, 1992. См. также: Аретов Н. Българското възраждане и Европа / Н. Аретов. – София, 1995.

¹⁰ Заимова Р. «Цивилизация – варварство» и образът на българина (XIX – началото на XX в.) / Р. Заимова // Модерността вчера и днес. – С. 104 – 116.

-
- ¹¹ Странджева А. Европа и подвижността на културните граници / А. Странджева // Модерността вчера и днес. – С. 126 – 133.
- ¹² Велкова С. «Българският съсед» в гръцката книжнина / С. Велкова // Да мислим Другото – образи, стереотипи, кризи. – С. 342 – 352.
- ¹³ О възприятии болгар в гръцеской книжной традиции см.: Данова Н. Българите в гръцката книжнина през XVIII и началото на XIX век / Н. Данова // Балканистика. – 1986. – № 1. – С. 252 – 271.
- ¹⁴ Данова Н. Образи на гърци и западноевропейци в българската книжнина през XVIII – XIX / Н. Данова // Балканските идентичности в българската култура. – Т. 4. – С. 92 – 132.
- ¹⁵ Станчева Р. Литературният образът на румънците / Р. Станчева // Представата за «другия» на Балканите. – София, 1995. – С. 196 – 201.
- ¹⁶ Нягулов Бл. Румънците и Румъния в българската книжнина (1878 – 1989) / Бл. Нягулов // Балканските идентичности в българската култура. – Т. 4. – С. 183 – 208.
- ¹⁷ Нягулов Бл. Образът на «врага» у българи и румънци по време на войната / Бл. Нягулов // Тутраканската епопея и освобождението на Добруджа. – Тутракан, 1996. – С. 225 – 238.
- ¹⁸ Господинов Д. Алтернативни символни вселени в българското възрожденско общество / Д. Господинов // Да мислим Другото – образи, стереотипи, кризи. – С. 25 – 34.
- ¹⁹ Христов Т. Разногласието у Паисий / Т. Христов // Да мислим Другото – образи, стереотипи, кризи. – С. 35 – 49.
- ²⁰ Чернокежев Н. Възрожденските другости – гласът и писмото / Н. Чернокежев // Да мислим Другото – образи, стереотипи, кризи. – С. 50 – 56.
- ²¹ Михова Л. Чужденецът – свой и друг / Л. Михова // Да мислим Другото – образи, стереотипи, кризи. – С. 57 – 66.
- ²² Аретов Н. Българското Възраждане и Европа / Н. Аретов. – София, 1995.
- ²³ Конев И. Европа между очарованието и разочарованието на Балканите през XVII – XIX в. / И. Конев // Да мислим Другото – образи, стереотипи, кризи. – С. 192 – 203.
- ²⁴ Костадинова В. Български образи на Байрон / В. Костадинова // Да мислим Другото – образи, стереотипи, кризи. – С. 67 – 75.
- ²⁵ Чавдарова Д. Стереотипът на българина в руската култура на XIX век / Д. Чавдарова // Да мислим Другото – образи, стереотипи, кризи. – С. 130 – 142.
- ²⁶ Йорданова Ю. Rhapsody in Blue: българският литературен проект на Америка / Ю. Йорданова // Да мислим Другото – образи, стереотипи, кризи. – С. 76 – 86.
- ²⁷ Заимова Р. Образът на «турчина» – между Ренесанса и Просвещението / Р. Заимова // Да мислим Другото – образи, стереотипи, кризи. – С. 163 – 170.
- ²⁸ Димова В. Другостта кадо следствие от изгубената сила идентичност: «Записки на еничара» на Константин Михайлович от Островице / В. Димова // Да мислим Другото – образи, стереотипи, кризи. – С. 171 – 181.
- ²⁹ Карагъзов П. Сблъсъка на религиите: първите свети мъченици – съпротивили на исляма / П. Карагъзов // Въпреки различията: интеркултурни диалози на Балканите / съст. Н. Аретов. – София, 2008. – С. 60 – 74.
- ³⁰ Първев И. Да бъде или да не бъде. Размисли за деосманизацията на Югоизточна Европа през 1789 г. / И. Първев // Модерността вчера и днес. – С. 47 – 60.

ВООБРАЖАЯ И КОНСТРУИРУЯ БАЛКАНЫ: ТРАДИЦИИ БАЛКАНИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ БОЛГАРСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Иванова Е. Балканите: съжителство на вековите / Е. Иванова. – София: Нов български университет, 2005. – 414 с. ISBN 954-535-413-5

Болгария – одна из наиболее крупных балканских стран, политические и интеллектуальные элиты которой в прошлом в значительной степени были склонны к политическому экспансионизму, строительству «Великой Болгарии», рассматривая Балканы как пространство для применения болгарского национального гения и реализации особой исторической миссии Болгарии. Конец подобным aspirations положили две мировые войны, которые для Болгарии закончились крайне неудачно. Крах балканского политического эксперимента под эгидой Болгарии не означал вместе с тем завершения исследований болгарских ученых, посвященных Балканскому региону – его истории, культуре, национальным отношениям. Политические перемены конца 1980-х – начала 1990-х годов, крах авторитарных режимов, новые этнические и религиозные конфликты, сближение региона с Западом – все эти факторы стимулировали рост интереса со стороны болгарских исследователей к балканской проблематике, что привело к появлению ряда интересных как коллективных¹, так и авторских (в том числе – и переводных²) исследований, посвященных проблемам наций, национализмов и идентичностей на Балканах.

Среди актуальных работ болгарских авторов, посвященных балканской проблематике, следует упомянуть книгу Евгении Ивановой «Балканы: сосуществование веков» (2005)³, которая не только затрагивает широкий круг проблем, связанных с развитием наций и национализмов в этом регионе, но и служит неким развитием классических работ Марии Тодоровой⁴.

Анализируя специфику Балканского региона, Е. Иванова⁵, идя в след за западными исследователями воображаемой географии⁶, уделяет особое внимание происхождению самого термина «Балканы», который является относительно новым изобретением и появился только в XIX веке, заменив собой термин «Европейская Турция». Осложнению оформления понятия «Балканы» способствовало и то, что этот регион оставался мультикультурным и полирелигиозным. Е. Иванова полагает, что термин «Балканы» в большей степени соотносится со спецификой региона, чем альтернативная дефиниция «Юго-Восточная Европа». Формирование более конкретного и четкого определения «Балкан» осложняется сосуществованием как восточных, так и западных культурных традиций, что дает возможность исследователям и публицистам писать о «Западе на Востоке» или «Востоке на Западе». Проблема осложняется и тем, что на протяжении длительного времени мыслители Балкан были лишены как культурной, так и политической самостоятельности и, поэтому, концепт «Балкан» формировался на не са-

мом Балканском полуострове, а в Западной Европе. Именно поэтому в XIX столетии Балканы в интеллектуальном воображении Европы существовали как зона почти безусловного доминирования варварства.

В большей степени ситуации с уточнением «балканской» дефиниции осложнилась в начале XX века, когда, как подчеркивает Е. Иванова, начался процесс балканизации, который определяется большинством исследователей как появление малых государств со смешанным населением и неразвитыми экономиками. Постепенно балканизация обрела и другое измерение, связанное с ростом национализма, как правило, этнического, а также с политизацией истории. История на Балканах в значительной степени писалась как политизированная, связанная с национальными предпочтениями тех или иных элит, что привело к ее трансформации из просто или только истории в «балканскую историю». Эти проблемы и позволили некоторым западным авторам отказывать Балканам в европейском статусе, что, как полагает Е. Иванова, стимулировало в регионе рост местных идентичностей, национальных и религиозных, которые не вписывались в западные концепты политической гражданской нации, но культивировались «европеизированными балканцами».

Поэтому, как подчеркивает Е. Иванова, на Балканах возникло несколько версий балканских идентичностей. Румынская версия подобной идентичности базировалась на идее романской изолированности в славянском окружении; хорватская активно использовала религиозный фактор, подчеркивая близость к Западу; словенская вообще ставила под сомнение пребывание Словении на Балканах; греческая апеллировала к античному наследию и неславянскому характеру населения; албанская сочетала религиозные и этнические факторы, связанные как с причастностью к исламу (одной из мировых религий), так и принадлежностью к иллирам (группе, которая ранее занимала гораздо большие территории на Балканах); сербская базировалась на православии и сербском, в значительной степени – этнизированном, национализме; болгарская и вовсе попыталась установить однозначные и категоричные корреляции между «балканским» и «болгарским».

Эти идентичности активно манипулировали историей, способствуя формированию исторических мифов, в первую очередь – этногенетических, что проявилось в поиске балканскими нациями великих предков. С другой стороны, особую роль в их развитии играл религиозный фактор, связанный как с сосуществованием православия и католицизма, а также с проникновением ислама, который способствовал формированию новых – албанской и боснийской – идентичностей. Кроме этого, история балканских идентичностей – это и часть имперской истории: Балканы испытали значительное влияние по меньшей мере двух империй – Империи Габсбургов и Османской Империи. Плодами влияния первой воспользовались в наибольшей степени хорваты, которые с империей связывали идею политической эмансипации. Результаты пребывания второй были более противоречивы и оказались связаны с идентичностными изменениями в Боснии и Албании.

Попытки модернизации, развитие освободительных национализмов в XIX веке, появление независимых государств – все эти факторы не могли коренным образом изменить ситуацию, которая сложилась на Балканах. Тем не менее, на Балканах сложились нации, которые определяются Е. Ивановой в стиле Б. Андерсона как «воображаемые сообщества», интеллектуалы которых сконструировали их истории и языки. Анализируя эти процессы, Е. Иванова полагает, что модернизационные начинания проевропейски ориентированных элит столкнулись с балканским традиционализмом, определяемым ею как «наследство архаики». Это «наследство» проявилось в сохранении общины, значительной роли коллективизма, существованием клановости и клановой культуры. Борьба между европеизированными элитами и интеллектуалами против традиционализма шла с переменным успехом, показателем чего является развитие университетского образования.

Рассматривая развитие высшего образования на Балканах, Е. Иванова показывает, что первые университеты появились в Греции (1837) и Сербии (1844), затем – в Румынии (1860 – Яссы, 1964 – Бухарест), а Албания обрела свой первый классический университет только в 1957. В подобной ситуации замедленно динамики балканские интеллектуалы нередко становились потребителями тех идей, которые возникали на Западе. Поэтому Балканы в большей степени стали конструктором Запада, чем результатом научного творчества местных интеллектуалов. Позднее Балканы также развивались в качестве конструктора, на территорию которого переносили различные идеологии (от либерализма до фашизма) и политические режимы (просоветские режимы второй половины 1940-х – конца 1980-х годов), что завершилось началом перехода к демократии в конце 1980-х – начале 1990-х годов. В результате Балканы сохранили свой значительный региональный колорит, который проявляется в политических и этнических противоречиях. И поэтому, в зависимости от ситуации Балканский регион фигурирует как «механически воспроизведенный образ» или «сознательная политическая спекуляция».

Завершая настоящий обзор, во внимание следует принимать ряд факторов. Евгения Иванова создала оригинальное и интересное исследование, посвященное изучению феноменов балканских национализмов и идентичностей. Работа Е. Ивановой обладает рядом бесспорных достоинств. Во-первых, междисциплинарный характер: текст написан на стыке исторических и политических наук. Во-вторых, интеграция авторского текста в западный исследовательский канон, что придает книге еще большую научность и академичность в контексте в значительной степени политизированной академической науки в Болгарии. В-третьих, книга получилась именно балканской, она не написана в этнической, исключительно и преимущественно болгарской системе координат. Поэтому на ее страницах нашлось место не только болгарским, но и словенским и хорватским сюжетам. Вероятно, появление исследования Е. Ивановой свидетельствует не только о значительном научном потенциале современного болгарского интеллекту-

ального сообщества, но и начала процесса постепенного отказа от примордиалистских и этноцентричных описаний прошлого. В подобной ситуации остается выразить сожаление и тому факту, что исследования Е. Ивановой практически неизвестны российским славистам, не переведены на русский и вряд ли станут объектом перевода.

М.К.

---

¹ Балканските идентичности в българската култура / съст. Н. Аретов. – София, 2003. – Т. 4; Да мислим Другото – образи, стереотипи, кризи / съст. Н. Аретов, ред. Н. Данова, Р. Заимова, Н. Чернокожев. – София, 2001; Въпреки различията: интеркултурни диалози на Балканите / съст. Н. Аретов. – София, 2008.

² Китромилидис П. От кръста към флага. Аспекти на християнството и национализма на Балканите / П. Китромилидис / състав., прев., науч. ред. В. Тодоров. – София, 1999.

³ Иванова Е. Балканите: съжителство на вековете / Е. Иванова. – София, 2005.

⁴ Тодорова М. Балкани. Балканизъм / М. Тодорова. – София, 1999.

⁵ Иванова Е. Малцинства и глобализация / Е. Иванов // Глобализацията и новите граници на политическото. – София, 2004; Иванова Е. Османското нашествие на Балканите: миротворчески интерпретации / Е. Иванова // Българска етнология. – 2004. – № 2; Иванова Е. Отвърлените «приобщени» или процеса, наречен «възродителен» (1912 – 1989) / Е. Иванова. – София, 2002; Иванова Е. Родопите като път и граница / Е. Иванова // Българска етнология. – 2000. – № 4.

⁶ Классические тексты, написанные в «воображаемой» / «имагинативной» парадигме в 1990 – 2000-е годы были переведены на болгарский язык. См.: Голдсуьорди В. Измислянето на Руритания. Империализмът на воображението / В. Голдсуьорди. – София, 2004.

НОВАЯ КНИГА О РУССКОМ НАЦИОНАЛИЗМЕ

Проблемы истории русского национализма относятся к числу дискуссионных тем в современной российской историографии. Русский национализм связан с многочисленными мифами и стереотипами. Число исследований о русском национализме во второй половине XX века незначительно. Книга российского историка Артёма Фоменкова является интересной попыткой проанализировать основные тенденции и направления идеологического и интеллектуального развития русского национализма.

Ключевые слова: историография, русский национализм, история русского национализма

The problems of Russian nationalism history belong to the number of debatable in contemporary Russian historiography. Russian nationalism is linked with the numerous myths and stereotypes. The number of scholar researches about Russian nationalism in the second half of XX age is insignificant. The book of Russian historian Artiom Fomenkov is an interesting attempt to analyze basic tendencies and directions of Russian nationalism ideological and intellectual developments.

Keywords: historiography, Russian nationalism, history of Russian nationalism

Проблеми історії російського націоналізму відносяться до числа дискусійних питань в сучасній російській історіографії. Російський націоналізм пов'язаний з численними міфами і стереотипами. Число досліджень про російський націоналізм в другій половині XX століття незначне. Книга російського історика Артёма Фоменкова є цікавою спробою проаналізувати основні тенденції і напрями ідеологічного і інтелектуального розвитку російського націоналізму.

Ключові слова: історіографія, російський націоналізм, історія російського націоналізму

Артём Фоменков, Русский национальный проект. Русские националисты в 1960-е – первой половине 1990-х годов / А. Фоменков. – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. – ISBN 978-3-8433-0932-5

Развитие и функционирование гуманитарных и общественных наук в России отмечено ростом междисциплинарности. Среди направлений современного знания, которые активно используют методы междисциплинарного синтеза, особое место занимают исследования национализма, которые основаны на методах исторических, социальных, политических и экономических наук. Особое место среди исследований о национализме, которые выполняются в России, занимают работы, посвященные русскому национализму. Русский национализм – тема чрезвычайно сложная и противоречивая. Современная Российская Федерация, как известно, принадлежит к числу многонациональных государств, где существует немало неразрешенных этнических проблем и национальных противоречий. Поэтому в отношении русского национализма как объекта / предмета исследования нередко существует некая предубежденность. Научных исследований о русском национализме во второй половине XX века, к сожалению, крайне мало¹.

В подобной ситуации интересным событием стала публикация в международном издательстве «LAP Verlag» книги российского исследователя, сотрудника ННГУ им. Н.И. Лобачевского «Русский национальный проект»

Артема Фоменкова, посвященной истории русского национализма 1960-х – первой половины 1990-х годов.

Анализируя проблемы русского национализма, А. Фоменков указывает на специфику сложившейся историографической и связанной с ней, более общей, интеллектуальной ситуации, при которой русский национализм подвергся существенной маргинализации, что проявилось как в его критике справа и слева, так и в последовательной, как правило, негативной и отрицательной мифологизации². С другой стороны, не только изучение русского национализма, но и само функционирование русской нации, как политического сообщества, в значительной степени осложнено чрезвычайной размытостью самого понятия «русские» в общественно-политическом дискурсе современной России³.

Размывание этого концепта привело к кризису русской идентичности, о чем, в частности, и пишет А. Фоменков, справедливо указывающий на то, что сложные политические процессы XX века, отсутствие внятной, четкой и сбалансированной национальной политики привели к тому, что современная Российская Федерация начинает восприниматься некоторыми политиками как некое искусственное и почти случайное политическое образование⁴, как некий конструкт, воображенная конструкция, почти «воображаемое сообщество», хотя, вероятно, большинство адептов подобной точки зрения с классической работой Б. Андерсона⁵ вряд ли знакомы.

Значительное внимание А. Фоменков уделяет проблемам развития русского национализма в СССР. Вероятно, именно эта часть работы является наиболее интересной, хотя ее автор, скорее всего, обречен на сравнение с известной книгой Н. Митрохина. Анализируя развитие русского национализма в СССР, А. Фоменков в целом следует за традицией, которая сложилась как в российской⁶, так и в зарубежной историографии, связанной с изучением русского национализма: в условиях существования авторитарного политического режима национальное из политической сферы нередко мигрирует в область культуры и искусства. Именно поэтому в качестве русских националистов в исследовании А. Фоменкова, как и в работах других российских исследователей национализма⁷, фигурируют русские писатели, известные как «деревенщики»⁸. Подобное восприятие существенно расширяет диапазон мнений, которые высказываются в литературе, способствуя разрушению канонов традиционалистской и нормативной историографии.

Интересным и оригинальным является предположение А. Фоменкова о том, что «деревенщики», формально являясь советскими писателями и будучи глубоко интегрированными в существовавшую систему, фактически активировали русское национальное самосознание, пойдя на фактический разрыв с признанным в СССР единственно правильным методом социалистического реализма⁹. Анализируя развитие русского национализма в советский период, А. Фоменков фиксирует общие тренды, которые были характерны для грузинского, украинского, латышского и других национализ-

мов, а именно – не только особую роль литературы в сохранении и развитии идентичности, но и ведущую роль региональных, республиканских «толстых» и литературных журналов¹⁰ (на страницы которых иногда попадали тексты, которые не вписывались в существовавший в СССР идеологический канон), активность представителей интеллигенции в защите памятников культуры и истории¹¹, которым в Москве и других русских городах, строившимся по единым планам, просто не оставалось места.

Анализируя особенности функционирования неформального русского движения в СССР, А. Фоменков указывает на особую роль такого фактора как национал-большевизм, связанного с попытками синтеза и примирения идеологии национализма с принципами большевизма. В условиях советской политической системы национал-большевизм подвергся значительной маргинализации, что привело к росту, например, антисемитских настроений¹², которые в большей степени были генетически связанными не с дореволюционными тенденциями, а с политической конъюнктурой Советского Союза 1970 – 1980-х годов и весьма натянутыми отношениями с Израилем.

Наряду с теми тенденциями русского национализма, которые в советский период могли проявляться относительно открыто, А. Фоменков особое внимание уделяет и тому течению, которое им определено как «маргинальное»¹³. Русские националисты, которые относились к подобным группам, не могли интегрироваться в то относительно узкое интеллектуальное пространство, в которое успешно вписались те русские националисты, о которых речь шла выше. Особую роль в функционировании «маргинального» течения, как полагает А. Фоменков, играли различные религиозные группы¹⁴ и «фашистские» группы¹⁵. Значительное внимание в книге А. Фоменкова уделено и той роли, которую в развитии русского национализма играли русские, жившие в национальных республиках СССР и РСФСР¹⁶.

Проблемы трансформации русского движения в начале 1990-х годов также оказались в центре внимания А. Фоменкова. Рассматривая проблемы русского национализма, который не только легализовался, но и распался на самые различные группы и течения (от умеренных до радикалов, от сторонников возрождения империи до приверженцев фашизма и нацизма) А. Фоменков показал, что националисты оказались не в состоянии воспользоваться уникальным историческим шансом и оказать значительное влияние (как это, например, имело место в других бывших советских республиках) на развитие политических процессов.

Книга А. Фоменкова обладает некоторыми бесспорными достоинствами. Тематика и проблематика книги являются не только оригинальными, но и актуальными. Книга играет определенную роль в расширении наших представлений о факторе русского национализма в СССР. Особо следует упомянуть и то, что национализм в рецензируемой монографии рассматривается не как некое маргинальное движение, а как преимущественно интеллектуальный проект. Работу А. Фоменкова следует признать и одной из первых отечественных попыток написания линейной (хронологической)

истории русского национализма, что особенно следует приветствовать, принимая по внимание то, что основные центры изучения русского национализма находятся в американских и европейских университетах. С другой стороны, рецензируемая книга могла бы выиграть в случае более активного обращения автора к западным теориям национализма и их приложения к русской истории второй половины XX века, хотя подобная попытка, вероятно, содействовала бы общему размыванию концепции. В целом, монографию А. Фоменкова в условиях почти полного отсутствия (за исключением нескольких работ) оригинальной российской историографии русского национализма следует признать интересной и удачной попыткой если не перевода разговоров и дебатов о национализме на качественно новый уровень, то хотя бы артикуляции существования проблемы русского национализма, о котором в силу разного рода идеологических и политических причин на протяжении 1990 – 2000-х годов предпочитали не вспоминать.

М.К.

---

¹ Классической работой по этой теме, вероятно, следует признать исследование Н. Митрохина, посвященное русскому национализму 1950-х – первой половины 1980-х годов. См.: Митрохин Н. Русская партия: движение русских националистов в СССР / Н. Митрохин. – М., 2003.

² Фоменков А. Русский национальный проект. Русские националисты в 1960-е – первой половине 1990-х годов / А. Фоменков. – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. – С. 3.

³ Фоменков А. Русский национальный проект. – С. 4 – 5.

⁴ Там же. – С. 8.

⁵ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – М., 2001.

⁶ Подробнее см.: Варнавский П. Границы советской бурятской нации: национально-культурное строительство в 1926 – 1929 гг. в проектах национальной интеллигенции и национал-большевиков / П. Варнавский // *Ab Imperio*. – 2003. – No 1.

⁷ Кирчанов М.В. Поморы, книга, традиция: проблемы региональной идентичности в текстах Б. Шергина / М.В. Кирчанов // Проблемы международных отношений, регионоведения и истории. Сборник статей молодых ученых. – Воронеж, 2009. – С. 31 – 40.

⁸ Фоменков А. Русский национальный проект. – С. 18.

⁹ Там же. – С. 20.

¹⁰ Там же. – С.21.

¹¹ Там же. – С. 36 – 37.

¹² Там же. – С. 53 – 55.

¹³ Там же. – С.69.

¹⁴ Там же. – С. 69.

¹⁵ Там же. – С. 112 – 120.

¹⁶ Там же. – С. 121 – 125.

НАЦИЯ, НАЦИОНАЛИЗМ И ДИКТАТУРА В СОВРЕМЕННОЙ БОЛГАРСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Антитоталитарната литература / ред. В. Чернокожев, Б. Кунчев, Е. Сугарев. – София: Издателски център «Боян Пенев», 2009. – 463 с. ISBN 978-954-8712-56-9

Модерният нарратив. Интертекстуални пресичания (Проблеми на българската литература през XX век). Сборник в чест на проф. Елка Константинова / съст. Е. Трайкова, М. Иванова-Гиргинова, П. Ватова. – София: Издателство «Век 21 – Прес» 2006. – 493 с. ISBN – 10: 954-90282-3-2; ISBN – 13: 978-954-90282-3-2

Юда Ц. Под знака на НРБ. Българска култура и литература в капана на идеологията / Ц. Юда / превела от полски С. Борисова. – София: ИК «Колibri», 2006. – 262 с. ISBN – 10: 954-529-444-2; ISBN – 13: 978-954-529-444-0

Исследования национализма и проблем идентичности в современной Болгарии носят комплексный и междисциплинарный характер. В подобной ситуации проблематика, связанная с национализмом, присутствует не только в исторических или политологических исследованиях, но и в многочисленных работах, издаваемых болгарскими авторами, и посвященным истории болгарской литературы. В литературоведческих исследованиях отражен широкий круг проблем, в той или иной степени относящихся к национализму, различным национальным и идентичностным проектам.

На протяжении 2000-х годов болгарскими исследователями был подготовлен целый ряд коллективных изданий, посвященных национализму. В 2006 году Институт литературы БАН опубликовал сборник, посвященный профессору Елке Константиновой «Модерный нарратив, интертекстуальные пересечения», который среди прочих содержит и тексты, посвященные проблемам связи литературы и национализма.

В центре внимания Бисеры Даковой¹ пребывают проблемы истории раннего болгарского модернизма в контексте конфликта традиционной и современной культуры, а также неспособности болгарского общества принять радикальные культурные и идентичностные проекты начала XX века. Болгарский исследователь Сава Сивриев², например, анализирует проблемы развития идентичности в контексте модернизации. В качестве сферы проявления модернизационных перемен им рассматривается литература, а именно – рассказы Петко Тодорова начала XX века. Сивриев полагает, что в 1900-е годы сложились условия для изменения традиционных литературных форм, которые доминировали в Болгарии. Кроме этого изменились и сами персонажи литературных произведений, которые постепенно утрачивают связи со своими социальными отечествами – городом и / или селом –

и начинают себя в большей степени соотносить с нацией, как широким и интегрирующим понятием. Другой болгарский автор Борис Минков³ анализирует конфликт город / негород в контексте утверждения модернистской парадигмы в болгарской литературе. Эти перемены связываются болгарскими авторами с кризисом традиционной культуры и с европейским влиянием.

В работе Бориса Ангелова⁴ содержится интересная и содержательная попытка приложить западные концепты к изучению истории болгарской литературы. Анализируя проблемы свободы и несвободы, он активно использует интерпретации, предложенные М. Фуко. Николай Димитров обращается к западным теоретическим исследованиям о феномене страха⁵, пытаясь проанализировать роль этого феномена в трансформации болгарской идентичности в первой половине XX века. Концепт страха и чувство страха независимая Болгария унаследовала от Османской Империи. Поэтому болгарские интеллектуалы на протяжении длительного времени испытывали чувство вины и осуждения историей за неприятный для национальной памяти период османского господства. Постепенно чувство страха, который граничил с ужасом, сменила «модерновая тревожность», а в первой половине XX столетия в «болгарской литературе имели место два пика страхового расстройств», которые соответственно датируются 1910-ми и 1920-ми годами, когда болгарские интеллектуалы мучительно искали свое место в обществе.

Эти поиски в значительной степени отразились на творческой судьбе болгарского писателя Димитра Димова, в текстах которого с особой силой отразилась традиционная для болгарской культуры оппозиция «свое» / «чужое». Тексты Д. Димова, как полагают болгарские исследовательницы Светлана Стойчева и Юлиана Стоянова⁶, не могут быть отнесены ни к традиционному реализму, ни к массовой культуре. Образы «Других» активно представлены были и в первом романе Д. Димова «Поручик Бенц», среди главных героев которого немецкий офицер, дезертировавший из армии ради болгарки. Анализируя текст романа, Светлозар Игов⁷ указывает на конфликт между гендерами и различными сообществами, выходом из которого становится «суицидальный жест», порожденный, в том числе, и конфликтом от неудачной попытки соединить традиционные для болгарской культуры «родно» и «чуждо». При этом один из романов Д. Димова «Тютюн» хотя и может быть определен как «лакмус для всего болгарского», его автор, тем не менее, не может быть воспринят как болгарский классик. Это связано с попытками отхода от этноцентричной парадигмы, которая характерна для значительной части болгарских интеллектуалов. В текстах Д. Димова «чужое» не маргинализируется по сравнению с болгарским – оно, наоборот, относится к структурообразующим элементам литературного текста.

Особое внимание болгарскими интеллектуалами уделяется проблемам как авторитаризма, так и различных форм и проявлением антиавторитар-

ного протеста, который проявлялся в литературе. Об интересе болгарских интеллектуалов к подобной проблематике свидетельствует проведение конференции «Антитоталитарная революция: преодоление тоталитарного менталитета» (26 – 27 марта 2009 года) и издание коллективного сборника статей «Антитоталитарная революция». Эти мероприятия были приурочены 20 годовщине падения Берлинской стены.

Анализируя проблемы антитоталитарной литературы, Вихрен Чернокожев⁸ полагает, что ее генезис связан с естественной реакцией болгарского общества на принудительную идеологизацию, которая началась во второй половине 1940-х годов. Антитоталитарная литература определяется им как литература, которая защищала гражданские права и свободы. В связи с этим подобный тип литературы воспринимается болгарскими историками как «литература вопреки» – литература, направленная против преследований, репрессий, террора, страха; как болгарская версия литературной резистенции против левых авторитарных режимов⁹, установленных в Восточной Европе во второй половине 1940-х годов. Антитоталитарная литература – это и литература, направленная против сверхполитизации, милитаризации и централизации власти. Рассматривая проблемы антитоталитарного протеста в болгарской литературе, В. Чернокожев указывает на возможность ее восприятия как «другой литературы XX века», которая возникла не благодаря утверждению социалистического реализма, а вопреки ему. Антитоталитарная болгарская литература представляла собой двухуровневый феномен, представленный как эмигрантской литературой¹⁰, так и собственно болгарской, которая не только подверглась наибольшему форматированию, давлению и репрессиям, но и стала основой развития альтернативной и антиавторитарной литературы.

Елка Димитрова, одна из современных болгарских литературоведов¹¹, анализирует соотношения модернизма и антитоталитарной литературы. По мнению болгарской исследовательницы, недемократический режим в Болгарии способствовал редуцированию истории с целью форматирования сознания. С другой стороны, модернизм в Болгарии возник как следствие на недосказанность, неоформленность и незавершенность формирования культурного бразильского пространства, которое не подверглось радикальным переменам и к середине 1940-х годов, то есть к моменту установления в Болгарии авторитарного режима. В подобной ситуации в Болгарии авторитаризм был установлен в обществе, которое не пережило процесс модернизации. В результате власть и писатели оказались не в состоянии вести диалог, что привело к преследованиям и репрессиям против интеллектуалов. Судьбу одного из них, писателя Асена Христофорова, анализирует известный болгарский историк литературы Николай Аретов¹². Н. Аретов полагает, что А. Христофоров (1910 – 1970) как антиавторитарный автор был открыт только в конце 1980-х годов, но так и не получил статус канонического и классического борца против авторитаризма несмотря на то, что в период правления БКП писатель стал жертвой политических преследова-

ний. Подобные трансформации и противоречия в развитии исторической памяти в Болгарии, вероятно, свидетельствуют о незавершенности перехода от авторитаризма к демократии, о том, что болгарское общество пребывает в написании «большой» общей истории авторитарного прошлого, которая консолидировало бы общество.

Болгарские исследователи, анализируя историю болгарской литературы второй половины XX века, полагают, что многие болгарские писатели были неготовы к тому, чтобы воспринять метод социалистического реализма¹³ как единственно правильный и верный. Этот метод был предложен Болгарии извне, а коммунистические власти свято поддерживали его идеологическую монополию, используя специально созданную систему контроля над литературным процессом¹⁴, центральным элементом которой был болгарский аналог советского ГЛАВЛИТа¹⁵. С другой стороны, в современной болгарской историографии и литературоведении предпринимаются попытки найти проявления и элементы антитоталитарной и антиавторитарной идентичности в творчестве болгарских классиков, например – Н. Вапцарова¹⁶. Болгарский исследователь Иван Христов¹⁷, рассматривая литературное наследие Атанаса Далчева, полагает, что болгарское общество без особого энтузиазма восприняло социалистический реализм, чему способствовало стремление писателей писать в соответствии со своими собственными нравственными предпочтениями, а не политическими требованиями власти.

Наряду с публикациями работ болгарских авторов в Болгарии 1990 – 2000-х годов стали доступны исследования, посвященные национальной проблематике в контексте развития литературы, написанные зарубежными историками литературы и переведенные на болгарский язык. В 2006 году, например, было издано исследование польского автора Целины Юды «Под знаком НРБ»¹⁸, впервые вышедшее в 2003 году¹⁹, посвященное проблемам развития идентичности в Болгарии в условиях социалистической диктатуры.

Целина Юда анализирует различные формы идентичности, их проявления, а также трансформации, которые были вызваны политическими трансформациями, превратившими Болгарию в Народную Республику Болгарию, в которой политические свободы носили номинальный характер в условиях доминирования коммунистической идеологии. Целина Юда, анализируя модель развития идентичности, которая доминировала в НРБ, полагает, что та не была привнесена в страну в результате советской трансплантации, но имела свои внутренние истоки, связанные с развитием болгарского коммунизма. С другой стороны, некоторые проявления и формы официальной коммунистической идеологии в Болгарии возникли в результате советского влияния, но при этом сохранили свой уникальный болгарский характер. Вместе в тем на раннем этапе своей истории НРБ была вынуждена следовать советской модели, что, в частности, нашло отражение в политике в отношении церкви. НРБ, подобно СССР, взяла курс на атеиза-

цию, что существенно сказалось на трансформациях и переменах в болгарской национальной идентичности.

Целина Юда полагает, что вместо христианской веры болгарам (как и другим нациям социалистического лагеря) была предложена новая, преимущественно идеологическая религия, основанная на программе правящей Коммунистической Партии. При этом политика БКП в отношении религии не отличалась последовательностью: если Католическая Церковь в НРБ была почти разгромлена, то Православная, хотя и подвергалась преследованиям, тем не менее оказалась в более благоприятном состоянии. Кроме этого, в еще более сложной ситуации оказались другие верующие – болгарские мусульмане – которые коммунистическими властями воспринимались как своеобразные дважды Другие – чуждые религиозно и чуждые социально. Отформатировав религиозное измерение болгарской идентичности, привнеся в него идеологию, коммунистические власти пошли на более радикальные и глубокие эксперименты с идентичностью болгар, предприняв попытку формирования нового массового человека – верноподданного без ярких проявлений личности и индивидуальности.

В результате возник социальный феномен, который Целина Юда определяет как «човек без лице» («человек без лица») – унифицированный потребитель идеологического продукта, в том числе – и в виде художественных текстов. В подобной ситуации литература становится тесно связанной с идентичностью. Целина Юда в связи с этим подчеркивает, что «идентичность в литературе является особым вариантом идентичности и преемственности в национальной истории». Одной из важнейших задач подобных текстов, написанных в соответствии со всеми канонами коммунистической идеологии, было формирование идеологически верного в глазах БКП образа болгарского прошлого и настоящего, которые не вызывало бы вопросов у граждан. В процессе формирования подобной идентичности, как показывает Ц. Юда, принимали участие многие болгарские интеллектуалы – писатели и литературные критики.

Оценки и характеристики, которые Целина Юда дает столпам болгарской литературы второй половины XX века, в значительной степени расходятся с интерпретациями в самой Болгарии, что, вероятно, вызвано тем, что Ц. Юда, как польская исследовательница, не отягощена моральными комплексами, национальными мифами, чувством вины или ностальгией, что характерно для многих болгарских интеллектуалов. В идеологизации прошлого коммунистические теоретики столкнулись с чрезвычайно большими трудностями: им предстояло соединить и период турецкого рабства и Национальное Возрождение. Именно поэтому история в литературных произведениях нередко преподносилась как чрезвычайно тяжелая, жестокая и трагическая дабы на столь неблагоприятном фоне было более легко актуализировать успехи Коммунистической партии. В результате усилиями партийных идеологов и теоретиков в Болгарии был создан новый «глухой, но послушный болгарин». «Глухота» такого «нового человека» носила не фи-

зический, а социальный и культурный характер, равно как и его «послушание» имело преимущественно политические измерения. В подобной ситуации болгарская культура в НРБ была обречена на регионализацию и провинциализацию, чему в значительной степени способствовал разрыв культурных связей с Западом, а также политика многолетнего лидера Болгарии Тодора Живкова, который под лозунгами десталинизации, развития национальной культуры и борьбы против «безыдейности, аполитичности и ревизионизма», фактически содействовал ее консервации.

В целом, монография Целины Юды представляет собой оригинальное и интересное исследование, посвященное проблемам трансформации болгарской идентичности в период существования НРБ. Бесспорно интересной и продуктивной следует признать попытку анализа идентичностных изменений и трансформаций через призму художественных текстов, с одной стороны, и директивной политики Коммунистической Партии, которая предпочитала использовать литературу почти исключительно ради политических целей, направленных на идеологизацию общества, разрушение исторической памяти, разрыв исторической взаимосвязи между Болгарией до и после 1944 года, для создания принципиально новой идентичности. Эта новая версия болгарской идентичности, анализируемая Целиной Юдой, в определенной мере использовала национальные чувства болгар, но исключительно в тех случаях, когда они не противоречили интересам партии. Книга Целины Юды интересна и как взгляд со стороны. Для ее работы, которая не написана болгарской исследовательницей, не характерен, ставший традиционным для значительной части гуманитарных исследований, публикуемых в Болгарии, болгарский этноцентризм. Вероятно, с другой стороны, книга была бы более содержательной, если содержала в себе сравнение болгарского и польского опыта сохранения национальной идентичности в условиях существования коммунистического авторитаризма. Вместе с тем, в рамках избранного стиля и формата исследования, монография Целины Юды остается оригинальным текстом, который, вероятно, может стать творческим и интеллектуальным стимулом для самих болгарских интеллектуалов в деле изучения проблем развития идентичности и национализма в авторитарных обществах.

М.К.

---

¹ Дакова Б. «Несвоевременната» проза на сп. «Художник» / Б. Дакова // Модерният наротив. Интертекстуални пресичания (Проблеми на българската литература през XX век). Сборник в чест на проф. Елка Константинова / съст. Е. Трайкова, М. Иванова-Гиргинова, П. Ватова. – София, 2006. – С. 33 – 44.

² Сивриев С. Модерното повествование в идилиите на Петко Тодоров / С. Сивриев // Модерният наротив. Интертекстуални пресичания. – С. 17 – 23.

³ Минков Б. Градът като място на модерното в творчеството на Георги Райчев / Б. Минков // Модерният наротив. Интертекстуални пресичания. – С. 78 – 87.

⁴ Ангелов Б. Наротивът за вестовая свинар – микрофизика на властта в казармата / Б. Ангелов // Модерният наротив. Интертекстуални пресичания. – С. 24 – 32.

-
- ⁵ Димитров Н. Страхове на модерния човек в българската литература от първата половина на XX век / Н. Димитров // Модерният наратив. Интертекстуални пресичания. – С. 51 – 63.
- ⁶ Стойчева С., Стоянова Ю. Навътре към чуждото – стратегията на едно творчество / С. Стойчева, Ю. Стоянова // Модерният наратив. Интертекстуални пресичания. – С. 162 – 173.
- ⁷ Игов Св. Самоубива ли се поручик Бенц? (Първият роман на Димитър Димов) / Св. Игов // Модерният наратив. Интертекстуални пресичания. – С. 148 – 161.
- ⁸ Чернокожев В. Антитоталитарната литература: памет на злото, отговорност за бъдещето / В. Чернокожев // Антитоталитарната литература / ред. В. Чернокожев, Б. Кунчев, Е. Сугарев. – София, 2009. – С. 13 – 22.
- ⁹ Вачева А. Отвъд цензурата – опит върху «другата» литература в Полша / А. Вачева // Антитоталитарната литература. – С. 394 – 404; Савов Г. Неусмирими творци. Антитоталитарната литература южнославянските страни / Г. Савов // Антитоталитарната литература. – С. 405 – 418.
- ¹⁰ Милчаков Я. «Дипломат, градинар, мемоарист». Мемоарите на българските дипломати-емигранти след 1944 г. / Я. Милчаков // Антитоталитарната литература. – С. 302 – 320; Балевски В. Стефан Маринов Йовев (Стефан Троянски). Най-голямото име в българската емигрантска антитоталитарна литература в Германия / В. Балевски // Антитоталитарната литература. – С. 321 – 328; Кулева В. Българският творец-изгнаник след 1944 година – скиталчески дух между два свята / В. Кулева // Антитоталитарната литература. – С. 355 – 360.
- ¹¹ Димитрова Е. Тоталитаризмът и моделирането на литературната история (модернизъм и неговите интерпретации) / Е. Димитрова // Антитоталитарната литература. – С. 36 – 42.
- ¹² Аретов Н. Непретенциозната проза на Асен Христофоров и проблемът за антитоталитарната литература / Н. Аретов // Антитоталитарната литература. – С. 73 – 99.
- ¹³ Попов Ч. Соцреализмът: някои терминологични въпроси / Ч. Попов // Социалистическият реализъм. Нови изследвания / сост. Пл. Дойнов. – София, 2008.
- ¹⁴ Алипиева А. Литература, литературен бит и институции. Механизми на управлението през втората половина на XX век / А. Алипиева // Антитоталитарната литература. – С. 100 – 111.
- ¹⁵ Попова М. За българския ГЛАВЛИТ (1944 – 1956) / М. Попова // Антитоталитарната литература. – С. 122 – 130.
- ¹⁶ Господинов Г. Контратоталитарният Вапцаров: лична среща монументална история / Г. Господинов // Антитоталитарната литература. – С. 64 – 72.
- ¹⁷ Христов И. Атанас Далчев и социалистическият реализъм – несъответствия в метода / И. Христов // Антитоталитарната литература. – С. 43 – 52.
- ¹⁸ Юда Ц. Под знака на НРБ. Българска култура и литература в капана на идеологията / Ц. Юда / превела от полски С. Борисова. – София: ИК «Колибри», 2006. – 262 с.
- ¹⁹ Juda C. Pod znakiem BRL-u. Kultura i literatura bułgarska w pułapce ideologii / C. Juda. – Kraków, 2003.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ*

Павел АСТАНИН – аспирант Кафедры международных отношений и регионоведения Факультета международных отношений Воронежского Государственного Университета, Воронеж, Россия, hummel87@rambler.ru

Александр БОЛДЫРИХИН – аспирант Кафедры международных отношений и регионоведения Факультета международных отношений Воронежского Государственного Университета, Воронеж, Россия, commando@inbox.ru

Максим ЕГОРОВ – аспирант Кафедры истории нового и новейшего времени Исторического факультета Воронежского Государственного Университета, Воронеж, Россия, maxim_nba@yahoo.com

Максим КИРЧАНОВ – к.и.н., доцент Кафедры международных отношений и регионоведения Факультета международных отношений Воронежского Государственного Университета, Воронеж, Россия, maksymkyrchanoff@gmail.com

Лариса ПЕТРОВА – к.соц.н., доцент, докторант кафедры теоретической и прикладной социологии Уральского государственного педагогического университета, Екатеринбург, Россия, docentpetrova@gmail.com

Евгений ПОЛЯКОВ – к.полит.н., преподаватель Кафедры социологии и политологии Исторического Факультета Воронежского Государственного Университета, Воронеж, Россия, irshakhchan@mail.ru

Дмитрий ПОПОВ – к.соц.н., доцент, докторант кафедры теоретической и прикладной социологии Уральского государственного педагогического университета, Екатеринбург, Россия, desident@uralweb.ru

---

* Сведения об авторах приведены по состоянию на ноябрь 2011 – март 2012 года, т.е. период формирования и подготовки номера к печати

INFORMATION ABOUT CONTRIBUTORS

Pavel ASTANIN – *aspirant* / PhD Student of Department of International Relations and Regional Studies, Faculty of International Relations, Voronezh State University, Voronezh, Russia, hummel87@rambler.ru

Alexander BOLDYRIKHIN – *aspirant* / PhD Student of Department of International Relations and Regional Studies, Faculty of International Relations, Voronezh State University, Voronezh, Russia, commando@inbox.ru

Maksim EGOROV – *aspirant* / PhD Student of Department of Modern and Contemporary History, Historical Faculty, Voronezh State University, Voronezh, Russia, maxim_nba@yahoo.com

Maksym KYRCHANOFF – *kandidat istoricheskikh nauk* / PhD in History (Voronezh State University, 2006), *dotsent* / Associate Professor of Department of International Relations and Regional Studies, Faculty of International Relations, Voronezh State University, Voronezh, Russia, maksymkyrchanoff@gmail.com

Larisa PETROVA – *kandidat sotsiologicheskikh nauk* / PhD in Sociology (Ural State University, 1998), *dotsent* / Associate Professor of Department of theoretical and applied sociology of Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia, docentpetrova@gmail.com

Evgenii POLIAKOV – *kandidat politicheskikh nauk* / PhD in Political Science (Voronezh State University, 2008), *prepodavatel'* / lecturer of Department of sociology and political science of Historical Faculty, Voronezh State University, Voronezh, Russia

Dmitrii POPOV – *kandidat sotsiologicheskikh nauk* / PhD in Sociology (Ural State University, 2009), *dotsent* / Associate Professor of Department of theoretical and applied sociology of Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia, desident@uralweb.ru

---

Научное издание

Российский журнал исследований национализма
2012 / 1

Периодическое издание

На русском языке
Публикуется в авторской редакции

Подписано в печать 18.04.2012 г.
Тираж 100

394000, г. Воронеж
Воронежский государственный университет
Московский пр-т, 88, корпус № 8, ауд. 105, 107
Факультет международных отношений
8 (4732) 39-29-31, 24-74-02
